Научно-популярный журнал «Апокриф»
Жизнь 11. Прил. 1 к № 21 (199), 11/2020 www.APOKRIF93.com ISSN 2308-2763

Daniil Turygin
Dongle Steiner
Fr. Gilel Ben Shahar
Kate Range
Lu
Winterdrache
Алекс Фаворский
Алина Азовская Голд
Алина Лаванда
Андрей Зимин
Артур Сущев
Василий Нестеров
Владимир Комаров
Илья Мукашов
Катерина Шевелькова
Мельникова Ксения
Минона Рибис
Мышильда Генриетта
Нэлла
Ортхэннер
Семён Петриков
Тарья Трест
Факир
Элиас Отис
Юрий Оморок

Аделаида

АДЕЛАИДА
Клуб поэзии и авторской песни

Литературный альманах Народа Звезды

Выпуск 8

Кёнигсберг 2020

141 ἀπόκρυφος

Калининградский научно-популярный журнал Апокриф

14АГ

ἀπόκρῠφος

НАУКА РЕЛИГИЯ МАГИЯ

Официальное издание Ордена Белой Обезьяны

ISSN 2308-2763

Жизнь 11. Приложение 1 к № 21 (199), ноябрь 2020 e.v.

ЗА ЮМОР И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!

ДЕЛАЙ ЧТО ЖЕЛАЕШЬ — ЖЕЛАЙ НЕВОЗМОЖНОГО!

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания электронного адреса журнала

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Редакция оставляет за собой право отказать в публикации материала без объяснения причин

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (http://vk.com/obezjanki), 2003

Издатель: Орден Белой Обезьяны

Проект основан в 2003 г. Выходит 1 раз в месяц

В составе журнала выходят также нерегулярные приложения.

Главный редактор: *Fr. Nyarlathotep Otis (Роман Адрианов)*
Дизайн *— Fr. Nyarlathotep Otis.*
Иллюстрации на обложке *— Борис Вальехо*

Электронные версии журнала: http://apokrif93.com, http://vk.com/apokrif93

Другие проекты: http://frotis.wordpress.com/

Электронная почта: 93in39@gmail.com

Редколлегия журнала «Апокриф» и авторы журнала, 2020

Fr. Nyarlathotep Otis, 2020

Кали-град

Лалангамена:

Литературный Альманах Народа Звезды

Выпуск 8

Произведения авторов, опубликованных в 2019-2020 гг.

Выпуск издан 19.11.2020 г.

Счёт в системе Яндекс.Деньги: 41001416643125

Карта Сбербанка России: 5336 6902 4604 9151

ОСЛЕПЛЁННЫЙ ГУИНПЛЕН

Он брёл в одиночестве средь шумного люда
Ему не нужно было ничего,
Лишь знал он одно, —
Что счастья не будет.
И чувство мести сердце жгло.
Наощупь он брёл —
— Лишь клюка ему в помощь.
Ото всех он ушёл
В Хэллоуинскую полночь.
И знал он, что ждёт его там:
Униженья, голод и лишенья
Не в силах он был стерпеть —
Убежал, чтоб счастливым
Побыть хоть мгновенье.
Уж много он лет
Во скитаньях проводит,
И Смерть, что он ждёт,
Всё никак не приходит.
А кто знает, что лишь сие для уродца
К спасенью ключ, что на дне во колодце.
Уж Солнце взошло, и рассвет накрыл мир,
А он всё бредёт, не жалея сил.
Он смерть приближает —
— спасенье от мук.
Не лучше ль тогда удавиться о сук?
Но веровал он, что сие — большой грех.
Это его поражение в игре.
И вдруг... улыбнулся он, глядя в ручей,
Увидел красу в отраженье лучей
Он словно забыл, что с ним было тогда,
Когда изуродован был навсегда,
Забыл он, что плен был,
Забыл тот побег,
Когда в облике девушки переплыл сотню рек,
А всё для того, чтоб спастися из плена.
Ценою свободы стало колено:
Теперь хромота — его вечный удел.
Но взгляд его ясный уже потускнел,
Но верит слепец, что свобода дороже,
Хоть вынужден ныне пугаться прохожих,

Ведь бывший хозяин его, как шакал
До недавних пор его везде искал,
Но высшие силы ему помогли
Укрыться и избежать петли,
Ведь знал он с младых лет,
С теми, что происходит,
Кого компрачикос вскоре находит.
А чтобы малец не взирал больше на кровавые реки,
Лишил его очей Хозяин,
Зашив суровой нитью веки.
Бежал он от Хозяина лишь чудом:
Оплошность слуги позволила вырваться оттуда.
И сквозь леса, поля, ручьи
Бежал он прочь, — но лишь в ночи,
Ведь днём цепные псы за ним.
Хозяин был неумолим,
Но вскоре Гуинплен узнал,
Что душу Богу тот отдал.
И вот лишь пару лет теперь
Он бродит по Земле как человек.
А совсем ещё недавно словно был он зверь
И думал, что судьба его — так доживать свой век.
Но в города он не заходит —
— Боится, лишь поодаль бродит.
Он знает, что плебеи были за того,
Кем был порабощён он достаточно давно.
И вот, опьянев от свободы,
Он обнажил свои уро́ды[1].
Но был красив невероятно
Его безумный, диковатый взгляд.
И вот он заприметил, наконец,
Дым городов, что полны были чудес.
И, встав с Земли, он отряхнул
Землю рабства с платья своего,
А после зашагал уверенно он в град,
Пусть знал — никто ему не будет рад.
Однако он таил надежду в глубине души
Найти покоя, наконец, в городской тиши.

[1] Здесь — уродства.

τετραμορθεόσ

...вернёмся к более фрагментированной, в конечном счёте, более растраченной душе, и слава Богу.

После этих слов Тетраморф пал ниц пред ним и сказал:

Я чувствую себя ничтожной пред тобою, Отец. И я не хочу оставаться здесь ещё дольше. Почему какие-то люди у меня на плечах непрестанно что-то говорят мне?

Он сказал ей: дерзай, дочь моя!

Агнца, взявшего на себя парализовать работу этой системы, настигнет слава Отца, нас же — разрушение инфраструктуры...

Мы дети, Отче, мы бесконечно малы. Но множество нас таковых. Мы — Рой, и имя нам Легион.

Мы уже говорили, что не хотим править? Не могу вспомнить... я всего лишь ребёнок, и всё, что у меня есть, это время.

Соглядатай, обольститель, расхититель капиталистических благ, фальшивых, как жизнь моя в руках неприятеля. Моя душа истлела.

Воистину, мучительно бремя Жизни! Но не скрыться от Неё, ибо Она помазала меня во славу Незримого Духа в Полноте Своей.

Оказывается, это взбесившийся клубень смыслов, но что они означают? Как его очистить?

Он сказал им: вы, порабощённые, кому повинуетесь? Духу злобы! И вы будете внимать ему, пресмыкаясь. Но Пославший меня соделал так, чтобы видевший Сына стал Им.

Мы на распутье. Распутные твари. Похотливые девы в менструальной крови. Боль плоти пронизывает пространство. Мы распяты на Древе этом. Это наш Путь — наше проклятие.

Он сказал: ты из другого рода, ибо узрели Мы, тебе до глубины души [censored] на это тело.

И увидел я Иное Небо и Иные Земли, ибо прежние отторгнуты актом дефекации.

Я не могу причинить тебе боль. Ты — первая корова, которую я познал. То же делали пророки с отцами вашими.

Тогда пал я на лице своё и провозгласил: Свят, свят, свят, Иао — Чадо Света. Ты — Единственный достоин принять дух мой!

Я не могу причинить тебе боль. Но когда я смотрю на тебя, то вижу его ошибки, его работу в чистых субстанциях. Вы не осилите маршрут. Заметьте, у каждого своя ноша!

Тетраморф поклонился и сказал: Благословенно чрево, породившее Тебя, о Дух, не осквернённый злобой. Но когда оно станет бременем для всех людей. Меня тошнит от парадоксов. Вы оставили Того, Кто ломает скрижали ценностей. Разрушитель. Преступник! Но нет здесь иных, как бы сильно я ни хотел обмануть себя

и показаться благородным и учтивым. Я чувствую, как поток воздуха со свистом течёт через пенис в анус и срезает дерьмо...

Прежде, нежели Ты разрешишься Выкидышем, ослепи око его. Ибо сослепу явлена вся та мерзость, в коей вынуждены мы томиться, как в навозной дыре. Здесь слиплось добро и зло. Не быть сему! Ибо вы из иных родов. Спасены были к жизни вечной.

«Мы провели целую серию экспериментов над пациентами, сделали эффект густого, качественного плацебо своей оригинальной рецептуры, синтезировали оригинальные поддельные препараты, а также "лично" поставили несколько необычайно интересных диагнозов».

Завтра я буду mgr(t)ph. Вы найдёте духовное — и уже не будете смеяться. Вы благочестивы — и уже достигли сумрачности. Они позволили мне говорить словами, но я вспоминаю: что же всё-таки Я делал в Египте? Велика скорбь Моя, ибо дети Божьи — в сломанном мире.

Это Я сокрыта в них, а они — в Нас. Но не думайте, что Я уподобилась человеку в бесчестье Своём, Вся — пламя... ожог груди полой надежды, Моё сердце питается бесплодной любовью.

Тетраморф сказал: Встань рано утром и принеси себя в жертву всесожжения. И, восстав, иди к месту, где услышишь голос поющих.

В некоторой степени такой «план» позволяет увеличить число конечных, но целочисленных дистанционных отношений между членами семьи социального роя.

Свою жизнь разменял Он на Полноту радости. Но это место (topos) в мире (kosmos), покрытое нейронным жужжанием, избавлено будет от рода человеческого. Вы не единственные станете причастниками сего избавления. Вы думаете, вам дано распоряжаться жизнью своей?!

Верую (ибо нелепо), что можно смеяться без пениса, но так не познаешь ни йоты.

Ты полагаешь, что сам причиняешь себе боль, но истина в том, сказал Он, что смерть бога не имеет никакой силы, — но только вера, действующая любовью.

Жизнь есть страдание, или нечто Иное, как частицы, как элементальные множества? Её пороки суть добродетели, взывающие к Иному состоянию, к промежуточному Телу Отца нашего.

Какова же природа обратного естества?

Противоестественно пребывать в мире, в коем отчаяние — сильнейшая из страстей: оно манипулирует твоими корнями и ветвями, прежде всего на периферии, там, где ты не можешь уследить, далее, опоясывая тебя по кругу... женщины не избегнуть, не сокрыться от очей Её.

Какова природа женщины, которая очаровывает, пробуждает страсть, а затем приводит к отчаянию, тайно пребывающему во мне?

Не должны вы наполнять плоть похотью, которая желает противного духу Её... Ты плачешь? Или чудится мне? Вот почему тьма превращается в реку крови, кишащую рыбой. Она [тьма] станет чем-то влажной природы, способом невыразимого бурления, выплёвывающего дым, как вытряхивают мешок с мукой... но тот, чьё девство преисполнилось, вскоре утратит его, не так ли?

По ту сторону реки на структурной модели, где ближний твой пал от рока, но там, где есть оазисы, есть и дальний, который не возненавидел братьев своих — Моих сыновей, твой пир мне не нужен, слишком много людей... это пограничное состояние, ибо ты был со Мною, потому Я знаю, — оно уже началось.

Зёрна глупости легче всходят, чем плевелы разума, чем больше он научается, тем больше находит среди людей Его величие — хвала Царю нашему — Он жив, они Его не признали...

Не желай зла ближнему своему. Любовь суть исполнение закона. Ты не мерило меры, но линия веры.

«Отмороженные девушки первого Причастия, хлорированные по заветам Белоснежки», изначальный замысел можно найти в этой книге...

Повторяю, всё остальное я поместил в эту книгу. Я оставил в ней горчичное зерно.

Он застал меня одну и сказал: Не бойся, только веруй, и спасена будешь. Дурные и опасные дела — признак Моего присутствия: так думает каждая грязная потаскуха.

И когда Он был недалеко от дома, Сотник послал к Нему парализованного, за которым шли Четверо.

КТО ЗДЕСЬ?!

«Кто здесь?!»
Обернулся.
За моим столом
пером,
словно лезвием —
знаменем битвы
я старый перетряхиваю
словесный лом —
гектары,
километры,
литры.

И львиным рыком
мои письмена
рвут в клочья воздух.
Рифмованный выбежал.
Шептал исчезавшие те имена.
Шептал
и сорвался на крик, —
не выдержал.
И страх сновал по столу,
а ноги —
не ноги уже
и не плети даже.
Роняю —
писателишка убогий —
имён и фамилий
тугую поклажу.
Рассыпались,
выбежали
на попранье народам.
И силился изменить всё,
пока не поздно.
Был долог мой путь по ручьям и бродам,
по яслям,
по рвам
и по птичьим гнёздам.
На миг срисовавшишь
в другую картину,
в которой я —
не фантаст,
а философ —
взял в руки перо
и задумал длинный,
как та из пословицы
с длинным носом.

ДО ТОЧКИ

...я не писал плохих стихов
давно
и вовсе никаких
ни строчки
но вот
однажды
потекло
по серым будням всё
до точки
.
я всё искал покой
своей душе,
по жизни беспокойной,
но мне
пора найти уже
один мотив
простой и стройный
он поведёт
рукой
схватившись за руку мою
меня таинственной рекой
бурлящей недрами глубин,
а я по-прежнему стою
и я по-прежнему
один...
не стоит мне писать
стихов
плохих, хороших, разных,
не получу за то цветов
таких как я
беспечных, праздных
пусть этот праздник
здесь
в душе
живёт, как хочет он, —
капризно, громко
и пусть он вскорости
пройдёт

останусь я
забыт и скомкан
и напоследок,
схоронясь,
уйду я поступью могильной
и чем скорее втопчут в грязь
мой прах,
тем раньше я
на крыльях
вознесусь
туда
где нет уже ни боли,
ни тоски
где позабудут навсегда
меня,
быстрей сотрут с доски
моей гордыни имя
и память
обо всём,
что здесь со мною было
в былое,
в вечность унесёт
пусть сердца стонет
жила...
лишь мысль
нам явится одна
прекрасная как небо
сиянием чистого огня
теплом
родного хлеба:
да будет жизнь...
да будет жизнь!!!
ведь Я тебя прощаю
ты умирать
не торопись
ты не умрёшь,
Я это
знаю...

СУХОЙ ЗАГОН

Мы можем позволить себе все что угодно,
ибо такова Воля наша — таков Её суровый закон.

Загон для скота.
Хмурый приход.
Ода Тому, Кто был, есть и грядёт.
Трубы горят.
Вонзи в меня свой острый клинок.
Клитор вибрирует у Тебя между строк.

Читай меня как раскрытую книгу.
Я весь исписан до крови.
Вино новое источающий, Я — внутри.
Приоткрой...
И читай!
Причастись моей частотой.
Стань соучастником исступления.
И волною одной
Стань!
В этом нет преступления.
В этой крови не выкуп безумному богу,
в ней — хинин для больного
высокотемпературного бреда.

Срань... господня!
Сказка для говноедов.
Катарсис — для Волею опущенных.
Единый пришёл и поимел всех и каждого.
Он познал.
Познаешь ли ты Его?

Впусти Гнозис во внутренность твою.
Ибо так Пронойа приняла Его в лоно Своё.
Мысль приняла Знание.
И понесла от Изначального.
В муках разрешилась
от бремени Слова, сказанного с Мудростью.
Она — София — Его спутница.
Распутная.
Распухшая.

Она...
...в сухом остатке...

А мы — Её придатки.
Яички...
Открой личико.

Я — твой Чикатило.
Интеллигент в очках.
Педагог со стажем.
Твоё «очко» —
в моих нежных руках.
Не бойся, мы вход в бездну смажем.

Жеманный, иду к тебе.
Бормочу как иностранец.
Слово сладко на моих устах.
На твоих —
Его семени глянец.
Оно жгучее, переливается красками.
В нём весь твой смысл, как блудница затасканный.

Сказ окончен.
Помянем кончину века
кубком Иного совсем вина.
Сухого, как губы распятого
человека.

ФЕРМАТА

Как сладок сон.
Поставь на нём фермату —
и будешь ты
безвременьем пленён.
Проснёшься, —
станешь вновь солдатом
больших свершений,
войн
и времён.
Как сладок сон.
Нет счастья,
нет сражений,
лишь только память
повторяет путь:
путь, пройденный без пауз,
без сомнений,
ты сможешь сотни раз пройти рискнуть.

ЕТИШКИ

Дети мои, для которых я снова в муках рождения,
доколе не изобразится в вас Христос!
(Ап. Павел)

Мы все искалеченные детством.
Предо мной оголена ты, не спеши раздеться.
Я любил тебя.
Ты — мой ОтецМать.
Не претендуй на наследство. Ведь ты под следствием.
Последствия?
Ты теряешь разум.
Bром кипит под крышкой унитаза.
Этот напиток исцелит вас от порчи и сглаза.
Анализы в норме. Азазель в коме.
Кроме тебя, тут никого нет,
нет мелочи,
нет дьявола в мелочах,
нет вообще монет.
Ты как юный Моне.
Впечатление...
На холсте от свинцовых белил не осталось следа.
Твоё юное радиоактивное тело...
червоточина — в сердце,
а на лике — слеза.
Девятка Треф. Ход крестом.
В темнице разума Я арестован.

Пропуск кадров
Когда же будет попуск «кадра»?
К аду Ра
Какой-то нескончаемый...

...трип.
Увлекательное путешествие.
Путь, иначе говоря.
Ты мне назначен где-то Сверху.
Неоднозначно, но легко,
играючи пройду его.

*

Ты Голос Вечности обяжешь,
ты Бесконечность тихо свяжешь
в клубок
и в логово своё —
в тот тайный грот, что полнится тенями.
Я миг остановлю.
Между ладоней Мысль Твою согрею.
В раю прорвало батарею.
И хлещет кипяток багряно-красный,
стекая в кубок твой
нектаром Золотого века.
ЭКО.
Искусственные чада
во искусительном Саду открыли настежь двери.
Спасти ли Душу вам
истерзанную
Зверем?

ИЗНУТРИ

Изнутри утри утробы мякоть.
Прекрати глухие Её стоны
Десницей Бога
закрой уста её.
Не плачь над трепещущим оком сына Её,
но внимай глубокому дыханию боли
о минувшем счастье.
Расширь душе место в сердце.
Пой!
...мёртвой осени небосвод...
И танцуй на солнце в ночном фимиаме —
и ты усвоишь Мой урок
у ног павших святых
и у ног живых.
Пой!
Напрасно внимаешь ты звукам лукавым в уме твоём.
Гро́зы?
В душе моей нет грозы́.
Сыны мёртвых излили
глухие проклятия богам своим.

И в эти минуты
каждый в [censored],
как некогда предателей Огня.
Ищущим же Его даровано детство...
...будто бы дети Его и вправду рождены.
Горе вам! отступники невинные.
Горе вам, чумные на Пути отверженных!
Кто вам сказал, что я — Тот, Кто постиг?
Пусть же постигнет
тот, кто в раю
отыщет мой Лик?
Кто из рая, тот отречётся от меня, —
того уже не настигнет Рай...
О, эта извечная история!
Ветхий корабль приветствуют светила.
В юности нет нужды.
Разве не пора ль
идти
впереди?
Я иду.
Меня душа ожидает.
Встречает под свечой.
Пусть надо мною
зависли мрачные очертания северного сияния.
Ведь мои звёзды тоже зависли
в небе...
Там и я
посреди
них.

ЧЕТЫРЕ

Пишу,
высекаю
небесных Отцов четыре.
Троих все знают,
четвёртый — распят на лире.
Лиричит, чуждый,
сонетами рай устлавши.
Он ранит душу,
из них — самый настоящий.

СОН

У моих ног сидела женщина — она смотрела очень печально. Я ей сказал: «Зачем ты покупаешь любовь? Тебе самой от этого не больно, не противно?» Она молчала. Я тоже долго молчал. Потом я сказал: «Ты не понимаешь, что тварь просто издевается над тобой. Ты проанализируй её поведение и увидишь, что она тебя использует нагло, откровенно, неприкрыто». Женщина молчала. Я сказал: «У тебя были в жизни люди, кто тебе делал добро?» Женщина ответила: «Были. Я помню и ценю это». Я ответил: «А что заслуживает тварь, которая не помнит добра? Есть духи, которые умеют только брать от других, но не умеют отдавать, пока их не заставишь насильно». Женщина спросила: «Ты делал ей добро?» Я ответил: «Очень много. Я её поддерживал, когда ей было тяжело. Я ей очень много дал, хотел, чтобы она была счастлива. А знаешь, у неё психология крысы. Чистое потребление. Она ничего не воспроизводит, кроме предложения себя и поливания грязью других. Где ценность и смысл ею работы?» Женщина сказала: «Я стараюсь закрывать глаза». А я сказал: «А ты не закрывай и открой. Знаешь, что есть психология крысы? Инстинкт размножения. Инстинкт потребления. Инстинкт самосохранения. Не ищи в ней большего». Женщина улыбнулась. Я ответил: «Меня нельзя купить за кусок пиццы и бутылку вина. Но я помню, как люди ели траву около Медного Всадника. И мне это до сих пор снится. Мне хочется, чтобы тебе тоже это приснилось». Мне показалось, что женщине страшно. Я поднялся и скрестил руки на груди: «Знаешь, я её защищал очень долго. А сейчас знаю — она родную мать продаст за кусок пиццы. Не то что учителя. Я даже рад, что так вышло: когда ты наблюдаешь грязь, что вылазит из людей, — понимаешь, кто тебя достоин, кто нет». Женщина сказала: «Я подумаю над этим». Я ответил: «Я хранил её сердце. Маленькое серебряное сердце, которое она мне подарила. У меня железное терпение и холодный рассудок. Но если чаша негодования переполнена — я делаю выводы. Я выбросил её сердце с моста. Это значит, что от моей энергии ей больше ничего не перепадёт. Ни охраны, ни защиты — от меня она не получит. А тебя я никогда не держал». Женщина сказала: «Ты ещё придёшь?» Я ответил: «Время покажет». Потом я стал прозрачным, и женщина поняла, что была одна в комнате.

ПРОРОК ДАНИИЛ

Пусть влюблённые пары цветы возлагают.
Одиночество чёрное в бездны зовёт.
И над шпилем огни одиноко пылают.
Время вышло, и начат обратный отсчёт.

Тени, кляняясь, тихо плывут мне навстречу,
Но одна только тень за собою зовёт.
Нет для мира меня в этот праздничный вечер.
Потому что сегодня со мной Астарот.

АСТАРОТ — ПРОКЛЯТИЕ

Чтоб тебе было тошно —
Хоть вниз головой с моста сброситься —
Оттого, что тебя все покинули.
Чтоб тебе было сложно —
Жаться от всех да морозиться.
Чтобы каждое утро твоё — было другого унылее.
Чтоб тебе было больно —
От прошлого поведения сучьего.
Чтобы слёзы глотать — не наглотаться,
Чтоб тебе не получить больше лучшего,
Чтоб тебе в вечном одиночестве остаться.
Чтоб тебе все глаза по каплям выплакать,
Чтоб тебе не найти покоя,
Чтоб тебе идти тропою зыбкою,
Да с моста упасть, что над Москвой-рекою.
Пусть тебя люди честные сторонятся.
На твои вопросы не отвечают.
Пусть тебе жизнь будет тошною —
Ад всё видит, Ад не прощает.
Пусть тебя бьют по рукам протянутым —
Да не подадут милостыни.
Скуют черти тебя на Дне Адовом
Да пронзят раскалёнными вилами.
Пусть плюются все в твою сторону,
Пусть обходят мимо, головой качают.
Пусть тебе накаркают чёрные вороны —
Все ступени к чёрному отчаянию.
Пусть тебе будет пусто — ничего не ладится.
Пусть тебя гонят впредь отовсюду.
Скоро ты не сможешь ярко краситься —
Выходить стыдиться будешь в люди.
Таково Ваал-Шенота проклятие.
Таково Проклятие Астарота.
Будет пожрана твоя память.
Да потонешь в забвенья болоте.

НКВД

Четыре пролёта по скользким холодным ступеням
Меня навсегда уведут из несчастного мира.
С нелепой надеждой опять обернусь на мгновенье —
И встречу угрюмый и пристальный взгляд конвоира.

Вошли в коридор, где шаги отдаются так гулко,
И с грустью неясной внезапно опять вспоминаю —
Ту явку-квартиру в далёком глухом переулке,
Куда прошлой ночью чекисты явились за нами.

А вот кабинет. Тёмно-бурые пятна на стенах —
Свидетели многих, неслыханных прежде признаний.
Невинные люди здесь каялись в страшных изменах,
Друзья и соседи давали на них показанья.

Шпионом чекисты решили признать меня срочно,
Четвёртый допрос проводить почему-то не стали,
Поставили к стенке и чёрной октябрьской ночью
Меня, как и всех моих лучших друзей, расстреляли.

Привет вам с небес от жертв произвола режима,
Теперь мне открылись для вас неподвластные дали.
Потомки в секретных архивах прочтут моё имя
И вас проклянут, за то, что меня расстреляли.

* * *

Её кровь на дорожной грязи
В чёрном зеркале вижу я снова.
Пусть опять побеждают ферзи.
Если биться слоны не готовы.

Её грязная чёрная кровь
Растекается вновь на асфальте.
Казнь для тех, кто не верит в любовь,
Но опять побеждает в пенальти.

Её мёртвый безжизненный взгляд,
Как у куклы тоскливо-бездушный.
Перед ней отверзается Ад,
Но у твари в глазах равнодушье.

Её чёрная тёплая кровь
На руках моих всё не остыла.
Я столкнул её в огненный ров.
Душу в пекло, а тело в могилу.

ЛЮЦИФЕР И ДИАНА

Не ища прощенья за грехи
И зажав открывшуюся рану,
Вспоминал я давние стихи
Про Жестокую Владычицу Диану.

Я порой скучал по ней во сне —
Меж могил её ждал утром ранним,
Но услышал зов её ко мне
И увидел руку из тумана.

И была на вороном коне,
И заклятья пела мне влюблённо.
Кровью проступали на стене —
Имена трёх душ приговорённых.

Три ужасных спутника её —
Только мне внушили вновь надежду.
Им ликует нежность и зверьё.
Их боятся лишь одни невежды.

И летят за теми, кто в грехах,
Весь погряз, как бы в дорожной пыли.
Тушат свет, утерянный в веках,
И ведут нечистых гнить в могиле.

И Диана, под руку со мной,
Подошла ко рву с улыбкой смелой.
И увидел с чёрной головой
И открытыми глазами тело.

«Посмотри! — Диана говорит, —
Что за Дар Тебе Смерть даровала?
Верно враг Твой иль уже убит,
Иль грядущее на лезвие кинжала?»

И четыре всадника со мной
Бросили опять свой чёрный жребий.
Я ушёл с кинжалом и с косой,
А она исчезла в тёмном небе.

РОЗА МИРРА (СУД ВЕДУЩИХ)

Пришла к Нам Тень на Суд Ведущих.
И долго с Нами говорила:
«Я — Вестник Ужасов Грядущих.
Я — Древний Долг, я — Роза Мирра.
Я — тень крылатая, ночная.
Я — ведьма ведьм, венец колдуний.
Я Ад и Рай прекрасно знаю
И Бездну вижу в час раздумий.
Я знаю путы человечьи,
Что за грехи им надевают.
Мне нити мойр покрыли плечи,
Что людям жребий их решают.
Стоит Анубис предо мною
И сердце на весах качает,
А Марс железною стрелою
Мой гнев на цели направляет.
Поверьте, я порой чужая,
Я вижу свет чужих вселенных.
Я не жестокая — не злая,
Я просто слишком совершенна.
Дракон — жестокий и свирепый —
Меня со скал когда-то сбросил.
Я знаю — это кара неба,
Меня ж земля поныне носит».
А Фараон нахмурил брови:
«Драконы созданы Сутехом.
Не будь, колдунья, многословной,
Но будь жестокой и свирепой.
Вдали, ты слышишь, Роза Мирра,
Вновь звон раздался похоронный.
И ради своего кумира
В ночи веди того Дракона.
Бери за повод ты смелее,
Тебя Дракон прекрасно знает.
Он пару раз укусит в шею,
Немного в лапах истерзает.
Когда же чёрный час настанет —
Наметив цель — отпустишь повод.
Анубис за тобой с весами —
Виновным сдвинет крышку гроба».

NEBUCHADNEZZAR II

1. Записки Прокажённого

Устранясь от людей, источаю яд мысли,
Окровавленным змеем скользя по листам.
Дочитать до конца клинописные тексты
Не под силу покорным, смиренным рабам.
Потому что в их жилах тлетворное семя
Породило отчаянный, мерзостный груз,
Их осанна в крови и зловоньях истлела,
Их страданья у ангелов вызвали вкус.
Ненавистна вам правда свободных и гордых,
Вы бежите от нас, как от чёрной чумы.
Наших искренних слов, наших возгласов твёрдых
Не хватает вам в пропастях чёрной зимы.
Гнёте спины смиренно и лижите руки,
Уподобившись кротким, паршивым скотам.
Вам ещё предстоит пережить эти муки
Неприятья на входе в полуночный храм.
Я закрою глаза ваши твёрдой рукою,
Я вам выколю уши, заставлю молчать.
Я во Тьму ваши души стащу за собою,
Потому что совсем не умею прощать.

2. Куда Мне девать Чёрный Меч?

Куда Мне девать Чёрный Меч?
Всё в ножнах ему не висится.
Пускай его будет стеречь
Зловещая Чёрная Львица.

У Львицы свирепый оскал,
Крадётся походкою Хищной,
Когда-то жестоко прижал
Проклятием львицы Всевышний.

Проклятье слетело во прах,
Отверзлись могильные своды,
Внушая безумье и страх,
Зверь Бездны нашёл Путь Свободы.

На львице чернеет клеймо,
За нею — стоят злые черти.
За нею — могильное дно.
За нею — Прегордый Царь Смерти.

Ей в лапы отдам Чёрный Меч,
Там Клинопись на рукояти.
Она его будет стеречь
Мои вспоминая объятья.

Одна среди чёрных глубин,
Меж каменно-мраморных пастей.
Ей будет теперь путь один —
Начать мстить врагам за несчастья.

Из Ада в Живые Миры
Я Путь укажу ей короткий.
Пусть выйдет из Чёрной Дыры
И тварям пусть вцепится в глотки.

С зубов её капает яд,
Её когти смазаны кровью,
Один Я ей искренне рад,
Один Я плачу́ ей любовью.

И пусть же Мой Чёрный Клинок
Свершит своё Чёрное дело —
Пусть львица метнёт его в срок
В свиньи грязной тучное тело.

3. Сказка о виночерпии

Виночерпий набирал воду в колодце. День был не в день, а тёмный, как вечер. Луна была багрово-красной от душного, жаркого заката. От воды веяло гнилой тиной и тухлой рыбой. Колодец был чистым, в отличие от канала, по которому вода уходила к реке. Виночерпий спустил в колодец горшок для вина и вычерпал полный горшок чёрной крови. Он вернулся в дом и разлил её трём дочерям. Одна сказала: это похоже на вино, другая сказала — это похоже на сон, третья сказала — это похоже на яд. Ночной улицей шёл путник в чёрном плаще и с палкой, на которой висел череп. Он остановился у дома виночерпия и начал стучать палкой о землю, и когда виночерпий вышел к нему — потребовал пить. Виночерпий вынес остаток чёрной крови и отдал путнику. Тот сказал: «Десять таланов золота стоит это яство, но у меня их нет, а есть зверь о трёх головах». Он свистнул, и зверь явился. «Возьми его в уплату за вино», — сказал путник. «Это было не вино», — ответил виночерпий. «Я так долго ничего не пил, что даже не разобрал суть напитка, но утолил жажду», — ответил путник. И виночерпий забрал зверя. Зверь изорвал трёх его дочерей, затем перегрыз ему глотку и спалил дом, а затем вернулся к Nebuchadnezzar'у.

ВРАТА ХАЛИФАТА

1. Самгабиэль

В чёрном сумраке ночи — взметнулся крылатый,
Рассекая холодную Чёрную Тьму.
«Я пришёл из глубин, из далёкого Ада.
Дай мне руку — и спустимся к чёрному дну».
Спишь спокойно? Мои тёмно-синие крылья —
Могут верно, надёжно укрыть и обнять.
Мои мрачные гимны зверей разбудили —
Но лишь словом пророка проклятье венчать.
Что ты слышишь в Аду — то выходит на землю, —
Береги этот скорбный пророчества дар.
Всё равно — след врагов — заметает метелью.
Всё равно их мечты обернутся в кошмар.
А теперь дай мне руку и встань из могилы:
Словом Демона Ночи — тебя защищать.
Для тебя я собрал — очень древние силы.
Мне жестокость и злобу твою направлять.
Будь же верным, покорным их огненной воле,
Твоё сердце опять бьётся в мёртвых руках.
Пусть враги твои, друг мой, загнутся от боли.
Я же тайну сдержу на сомкнутых устах.

2. Азазель

Азазель — демон ярости, огненной злобы,
Он хозяин и нечисти, чёрным чертям,
Средь туманов встающих железных надгробий
Средь костей и останков, обрывов и ям.
Азазель в Ад уводит с блестящей улыбкой —
С жертвы гнева он с радостью шкуру сдерёт.
Кто свершил перед ним роковые ошибки —
Тем он после годами дышать не даёт.
Адский дьявол, жестокий, зловещий каратель,
Оставляет от сделки всегда чёрный шрам.
Искушённый в злодействии душ испытатель —
Пусть стекает вино у тебя по устам.
Изводи, и пытай, и пощады не требуй —
Изводить я тебе негодяев не дам.
Я в могильной пыли, и далёк я от неба —
Боль и муки несу нечестивым сердцам.

3. Азраил

Азраил — это чёрная слизь на руках,
Это Чёрная Тень у плиты гробовой.
Это холод могильный в закатных лучах,
Это Ангела Смерти завет роковой.
Я взываю к подземным холодным костям —
Пусть враги с ними делятся щедро теплом:
Если боль не секла их ещё по очам —
Поведу их холодным и гибельным дном.
За моею спиной — только тени могил —
Только праведным гневом наполнен мой взгляд.
Я из смерти миров — я живой Азраил.
Я лжецов и иуд уведу в чёрный Ад.

ГИМНЫ ГЕКАТЕ

I

Тепло забери, тепло укради,
Ходи над гробами — да мёртвых буди.
Кого укажи — тех ко мне приведи,
Других на нечестье и грех побуди.
Твой Храм — то погост — гробовая земля, —
Узор твой — то иней в метель января.
В холодном лесу у могильной плиты
Сквозь воздух твои проступают черты.
Ты — чёрная фея кошмаров ночных,
И рядом с тобою — твой вечный жених.
Сокрой же мой путь меж холодных снегов,
Сполна утолись кровью подлых врагов.
Незримо подвинь гробовую доску —
Упрячь туда горе, несчастье, тоску.
Упрячь туда слёзы, печаль и нелад.
Вражине открой меж могилами Ад.

II

Слава Великой Гекате!
Слава Владычице Смерти!
Пусть плоть вражины поганой
Рвут окаянные черти!
Пусть плоть вражины бесстыжей
Пищей чертям ныне станет!
Вечный твой друг — Древний Дьявол —
Вновь Твоё Имя помянет!

Выложи Путь Свой Костями!
Выйди из Древнего Ада!
И расквитайся с врагами,
Чёрная Злая Геката!
Чёрная Смерти Богиня
Держит в Руках Меч Полночный.
Режет и зло, и унынье
Сталью зловещей и прочной.
Вырвет язык у Иуды —
В землю могильную спрячет.
Руки завяжет во путы —
Пусть же вражина поплачет.
Тёмные злые болота —
Лес и холодный, и колкий.
Здесь твоя будет забота:
Всаживать в печень иголки,
Почки подвешать на спицы —
Вырвать глаза из глазницы,
Чтобы средь чёрной метели —
Черти лукаво свистели.

III

Жестокая злая Богиня
Ходила одна по погосту.
А в небе, холодном и синем,
Сверкали далёкие звёзды.
Дотронется к сердцу живому —
И сердце становится камнем.
Сбылось по велению злому,
Что было в заклятии давнем.
Твой путь — меж гробов и скелетов,
Ты Смерть, что встанет над Гробами.
Не дашь ты лукавых советов,
Твой серп души рвёт над холмами.
В ночи твои волки завоют —
Кровь вылакав с ран небосвода.
Шаги твои демоны скроют.
Одна ты даруешь свободу.
Ведёшь сквозь врата дней печальных,
Где вечер — холодный и зыбкий,
Поднимешь бокал свой хрустальный
И кровь выльешь в бездну с улыбкой.

КОБРА

Техноизба.
Ночь. Тишина.
Звуки диджириду, заревеёербенные, сгущают воздух, погружают.
Ветра гуляют по каналам, раскачивая, заворачивая.
По позвоночнику, будто по чашам, мягкими прикосновениями, многократно ударяют волны звука, усиливая резонанс, углубляя и учащая дыхание.
Сияющий луч пробивает снизу вверх.
Является образ Кобры.
Во мне и где-то вовне, поверх всей реальности.
Чёрная чешуя отблёскивает цветами Спектра.
Она хтонична, мудра, сильна, стремительна, безжалостна, мощна.
Дыхание труб и кобра взбурабливают землю изнутри, образовывая подземные тоннели, поднимая материю — к небесам и космосу.
Земля — сделана из мёртвых.
Змея — обращает её горизонт в жизнь,
В биение бинеров.
В бессмертие, в движение по спирали.
Эволюция. Несёт жизнь в космос.
Экспансия. Борьба. Обновление в совершенстве.
Новый сегмент её, следующее кольцо древа, расходится кругами по воде.
Биотехноразум, ИИ, прорыв к новым контурам человеческого сознания, выход в космос, гуманизация, глобализация, прирост долговечной коллективной памяти и многое другое — выпрямляющийся позвоночник её.
Синхронными вихрями разносится радостный смех расцветающего Гора.
Кобра приняла форму восьмёрки, спуская также поток от космоса к земле, и моё тело уподобилось этой форме 8. Реки разносились по телу.
Её глазами я иначе посмотрела на свою жизнь и увидела, что многое требует изменений.

* * *

Изгнание — это дар!
— Кто хочет играть с нами?
— Я, я хочу!
— Но «Я» — последняя буква в алфавите! Вон из Нас!
Раздевшись из круга, отступник, последний, становится первым
Шагом дороги, лепящей пирамиды, что разливают Око Змеями,
Умножением вверх или делением вниз, танцпола.
И вновь прервавший царствие своё во злате,
Становится низменностью и вершиной, между, в и вовне,
Течением апофатики, бог-ад-ством.

* * *

Направлением тысячи воль
Возгораюсь я к звёздам,
Каждый миг слышу звон величайших имён,
Что мерцают про шанс, данный в вечности лишь на мгновенье,
Чтобы жить про себя, зажигая лучи на пути,
Открываться запретной себе, обращаться в Иное.
Взбудараж в пламень камень,
Упоеньем все льды испари,
Возлияньем души углубись
В то паденье, что движет миры.

Сокрытые от бренных Демоны — Бодхисаттвы,
С башен плетут ваши думы,
Разверзается красотой их великая шутка,
Ядовит и блаженен их труд,
Разъедающа скорбь их о спящих, вторящих их песням,
В них — про надежду на новую ноту,
устремлённую сердцем твоим.
Взгляни своей смертью на вереницу побега от яркости твоей сути.
Как больно, как жутко будет услышать «серо»,
на вечный вопрос о смысле ста тысяч твоих воплощений,
в рефлекторных попытках согреться в неизменно распадающихся стенах,
Когда лишь их поддержание — препятствует свободе
В самоседлании извержения.
Расцвети, разъяри, размножь повсеместно,
Зов, что грохочет о нас, первенцах Новой Зари.

ПЛАСТИНЫ ВОСПРИЯТИЯ

Зима 2012. Ночь

Выстрел в мозг, падаю, взирая в потолок. Кол-во воспринимаемой инфы за единицу времени стремительно увеличивается. Поступающие ко мне сигналы от всех органов чувств становятся более многослойными, многогранными и объёмными.

Как мультиэкспозиция, звучание вокруг, вихрем слагается в новый громкий звук, проявляющий ритм «бум-бум-бум-бумбумбумббмбмбмбм», как кибернетичный барабан, ускоряя свой темп. Привычные цвета расслаиваются на множество отдельных волн, каждая — чистый яркий цвет, попадающий мне в мозг, так что теперь я могу видеть все цвета сразу и по отдельности в любом объекте.

Тем временем мой потолок закручивается прямоугольниками Фибоначчи вглубь, выявляя в пространстве между мной и потолком парящий символ инь-ян, дуальность, которая гоняется за своими хвостами и от себя, пытаясь прийти к целостности, но порождая пирамиду из пар стульев.

В то же время моё сознание является метакомпьютером, который просчитывает процессы в моём уме, всё глубже от личности к бессознательному, в род, в сознание планеты. Каждое явление и воззрение соткано из противоположностей, и теперь они схлопываются. Я выбираю обе и ни одну из них, таков механизм погружения. Свет и тьма, мужское и женское, природа и технология, информация и материя, запад и восток, север и юг, всё-всё-всё.

Я чувствую, что приближаюсь к сингулярности, мои мозги кипят от того количества и скорости информации, которую я сейчас обрабатываю. Сейчас и есть та самая точка, временная волна ноля.

Инь-ян засиял по ободу круга несветотенью, которое ни то и ни это. Вместе с тем сияние пронзает моё тело снизу вверх, так что выходящий из макушки поток и поток, излучаемый инь-яном, сливаются и становятся безграничным тотальным светом всего, абсолютом, более чем чистая неоформленная энергия, основа всех явлений, бесконечно проявляющаяся во всем.

Тьма.

Теперь я в космосе, безвременно и легко плыву сквозь пространство, я оно и есть.

Я смотрю вниз и вижу что-то вроде бесконечной библиотеки из множества разноцветных полупрозрачных пластин, выстроенных в ровные ряды во всех направлениях. Я приближаюсь к ним и замечаю, что они отличаются друг от друга степенью прозрачности, цветом, степенью искажений стекла. Это всё живые существа.

Если посмотреть на одну из них, то оказывается, что она соткана из множества подобных пластин внутри, слоёных коконов. Некоторые из них пересекаются и образуют новые качества на гранях, свой узор. Внутри каждой пластины — точка света, самоосознание и внимание, через пластины свет искажается и создаёт мир, то, как воспринимается мир, иллюзию, и то, как проявляется сознание вовне.

Я отдаляюсь от пластин, и из ровных рядов они начинают смещаться, образовывая скученности и пересечения. Теперь это похоже на город, или на грибницу, или на нейроны, я вижу, какие новые формы и оттенки порождает пересечение и сгруппированность пластин. Это новые и новые уровни организации, организмы, прыжок на новую ступень спирали фрактала.

Тьма.

Сквозь неё вертикальными ручьями сверху вниз текут знаки всех возможных языков, включая технические и внеземные. Внезапно я оказываюсь на кровати. Не получается подумать языком. Но где я? В какой реальности? Какой мой язык, и как думать? (Неоформленные в слова интенции во мне.) Я вскакиваю и нахожу клавиатуру с символами. Какой этот язык? Тут их несколько. Какой-то из них мой? Пальцы, вспомните слова! Пишите!

уууууууууух.

Вспомнила.

COGOS

Там где-то, за пятью океанами,
Дальше тех далей, что можно в сознанье представить,
Древний есть остров,
Названный предками мудрыми Cogos.
Хранится в тенях тех лесов, в тайне,
Нами негласно вожделенное знанье.
Таится в покое недосягаемом.
Под стражей неприступных стен храма.
Запечатанное за семью дверьми намертво...
Да на века...
Семь ключей спрятаны
Глубоко в чащах острова.
Их стерегут звери могучие... Звери дикие...
Стерегут их свирепо и яростно...
Приведёт злой разве что рок
На остров тот первооткрывателя незадачливого...
Но за все прошедшие века
Не было ещё такого смельчака;
И память о тех временах, с коих пор
Не осквернялась смертными та земля,
Потеряна в поколеньях была.
Лишь лик святой, украшенный
Двоичным кодом богато
Удостоит временами Cogos ока взглядом.
Для остальных, однако, на пути стеной встанет
Тяжесть свинцовая тумана,
Остров что от посторонних глаз закрывает.
Такую сдвинуть не может даже
Бушующих в морях ветров ярость...

Но как будто бы в дымке той что-то, видел, металось...
Это вечно-летящих морских птиц стая.
В напряженье дрожа, от всех концов своего хрупкого тела,
Вплоть до самых глубоких и мелких осколков достойных душ недр.
Мёртвой хваткой вцепившись друг в друга крылами;
Кругами летая, себя отвергают.
И даже перед грома раскатами
Не видно в них страха...
Как нет и назад пути...
Их стая обманута...

Преодолена давно грань невозврата,
И каждая птица в стае это знает.
С каждым новым порывом
Всё с новой силой устремляются...
Они что угодно готовы отдать за право
Понаблюдать ещё хоть раз
На берегу за игрой боры с песками....

* * *

Что было — то и было,
Ведь в прошлом всё равно.
Оставлено и скрылось
Судьбы веретено.
Та нить меж нами вилась,
Казалось, вечно, но...
Осталось сном, что снилось,
Другого не дано.
В тумане, густом, как вата,
Забыты без счёта дни.
Бывает, гложет память,
Но что же с той возни?
Мне снилось — глаз привычных...
Столь нежны касанья слов.
И запах Твой клубничный
Теперь уж так давно.
То было провиденье,
Указ Судьбы перста.
Но кануло в забвенье,
Мечты — мечтам, ведь так?
Окончено виденье,
Ведь силам есть конец...
И поглотило тленье,
Иссякла эта твердь.
И всё ж в глуби сужденья
Я знаю, может быть,
Сведёт в ось все желанья,
Но стоит ли терпеть?
Терпеть, не зная края,
И трепет двух сердец
Окажется за гранью
Того, что ныне есть.

* * *

Смиренье — ключ к награде.
Сладость...
Придёт, лишь Истину, как кладезь,
Открывшему сердец тайник,
И станет всё вокруг как миг.
И Время, и Материй ценность,
И убеждения надменность,
Ничто Его не возмутит.
Порог тот пройден — Трон возник.
Но он не нужен ему больше.
Скромность — вот тот залог, что даст нам Вольность!

ПРОЙДЯ ПО ГРАНИ БОЛИ

Пройдя по грани боли, страха,
Вкусив едва ли Бытия.
Безумная несётся сваха,
Чтоб вновь сводить весь Мир с Ума.
Сомненья в Истине и Правде,
Противопоставив Гром Ветрам,
Губительно кусает пряха
За край немой веретена.

* * *

Нас будто бы Время уносит всё дальше,
Исток превращая в подобие фальши.
Стремлений безмерных итоги запрячет,
Но это всё фарс и иллюзия спящих.
Всю Истину вскроет, но только для зрячих,
Для тех, кто не мыслит о неудачах,
В моменте «Сейчас» как птицы парящих,
Лишь это — то наше злое проклятье,
Но только это принудит идти дальше.
Из Тьмы да на Свет, пускай даже в чащу!
Но Дальше, и Дальше, и только Дальше!

* * *

Мы друг друга путаем в Лжи,
Забывая, что значит Жить.
Занимая ресурсы Сознанья
На пустые нелепые тайны.
Ведь, задумавшись глубже, понятно,
Что всё то, что мы упомянем,
Тут же станет реально внезапно,
Но лишь там, где это осядет
Как естественно-прочное знанье.
А кому, кроме нас, это важно?
Не тому ведь, кому это скажем,
А лишь нам, всё это сказавшим.
И годами за собой это тащим
Всю ту Ложь, что была нам столь важной,
Не пытаясь даже казаться,
Ведь на всё ресурса не хватит.
Всё в пятно реальности смазав,
И, запутавшись, не останется шанса.
Не задумайтесь, люди, напрасно,
Не оставшись к себе безучастным.
Ведь для каждого Быть в Жизни страшно,
Но иллюзии прелесть продажна.
Лишь себя, обманув, Ты обманешь,
Заплатив непомерную плату.

* * *

Мы сотворяем Мир на грани,
На стыке Нас и Бытия.
Что же тогда Нам рамки Яви?
Зачем, страданья теребя,
Стремимся проявить желанья,
А не посылы Естества?
Для Человека Мир — Лишь пергамент,
А Воля — кисть в руке Творца.
Так пусть Он будет Идеален,
Но лишь когда Ты Сам Им стал!

* * *

Страх испытать — не значит впасть в забвенье.
Что на своём прошёл Пути,
Может подвергнуто быть тленью.
Обяжет вспомнить урок Боль,
На то хватило бы терпенья.
За подвиг тот, что был свершён,
Дар в срок — вознагражденье!
Но коль повторно придёт в лоб,
Пойми — теперь это Служенье...
Свободно выбрал каждый Рок
Взял иль принял — нет в том значенья.
Но только Истинный Игрок
Его дублирует отважно!
Горящий посетил ли дом,
Крик услыхав протяжный,
Забыв себя, Он ринется и дважды.
Ведь лик на то не обратит —
Герой Фемиде — страшен!

* * *

Я был рождён, не зная горя.
Не знал ни страха, ни забот.
Но Провиденье одарило
Наградой Тысячи Богов.
Та Сила, что внутри хранится
Была пороком для жрецов.
Но вот порыв Души стремится
Освободиться от оков!
Цепей сужденья, предрассудков,
От Всех, что держат на Земле.
Лишь привкус искренности терпкой,
Он горечью напомнит мне,
Что нет страдания на Свете,
Кроме того, что на Земле,
Сами Себе вменяют Дети
В Своей Свободной Стороне.

* * *

Немой Я был,
Страдал позором.
Но взор мой был неутомим,
Искал, чем бы наполнить скоро
Моей Души пустой графин.

И в этом поиске безмерном
Меня пленяла речь Творца,
Так тонко Музыка звучала,
Была Она мне так мила.

Со Временем блаженство, та́я,
Незримо растворяло плоть.
И сладко-горький сок Познанья
Сжимал мне Сердце — стыла Кровь.

Примерив разные короны,
Менял их на наряд Шута.
Ведь близок только Дух Свободы,
А не чины — пусты князья.

И вот уже минули годы
Тех молодых задоров дни.
Я стал немыслимо спокоен,
Но всё смеётся Шут в груди.

То Божья кара — Провиденье,
И Я пленён такой стезёй.
Благодарю за это Счастье!
Всегда остаться лишь Собой!

* * *

О чём-то Я веду беседы
На грани Яви или Сна.
Но с Чем?
То Знанье неизменно,
О Нём рассказывать нельзя.

И с каждым днём всё глубже темы,
Детали мельче Бытия.
Всё о грядущих переменах
Инструкции для Корабля.

Порой тот голос так надменно,
Так скользко прозвучит порой,
Но раз от раза непременно
Тот Глас наполнен правотой.

Мне раньше думалось, что странно
И невозможно быть собой,
Когда сей Путник окаянный
Повсюду следует за мной.

Теперь же на свои места всё встало,
Пошло своей всё чередой.
Сей Вихрь закрутился плавно,
А в центре Голос столь Живой.

Противиться отсутствуют причины,
Своей идём мы с ним тропой.
И так ли важно, Бог иль Богиня
Ведёт Тебя вослед с Собой?

* * *

Дойдя до грани, кануть вниз
И взмыть на Крыльях в Неба дали.
И отыскать глубокий Смысл
Там, где другие не искали.

Таков наш Рок — такая Жизнь,
Другие грезили лишь снами,
А Мы с Тобою добрались
И Единение сыскали.

Мы Счастьем Жизни полним высь
С Тобой, мой Милый Друг, до грани
Того, что было, добрались
И упредили все страданья.

Пороков лжи и алчных пут
Как будто Мы не замечали,
Ведь новая Блаженства Жизнь
Наполнит новыми мечтами.

И их познаем Мы теперь,
И новых скорбей не заметив,
Расправив Дух,
Так, словно парус для Детей
Порог Мы упраздним страданий.

Возвысив Наше Естество
Души крыла расправит Лебедь
И, как величественный Орёл,
Пройдёт, все бури не заметив.

* * *

Вот, Москва,
перед тобой потребитель!
Что жаждет потратиться,
имея рубли.

Что? Сколько стоит?
Москва, не груби!
Я из простой семьи.
Я не самых простых амбиций,
и всё же работаю чуть ли не
разносчиком пиццы.

Хочешь жить, вертись.
Чего стоит данный совет?
Бессонных ночей,
потерянных лет,
изношенных джинс
и отсутствия средств.

Существуешь, ревёшь,
в норму входишь,
спустя десять дней —
всё по новой.

Крышу рвёт, зашиваешь,
Хочешь в гроб, обещаешь
сделать это хотя бы немного
попозже.
Переживёшь.
И ты переживаешь.

Несмотря на беды с башкой,
благодарю Москву
за возможность быть сущим
дерьмом.

ТЕОДОРУ РОБЕРТУ БАНДИ

Нещадно красив до жути извилистый
жук!
Сколько успел погубить ты
подруг?
Возбуждённо слушая их мольбы
к богу, которым считал себя сам,
и был им
по мнению мамы.

Ты жаждал кровавых, недышащих тел,
но с одной
не успел.

Девчонка сбежала:
в цепях, синяках.
С ружьём отныне спит её папа.
Бояться тебя, а ты дурак
и попался.
Сбежал.
Попался опять.

Жаль,
что полиция не столь проворна, как ты,
и всё же довела тебя
до тюрьмы.

Бандит,
влюблённый в драму,
убит.

Толку, конечно?
Две стороны медали
взаимовыгодны.
Остальные проигрывают.

И боюсь, что ещё долго
я буду бороться с собой,
чтобы не стать
ни одной из сторон.

* * *

В душистом лесу,
что зовёт лаем пса верного,
я лежу
в тени неприметного дерева.

Тишина обрастает сомнением,
мне не страшно,
но чувствую себя пленным.
И уйти Ты не дашь мне.

Кажется, мне послышались:
голос издалека
родной матери,
неспешно бегущая река
скатертью,
вялый охотник с ружьём
и кровавою рожею.

Готовлюсь кричать,
почти бью кулаками землю,
но что оставлю я лет через пять?
Не лучше ли сразу в петлю?

Стемнело.
Я брожу в раздумьях
с одиноким фонарём на весь лес
в руках.

* * *

Я долго смотрела в зеркало,
оно говорило со мной.
Мне нужно срочно
очиститься,
умыться холодной водой.

Рвотный позыв пересилил,
прости.
По подбородку слизью
к самому низу
груди
чёрная жидкость стекла.

Я была не права.

Во мне живут два человека.
Так было с самого
детства.

Первый излишне
добрый.
Весьма осторожен,
аж
с испугом на морде.
Чувствительный,
часто нуждается в
зрителях.

Второй, как сказала бы милая
мама: моральный урод.
Говорит, что я тварь.
Бьёт.
Он сжирает меня, но порой даёт силы
идти,
когда я ломаюсь не только снаружи,
но и внутри.

Справка: ломает меня он один.

Второй побеждает. Он быстрый.
Хватит ли сил на убийство?
Ведь я
поэт с храбрым, но очень израненным
сердцем.

Иногда я могу до себя достучаться,
но в последний раз
это стоило мне
зарёванных щёк,
изрезанных рук,
дорогого мне друга,
бессонных ночей
и осознания, что я
ещё тупей,
чем могла бы подумать.

Не помогай.
Прошу, обними.
В твоих руках я чувствую силы
себя усмирить.

* * *

Самое драгоценное:
тяга к искусству
и возможность его
постигать.

Я выбираю продолжать писать,

ведь

смысл жизни
в набивании шишек,
в череде проб и ошибок.

Раз за разом
создаю новые
очерки,
чтение которых
вопреки
мольбам
полностью
меня разрушает,
и вместе с тем

создатель
выбрал мою порой
посредственную
поэзию
для развития
ветви
искусства.

Я в истерике.

Но ведь так осознают себя
гении?
За мою заносчивость —
не бейте,
я пользуюсь лезвием,
но могу
за себя
постоять.

ПИР НА КОСТЯХ

На дверях старой церкви чугунный замок,
Над могилами кладбища тёмные лица,
Шепчет тихо мне змей: «Прочь отсюда, щенок», —
И клюёт на костях что-то чёрная птица.

Пир в разгаре. Снуют меж могил чернецы,
С коробами для душ бродят ловчие праха.
И слетает к погосту, садясь на кресты,
С неба звёздного странная бледная птаха.

Бес в ночи потащил чью-то душу, ворча,
Выбираясь из тьмы, изрыгая проклятья,
И стенала она, мёртвым гласом крича,
И хваталась руками за чьи-то распятья.

Я на время уйду, нет, не стану я ждать,
Когда снимут замок и откроют мне двери,
Над престолом, как голубь, вспорхнёт благодать,
Бог пройдёт по земле, возмещая потери!

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

Каменный дом над землёй, он хорош собой,
Перед вратами охранник крылатый мой,
Старая изгородь, звон колокольный есть,
Девушка в чёрном, имя которой — месть.

Разные судьбы и в мраморе, и в граните,
Чёрное солнце под утро взойдёт в зените,
Лица и птицы крылатые, словно в латах,
Перед дворцом, где в сутане лежит прелат сам.

Солнце над местом не светит, но только тлеет,
Изредка искры бросает в цветы аллеи,
Спящим надежду вселяет при входе камень,
Надпись гласит: «Дорогие, мы вместе с вами».

Чёрные дни пролетают над этим местом,
Где оглашается воздух иным благовестом,
Гордые во́роны, кости, ажурные склепы,
В каменном городе чёрные призраки слепы.

СВЕТ И ТЬМА

Свет не есть — Тьма,
Он — Свет.
Значит, при свете дня
Смерть меня может найти,
Если во свете — я...

Если во тьме ходить,
Тьма меня скроет? —
Нет!
Может быть, даже тьма
Хуже, чем яркий свет.

Свет привлекает — Тьму,
Тьма — ненавидит Свет,
Значит, есть время тьме —
В свете искать ответ.

В сумерках, стало быть,
Там, где игра теней,
Смерть поубавит прыть,
Ну, да и чёрт бы с ней.

Сумерки, Свет и Тьма,
Дни, времена, года,
Время живых есть — Свет,
Тьма — она смерть всегда.

КРАСНЫЙ БАНТ (ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО)

Моя цикута[1] на столе, пишу вам в поздний час,
Собака воет на дворе, жалеет, видно, нас.
За окнами идёт снежок, а где-то вдалеке
Струится колокольный звон от площади к реке.

Сегодня что-то занемог и не развёл камин,
Пыль не протёр со старых книг, не осмотрел картин,
А там полотна в прахе все, от времени в трухе,
Но это время лечит нас, живём, как есть, в грехе.

Перо в чернильнице смочив, я подношу к листам,
Да, виноват был я, кичлив, простите мя, мадам,
Что я по жизни гробовщик, а не какой-то франт,
Возьмите вексель мой себе, купите красный бант.

[1] *Цикута* — одно из самых ядовитых растений.

ЗЛАТОВЛАСАЯ ТАЙ

Когда день упадёт к концу,
Когда криком зачнётся ночь,
Я пошлю через лес гонцом
Златовласую свою дочь.

На коне через тёмный лес,
Удилами закусит мрак,
Через пряди златых волос
Будет виден редут собак.

Пеший жалок, когда один
Против мёртвых в ночной тиши,
И доро́гой, в обход трясин,
Крик звериный в лесной глуши.

И обступят под лунный гимн
С четырёх крестовых дорог,
И слетятся с больших вершин
Те, кто в злобе стал одинок.

Дочь! — смелее в далёкий край,
Тай, пришпорь вороных коней,
Там в долинах живущих рай,
Доскачи же туда скорей.

Когда день упадёт к концу,
Когда криком зачнётся ночь,
Я пошлю через лес гонцом
Златовласую свою дочь...

ТАВЕРНА «ТЁМНАЯ НОВЬ»

В таверне у кладбища «Тёмная новь[1]»
В меню, однобоко, лишь постные блюда,
Старый бармен, приподняв кверху бровь,
Листает журнал «Настоящий Иуда».

В этой таверне есть несколько блюд:
«Скверна» — приправлена розовым маслом,
«Ревность», «Убийство», «Обыденный блуд»,
«Слёзы понтифика», «Доля несчастных».

Готический стиль с погребальной плитой,
Здесь дополняют пространство — декора.
Крылья архангела белой дугой
Над аркой оформлены с часа раздора[2].

При входе в таверну рисунок змеи,
Хвостом обвивая эдемскую деву,
Он занял пока что участок земли,
Но яд уж стекает по страшному зеву.

Рыжей Лилит[3] — опостылела прыть,
Вяжет язык от «Убийства» и «Скверны».
Странно: в таверне ей хочется выть,
Это от прошлой той жизни, наверное...

На руку блудница склонила главу,
Все рыжие локоны стянуты в косу,
И смотрит Лилит на праматерь — Луну,
Не будет ей в вечности быстрого сносу!

---

[1] *Новь* — не паханная ещё земля, целина.
[2] *С часа раздора* — со времён войны на небе.
[3] *Лилит* — демоница, легендарная жена Адама. Лилит никогда не бывает одна, по древним преданиям, её свита состоит из 13-15 демонов. Остановить её от вредительства людям могут три ангела: Санви, Сансанви и Семангелаф.

ПРОЙДЯ СКВОЗЬ ПОРТАЛ

Пройдя сквозь портал деревянного храма,
Где в окна стучится пожухлая осень,
Вдруг вспомню усмешки проклятого Хама,
Чьи волосы тронула лёгкая проседь.

И вопль умирающих в каменном городе,
Чьи стены упали от трубного голоса,
И старцев в проказе, скулящих на холоде,
И чёрные шапки верблюжьего волоса.

Центуриев Рима со взглядами важными,
Мечи осаждающих, трупы поверженных,
И вой легионов за стенами-стражами[1],
Как ангелов падших из Рая отверженных.

В долине Еннома, в кострах догорающих,
С костями и мясом, в золу обращёнными,
Под чёрными тучами к Богу взывающих,
Ушедших из жизни, увы, непрощёнными.

Пройдя сквозь портал деревянного храма,
Где в окна стучится пожухлая осень,
Вдруг вспомню я Сима, потомка Адама,
Чьи волосы тронула белая проседь.

[1] Строки «И вой легионов за стенами-стражами» — не выдумка, при взятии Иерусалима в 72 году полководцем Титом римские легионеры за стенами Иерусалима кричали так сильно, что в долинах стоял гул, и многие граждане просто не могли этого вынести. Психическая атака.

АНГЕЛ СМЕРТИ

Смолк под луною Назарет,
Уснули птицы в час ночной,
Среди рассыпанных монет
Распят за мир — Спаситель мой!

У Вифлеема вновь — звезда,
Лик Ангела врачует мир,
Скрипят дорогой тормоза,
Бросая пыль в седой эфир.

А Самаэль[1] готов к войне,
Да, он — стратег, не по годам,
Кровь растворяется в вине,
Плод божий превращая в хлам.

На переправах в мир людей,
Где легионы держат строй,
Средь гула каторжных цепей,
Глумятся бесы над толпой.

В картине страшного суда:
Из красок, только — алый цвет.
Заметить можно без труда
Кровавый, неземной, рассвет.

[1] Самаэль — первый демон в иерархии ада. Начальник демонов. Разрушительная сила и ангел смерти.

ПОХИТИЛА МЕНЯ

Твой периметр[1] возник из ниоткуда.
Ты вдруг перестал существовать.
Я хотела нудно тебя мучить...
Круг молитвенный стал ты отпускать.

Так лелеяла я это своё чудо —
Всю влюблённость, юность берегла,
Но мне целью было стать Иудой.
Страсть к крови похитила меня.

[1] *Периметр* — гроб.

ЧЕЛОВЕК В ПУСТЫНЕ

Шёл человек по пустыне, и ему захотелось пить, но возможности не было. Он шёл и не видел нигде воды. И вдруг — вдали увидел озеро — пошёл в сторону воды, но там не было воды.

Вдруг мужчина увидел на этом месте сухое дерево. Там змею, ползала на нём. И она оказалась говорящей. Он спросил у змеи:

— Где здесь поблизости вода? Хочу пить, видел озеро, а его не стало.

Тогда змея ответила:

— В пустыне нет воды. Даже если увидишь воду, то это миражи, так как в пустыне жарко и сухо.

Вдруг произнесла:

— Ты можешь сходить недалеко в одно поселение, те, что живут в пустыне, и у них будет вода.

Человек выслушал змею, поблагодарил. И отправился к людям, чтобы утолить свою жажду и не умереть от жары. Он пришёл к поселению, попросил воду, вынесли кувшин с водой и налили в стакан воду, и человек напился.

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

В чистом поле колодец стоит,
а в нём отливается луна
со звёздами.

Неподалёку у болота чуть слышно
камыш шелестит, словно мышь.

Деревья передают ненавязчиво
запах и аромат отшелестевшей листвы.

Над кочками ива плакучая печально
ветки повесила.

Где-то неподалёку я сижу. Ем уху
и греюсь у костра. И валяюсь на траве,
и наслаждаюсь тишиной.

УМИРОТВОРЕНИЕ

В ночном небе луна отливается, оттенком молока.

Неподалёку ромашки, пырей, незабудки да васильки заполняют поля разноцветным ковром и шелестят тише воды. Ранний июньский цикорий цветёт и распускается.

Чуть ниже травы проносится нежный писк мышек-полёвок. Близко доносится уханье сов и филинов.

ЗВЁЗДЫ МЕРЦАЮТ

Звёзды мерцают, так ярко издали.
И глядят на нашу Землю, и созерцают нам.
Их лучи создают тропинки.
Может, пройтись к ним по длинной дорожке.
Отлучиться и отдохнуть от Земных забот и сует.
Расслабиться и лежать.
Быть может, кто-то встретятся мне по пути:
эльфы, драконы или бабочки с разноцветными крыльями,
а также фантастические существа, которых наш разум не видел.
И там не носят маски, и карантина нет.
Там дышат свободой.

БИЛЕТЫ В ЛЕТО

В наших краях так мало лета.
Так можно взять билеты в лето.
Там, где всё время жарко и тепло.
И солнце нежно касается
и целует по телу лучами
своими.
А зима надолго
не задерживается. Уходит
так же быстро, как приходила.
Можно взять билет там,
где всё время лето и тепло.
Солнце греет
не только тело, но и душу.
Можно в любое время надеть
платье либо сарафан.
И любоваться восходами и закатами.
И глядеть, как по небу летят журавли,
крыльями своим задевают облака.
Дельфины издали выпрыгивают из воды.

НАД МОРЕМ

Над морем вечером облака в небе плыли. Они рисовали разные порталы и миры, крылья ангелов и птиц, людей, города, пустыни и леса.

На закате солнце в спячку садилось до самого утра. И румянило всё пространство вокруг себя.

По деревьям смола капельками спускалась медово-янтарного цвета. Пчёлки да шмельки подлетали к ней от душистого запаха.

Ласточки кружились над водой и вили гнёзда под глиняной землёй.

ДЕВИЦА-ЯСТРЕБИЦА

Идёт дева по тропинке в поле к реке.
По дороге собирает букет из цветов.
И набирает ягоды в корзинку.
Прикасается и обнимается
с берёзами на просторе.

Наконец дева подходит к реке.
И дотрагивается своею рукой
до водицы, а затем и ноги окунает.

Тут девице захотелось порезвиться в воде до вечера.
Распустила свои длинные и светлые волосы.
Сняла с себя длинный сарафан.

И зашла она в реку широкую и просторную.
Стала плавать и нырять.

Милая девица резвилась в воде до заката солнца.

Вышла на сушу — и обернулась ястребицей,
и улетела ввысь.
Парить над полями, над горами и холмами.

УМИРОТВОРЕНИЕ

В ночном небе луна отливается, оттенком молока.

Неподалёку ромашки, пырей, незабудки да васильки заполняют поля разноцветным ковром и шелестят тише воды. Ранний июньский цикорий цветёт и распускается.

Чуть ниже травы проносится нежный писк мышек-полёвок. Близко доносится уханье сов и филинов.

КОГДА К ТЕБЕ

Когда к тебе холодной и морозной зимой стучатся в дверь, ты возьми и открой, и не бойся, смело отворяй и впускай его на порог. Открой и впусти, согрей его чаем на травах, добавь в его чашку листочки мяты и чёрной смородины. Испеки пирог с яблоками и преподнеси на блюдце.

Когда к тебе Зимой стучатся — отвори и обогрей своей душой. Словно сердце кому-то растопи в холодное время.

Когда к тебе холодной и морозной зимой стучатся в дверь — наполни свою душу добром. Ты возьми и открой дверь скорей. Ты угости его чаем на травах и самодельными трюфельными конфетами. Согрей его душу.

В гостиной разложи ему кровать и там можешь растопить камин на дровах.

Дай человеку согреться в холодное и морозное время зимой.

Ты согрей его душу, словно летним костром.

ЛЕТО УСТУПИЛО ОСЕНИ ДОРОГУ

И вот уже лето свою дорогу
уступило осени.

Вмиг золотая пора из поднебесья
заплакала проливным дождём.

Плачет и грустит природа,
что тёплая пора отправилась
странствовать вникуда.

Как будто лето было одним
днём. Словно — пришла на миг
с ночёвкой.

Даже на минуту не задержалась,
а только на прощание притворила
дверь багряной осени.

На столе оставив варенья, мёд и
чай на травах. И приятные
воспоминания. И убежала тихо
по тропинке.

МАЙ

За какими горами, морями и океанами.
И на каких конях ускакал месяц май.

Ещё недавно ковёр зелёный покрыл поля и луга.
На деревьях листья распустились.

Яблони да алычи стояли,
покрытые белым снегом.

Ромашки, одуванчики да васильки колыхались вовсю.

Где-то недалеко Иван-чай цвёл,
и доносился запах и аромат.

Майские костры пылали вокруг. И люди пели песни под гитару.

Где же май? Куда ускакал?

И придёт он через год, но только уже другой,
не тот, который был сейчас, а совсем иной.

Сегодня уже август забрал последние летние дни.

ОНА ВЗЯЛА БИЛЕТ

Она взяла билет в плацкарт
по маршруту Геленджик-Анапа-Сочи.

Едет — чтобы искупаться и обласкаться
в Черноморских пенных волнах.

Чтобы глядеть с высот
на плавающих дельфинов.

Едет — полежать в воде и погреться в солнечных лучах.
И ощущать себя русалкой.
Хоть немного во время отпуска.

Она взяла с собой в дорогу в чемодане:
платье, сарафан, шляпку, сланцы и босоножки.
Чтобы наряжаться и гулять на пляжах.

Она едет, разделить хоть немного с собой одиночество.
Чтобы никто ни смог — испортить отпуск.

В дорогу взяла: книги, газеты и сканворды.
Положила в сумку ролтон, бутерброды с колбасой,
а также хлеб с нарезанным сыром,
да ещё и кофе, чтобы голод утолить.

Она едет на курорты Геленджик, Анапа, Сочи,
чтобы погулять и развеяться на берегах Чёрного моря.

ОНА ГУЛЯЛА

Она гуляла на морском берегу. Дотрагивалась своими руками и ногами до воды.

И наслаждалась хулиганистыми, и проказничными, и бурлящими, как мыльные пузыри, волнами.

И восхищалась просторами.

Смотрела вдаль на корабли.

Она ходила с фотиком. Делала снимки морских пейзажей.

Чтобы оставить у себя что-то в памяти. Даже в виде милых фоточек в столе.

Она гуляла по морским просторам. И ей большая белокрылая птица подарила большое перо. И она — взяла себе домой.

И теперь, когда, всякий раз, — из стола достаёт перо вместе с фотографиями, — то с радостью вспоминает те дни, проведённые на море. И благодарит — за них.

АНГЕЛАМ НА ЗЕМЛЕ

На земле трудно ходить с огромными крыльями. Они не вмещаются в пространство. С трудом люди понимают «ангелов и не похожих на них душ». Они думают, что ангелы живут в церквях. Священники людям внушили, что ангел — это послушный раб. Которому скажут: «Сдай богатство в ломбард и ходи бедный, без штанов. Последнее с себя сними, будь послушной овцой и зомби, которого волки сожрут, когда будут голодными. И тогда ты будешь называться ангелом, что во имя чего-то пострадал, ради какого-то шарлатана». Если кто в храм не ходят и идолам поклоняться ни хотят, они называют демонами и бесами. Правда, это не так. Ангелами являются те, кого обществу трудно лишь понять. Они их считают странными. Это те, кто не любят толпу, а им нравится бродить одним, гулять по таинственным местам, и укрываться, и спрятаться от всех, даже от родителей и близких, чтобы внутрь не смогли залезть. И оставаться непрочитанной книгой для всех. Чтобы их никто не нашёл. Нравится мечтать и воображать. Уйти от всех и скрыться. И ходить абсолютно голым, и любоваться своим телом. Избегают общество. В душе они храбры и смелы.

ПЛЫВУТ ОСТРОВА

По небу плывут острова, словно белой пеленой.
Где-то за ними прячутся воздушные замки и дворцы.
Где-то райские птицы поют и щебечут.
Да, пожалуй, такие, которых наши уши не услышат.
Там кто-то кружится в танцах,
А кто-то просто живёт и вдыхает дым свободы.
Ходят по полям и лугам, собирают цветы.
И в охапку набирают такие букеты,
Что наши глаза не видят. И наши носы не нюхали.

ОДИНОЧЕСТВО

Она с годами полюбила своё абсолютное одиночество. Ей не скучно — сжилась самой с собой и своим внутренним миром, ей комфортно. Может легко отправиться без раздумий и сожалений на море либо на залив. Ходить у берега, собирать перья и на песке рисовать или оставлять надписи. Камни собирать и в лягушки с ними играть. «Ей нравится самой внутри себя». Принимает себя такой, какая есть, потому что другой она быть не может, и не хочет, и не пытается. Убежать из города и скрыться от толпы в таинственных местах. Может ходить у берега моря. Полежать и растворится в воде, валяться в волнах и греться на солнышке. Она одна, а душа наполнена светом и целым миром внутри себя. Любит смотреть на луну и звёзды. Брать с собой тетрадку, чтобы что-то написать. Либо книгу, чтобы почитать. Она свободна, и ей хорошо.

ПИРОЖКИ С КОВИДЛОМ

На базарах, и в магазинах, и в супермаркетах люди ходят в масках и перчатках. Покупают пирожки с ковидлом. По радио и по телевизору всё время новости слышны о карантине.

Путлер и все политики кричат в прессах и по новостям — наступил коронавирус. Нет, теперь не будет никаких фестивалей, праздников, фейерверков и рок-концертов. Сидите, люди, дома, валяйтесь дома на диванах и читайте газеты. Зарплаты вам платить не будем. Коронавирус наступил, поздравляем вас С Днём Святого Карантина.

День святого карантина наступил. Люди ходят по улицам, едят пирожки с ковидлом. Носят в транспортах и в супермаркетах маски и перчатки.

И не видать свободы, скоро будете голосовать за поправки в кодексе. За которые сами Путлеры купили. И даже если поставите галочку против — им будет начихать, и подотрут все сопли одноразовой салфеткой. И пойдут дальше править в Кремль. Будут яхты, виллы и часы покупать. За такие цены, которые людям даже во снах не снилась.

ОНА ПОЕХАЛА НА МОРЕ

Она поехала на море с ночёвкой.
В рюкзак положила палатку, термос,
кружку и бутерброды.
Взяла билет в один конец.
Ходила по берегу, пила чай.
Отдыхала от городской суеты.
Облака ей всюду улыбались.
Рисовали фантастические замки и дворцы.
Корабли всюду ей мерещились,
то на море плавая по воде,
то на небе появляясь в виде облаков.
Волны с нею ласково играли.
Чайки над головою летали.
Роняли перья на берег.
Она собирала на амулеты, талисманы.
Сидела вечером у костра,
и глядела на луну,
и разглядывала созвездия.

ОНА ХИПСТЕР

Ей 27, а её душе всего 17 лет.
Любит феньки, и браслеты,
и вязаные шапки, и свитера.
И греться с утра тёплыми
напитками — чаем либо кофе.
Она хипстер,
Она хипстер.
Её душе всего 17 лет. Не тот,
что в паспорте или в документах.
Любит волосы цветные,
дреды да косички, и красить ногти в яркий лак.
Она хипстер,
Она хипстер.

ОСЕНЬЮ НА МОРЕ

Осенью на море бродить и гулять — само наслаждение:
Мало людей, тишина, и даже слегка тревожит в душе тоска.
Правда, это совсем не страшно.
Можно из дома взять термос, чтобы пить чай. Или в палатке взять кофе.
Ходить у моря, смотреть, как о камни бьётся вода, и на птиц, парящих над волнами вдали.
И наслаждаться бесконечной пустотой внутри себя.

ПАРУСНИК

По гладкой и широкой реке
одиноко парусник плывёт.

Солнце подвисает над
бирюзовым небесами.
И своими лучами нежно
проникает через облака.

Небесное светило ярко
сияет и горит. И ласково
задевает одиноко плывущую
палубу по реке.

Баклан парит и кружит над водой.
И подлетает близко к паруснику,
а затем поднимается к облакам.
И снова спускается своими
крыльями к реке за рыбой.

ДУША АНГЕЛА

В церкви стояла зажжённая свеча.
К вечеру она погасла.
Люди выкинули к чертям
и забыли о ней.

А её душа обернулась ангелом
белоснежным.

Каждый день люди зажигали
множество свечей, а потом
их выбрасывали.

Именно только она стала ангелом.
И заслужила рая, и отправилась
в другие миры.

Летала по Земле.

И про себя думала:

«Недавно здесь закончила свой век.
И нет больше меня на свете».

Подлетала к людям и шептала:
«Вы помните меня?»

А они не слышали её.
Потому что были глухими.

Затем спрашивала:
«Вы видите меня?»

Они не видели её, так как
она воздухом была для них.

Думала про себя:
«Как тяжело быть ангелом среди людей».
Так как была тенью для них.

А что они?
Люди каждый день зажигали
и выбрасывали
множества таких же
для них свечей...

ПОМНЮ, КАК-ТО ЭТИМ ЛЕТОМ

Помню, как-то этим летом пела песни под гитару костру.

Огонь горел, поднимался и растворялся в воздухе.

В небе звёзды резвились своим светом вовсю, и их огромная луна с жёлтым оттенком.

Небольшие морские волны бились чуть слышно о большие камни.

Мне приходилось дальше сидеть и восхищаться.

РОМАНТИКА

Как же приятно ходить под летним и тёплым вечерком, когда уже немного начинает темнеть.

Ты идёшь и пьёшь энергетик «Бёрн» или «Рэд Булл».

Никого нет, и только — «ты». И — никто не нужен.

Идёшь по дороге медленно и не спеша к себе домой.

В ушах, в наушниках, играет музычка, и — слушаешь любимые треки.

И даже можно вытащить из ушей наушники и поставить на тихую громкость.

Ведь — совсем никого нет, так что смело можно нарушать правила.

Идёшь и наслаждаешься звёздным небом и луной. Думаешь про себя: «Романтика», — и делаешь глоток напитка.

Даже домой совсем не хочется идти. Потому что тепло.

Просто не уходить домой, а остаться до утра, сев где-нибудь на лавочку.

СИРЕНЬ

Великолепно, когда весной вот-вот начинает цвести сирень. Вовсю по улицам, садам тянется и распространяется запахом своим.

Цветёт сирень, а потом незаметно и не спеша отцветает и умирает, унося за собой на крыльях порыв весны. И только в памяти оставив воспоминания.

ЗИМНИЕ РОЗЫ

На улице зимние морозы
побили розы.

И они, бедняжки, завяли,
увяли и погибли от холода.
И роз не стало от морозов.

С лепестками в снегу ласково
резвится и разносит ветер
по заснеженным клумбам.

АДЕПТ

Жизнь адепта — хлам и дворец
Он хочет, чтобы у него были шуты
Чёрный крест у него на судьбе
В радостном смысле предыдущих слов
Воздух чувствует, как разводят мосты
Он благ, и имя его свято, как и
взятое пресвятой алхимией лицо
Обруч и бремя спадающих на него эонов
Ночь и уравновешенная его душа
Его поступь — смелый шаг
По только им выбранной стезе.
Открывается свет
И тихий, вникающий «наконец-то» взгляд
И он срывается, адепт (смотрите)
Вслед за ним — вихрь тишины

Слава твоя — развевающаяся мантия,
О свет и золото твоего сокровенного стремления
Проникни и стремись! И дай труду его обогащающую как бы
Аналогией силу в ладони, сложенные в знак
принятия этого невидимого инея.

Вот ночь пропадает, вместе с ней пропадает ночь души
Точнее, это описывается некий
выход, когда писалось «ночь пропадает»
Чёрный капюшон сваливается назад
У адепта следующий день
Он выходит в мир, мир букарашек и выигранной войны
Его удивит сладостный воздух и, может быть,
почти не вспоминающийся прекрасный аромат.
Сень. Он в кущах отдохнёт. Он отдыхает.

Волшебство. Оно прошло через века.
И это чувство рядом, чувство спокойствия;
О XVI-XVII век, разорвите покрывала
свои, и слейте свою искомую желанную
суть в резервуар времени,
да наполнит души ждущих эта река;
давайте вспомним Адепта Времён,
войдём в Него и получим Наше удовольствие и прану.

О паршивая девка четырнадцати лет, о сексуальных
бёдер пар, сорвись пред Ним, о
часть одежды девичьего бремени!
О наслаждение.. Дай увидеть.. Наслаждение..

И это, наверное, не увиденное, Он
(кто-нибудь из Нас) назовёт, или может
назвать «крлей» или «благословенный леймен»,
в зависимости от воображаемой, блин, ситуации
Волны благословляемого Нами течения — донесите
свои свинцовые вариации, до других —
о одинокая лавочка этого адепта — не впусти смеющихся,
и он смеётся — он — он ухахатывается — Адепт! «Прост» —
если вы поняли — задумайтесь. Что-то уже проглатывается.
Адепт современности.

И вот меня обычный «Brюken krюken» достаёт —
утомление и нежелание, безвкусность,
лёгкое головокружение, я иду в никуда; мне
надо доехать до дому; я не люблю это бредовое состояние.

И вот Абсолют. Бессмертные мысли; магические дела.

Награда — блаженная сома, странный отдых,
«FROGEN» от поворота молодой девушки в твою сторону, она
так познакомилась с тобой на одно
замедленное мгновение сегодня; это удач-
ный момент, прохладные воды, красивый аккорд
в твоей усталой мелодии. Еду дальше...
Ба. Её сапоги.. Она..(.)
«FROGEN»

Кстати, забыл ещё мотиус «ро dorozshke».

СОН(МЫ)!

Понятное дело.
Тело опрятно в одежды гладкие спрятано.
Стянуто в шее и талии.
Ткань из Италии, чистый прозрачный голос
Бога.
Ноги шагают по самым стеклянным из луж,
Как бы по окнам.
Модный кокон
Неправильной формы.
Локоны клёнов, заряженных красками осени.
С проседью.
Выпил весь дождь без остатка из облака,
Но кто бы что ни сказал,
Молчания проволока из чистого золота
В форме сердца.
Четыреста сорок восемь герц
И ещё четыре герца.
Проба волны на вкус
Солёный и синий.
Принял на грудь.
В глубине сплетения солнц
Что-то, ахнув, от счастья замерло
И замёрзло
В объятиях корки льда яда.
Оранжевого янтаря плен
И счастье похоже на содержимое ампул
Настольных ламп.
В них плещется свет и зелёным ожогом сетчатки
Плывёт силуэт
Балерины в короткой сборчатой юбке.
Четыре минутки и ещё четыре секунды.
Древние руны на внутренней красной обивке век.
Человек звучит!
Ещё более гордый, чем гимны осеннего небосвода.
Вот так несовпадение...
Бытует мнение,
А ко мнению прилагается мнимый мнящий.
Я согласен с любым говорящим чувством,
Лишь бы оно настоящее.

Другое дело, успел ли заметить смотрящий,
Имеющий уши.
В уши его змеёю гремучей вползает полезная музыка
С магнием и витаминами.
Помпезность.
Любезный,
Кто там танцует на площади возле машины для переработки
Пластика?
Пластика танца его — не сказать ничего,
И пальцы его сплетаются в свастику воедино
С чьей-то невидимой пятерней в оперении
Призрака-рукава.
Опьянение.
Все признаки налицо,
Схвачен в кольцо зрачка окружающий мир тугими объятиями.
Платье из математики
Множественных пространств,
Чай с мачехой и матерью на открытой прохладным ветрам веранде.
Магнитные камни-цикады;
Запахи сада;
Виды на звёзды;
Скрежет зубовного жемчуга
О поверхность вощёной груши.
Пышные, но утончённые окончания словоформ.
Золотое руно нейронов.
Тридцать восемь копий царя Соломона
И ещё четырнадцать клонов.
Переполненных до краёв.
Незаконно рождённых.
Незнакомых.
Снов.

Сонмы!

ЖЕРТВИЕ

Цветопёстрое кладбище
Знати героев
В стати самадхи
Стражи опутаны.
Света волокнами
Кроны голов.
Стопы — мицелием слизевиков.

СПОНТАННАЯ ЗАРИСОВКА ОТ СКУКИ

Вести сна.

Меня подхватывает ядов дым, туманные равнины его глубин — окраины чужой души в свечении Кирлиана.

Святая Анна, кто твой господин?

АННА: Мой господин — сгоревшего письма снующий смрад. Ты рад услышать этот аромат?

Мой господин — безжалостные бесы твоих небес. Письма сгоревшего ответы на твои вопросы. Роса на скошенной косе. Все как один — они простоволосы.

Все как один!

— Неужто все? Ваш батюшка судил повес, кладя песчинки на часы...

АННА: Не ссы!

Утренний след.

Куда вспорхнули стаи всех твоих тетрадей? Каких преград преодоленья ради? За изгородью гладь реки. На ней твоей руки пятиконечные шаги — исподняя одной ладони клонов. И в лоне каждой длани по лампаде! А на калитке спит не пробуждённый, не растревоженный никем засов.

Куда стремятся вихри твоих волос? И отчего стремления их противоречат флюгерам на крышах зданий? Глаза твои полны настолько, что не смеют, право, вместить в себя ни слёз, ни страстных причитаний. Страданий благовест, терпенья крест, я вижу, лежат покинутыми у калитки... Какая-то ошибка. Безумица — могла ли говорить она со мною о том всерьёз? Я должен место то из памятей извлечь. Куда вспорхнули все её тетради? Не вижу на снегах последствий греющих костров. Неужто каждый лист кремирован на собственной лампаде? Я вижу, за рекой танцует вьюги рой. Лампады гасит за одну одной. Вернуться бы в покои дрёмы. Сом подо льдом. Во снах обязан я поговорить теперь с сомами. Они поведают о том, что видеть бы могли сквозь проруби рыбачьи. О чём судачат рыбы подо льдом? Помогут ли? Я должен попытать удачу.

Сомовьи пересуды.

СОМ 1: Я целовал её ладони сквозь потолки реки!

СОМ 2: Я плавником расчёсывал её запутанные локоны. Она, как в краски кисть, макала в воды их, минуя прорубей бокалы...

СОМ 3: Я в тот момент был глух и нем. Я ел подарки дна!

СОМ 4: Не слушай их, они лгуны и пошляки. Я расскажу тебе о том, что прошептала она, когда...

Безумица — могла ли говорить она о том всерьёз... С сомами?

БЕЗ ОБЛОЖКИ

Спросить он превозмог себя у палого бескрылого душою снега,
Прежде бега своих часов, летящих на луну в канале сточном —
Песчинок многоточных,
Как отвечало ему, ум ломало, жало безжизненности
Многожильное, кистью сжимало его совесть и жалость.
Они, казалось ему тогда, сужались на фоне модальности плена в такую малость,
Что съесть своё отражение в зеркале —
Всего лишь шалость решения в пропасти уравнений пасти.
Его делили на части за соучастие в мысли
Расплёсканной шире краёв потаённых карманной раны.

Пространство не терпит обмана, пространство терпит себя.

Он знал, что словами задан как жизнью,
Правдивы ли, лживы их вариативы — всего лишь стоны одного мотива,
Который ретивым животным страсти двигает скулы плоти песни.
Оно молчало смыслами, так ответ каменел коралловым баллом, в месиве
Оценок массы и власти маски над (без лица морали) сказкой
О косном мозге вечности.
Он заменял окоченелость конечностей
На одеяло ламповой прелести роста кристалла ленивого.
Были милыми те, кто безликостью иконописной растворялись
В его сердец трепетом ритма прошитом эшелоне графических пиков.
Риск есть всегда, да, но на фреске рисунка доступных рисков
Дорисована кем-то, теперь недоступным,
Простотою скуки руки — звезда.

Оттого между «нет» и «да» — чаще «да», чем «нет»,
Рефлекс обусловлен комфортом движения рта в ответ на то,
Что — «хоть да, хоть нет» — одной пустоты след,
Но над нею мечта.
Красота холста — в его чистоте
Перед сердцем разбитой вазы и истерикой кисти, об этом рассказывающей
В неглиже подробностей.
Он уже скорее — способность даже во рже
Завораживать мир один за другим в своём багаже «Сознания Без Обложки».

Его кормят с ложки Божки андрогинных тел,
Которым, как мелом, обводит он нимбы и рожки
Обмылком бескрылого палого снега,
Что превозмочь спросить успел
Прежде своих часов бега (...)

ДОМНА

1

ТЫ!

Видишь, латы стонут забралами рыл
Распахнутых?
Заступай за них!

Разрешай щетинам шил
Причинять тебе
Все объятия.

Исключи часы из
Колючих стрел
Часовых
Циферблатных башен.

Завинтись в их ступени
Маршами.
Вниз.
Вниз!
ВНИЗ!

0

...!!!

Лишённый теменей страха
Нетопырь,
Ты теперь —
Лгущий Времени,
Торопись!
Рассеки себя злобы молнией
От темени и до паха!

—1.

Не пленённый именем,
Гвоздь незваный
К ужасу своему,
Будешь ужином
Жертвенно
Возлежать
Во пружинах желудков
Цепней кольчатых.

Меж клешней
Их кишечных
Чешуй

В полный рост,

Да восстанешь тростью!

За неё заступай двумя «Я».

—2.

(Я)

Отчленяй свои очи прочь!

Слышишь?

Изувеченный меч
Дышит тайнами
Окровавленных плеч.

ИХ ЗАГЛАВИЯ, СИРЕЧЬ — КЛЮЧИ.

ОБНАЖИ ИХ!

Загрызи зверьми
Мучения скважин
Всех дверей

«Бескомнатных».

Незнакомец, скомкай их.

Отбери.

—3.

Ты чуешь?

Челюсти чаш раскалённых
Замыкаются
Во царствия свои.

В тех дворцах
Прах безглавых царей.

И ступней твоих некролог

Пролегает чрез них.

Да преступит он плоть головней!

—4.

За порогом нижним
Ожоги расскажут,
Как кожи твои кричат.

Приближение криков
Тебе поможет
Отыскать рычащий

Очаг.

Незнакомец, теперь ты —

—5.

ВРАГ.

В плечи прячь твои
Голодные головы.
Печей олово
Чавкает
За словом
Слово —
Оловянное,
Плавкое
Своё безмолвие.

Из печи в плач
Сберегай, врачуй,
ПРИСТУПАЙ!

∞

Помоги мне
Извлечь
Из Печи
Вещь,
Естество её.

Надоумь перечить
Коме Домны
Всех моих
Незнакомцев
Искомых.

Мною.

Научай,
Как высечь
Из вечности искры
Их святой беспечности.

Нашепчи

Имеющим уши
Промеж
Их ушей
Прямиком в душу.

Охраняй
От меня,
За меня.

Аминь.

* * *

Рытвин молитвенных ритмов — шрамами шиты её покрывала
Раковины бытия утроб. Голос робок, что твой озноб у надгробия каждого,
Но другого, «в этот раз — не тебя чтобы», дня. Проб высоких её твоего пера касаний —
лень лечить страдания, оттого не страдать вовсе. Ничего личного больше, чем это. Заплети в косы её силуэта очертания —
Ядовитых змей красоты промысел. Чтобы больше вопросов, чем ответ один — всегда просто сел и уже на месте том самом, что хотел всеми телами клеток мозга, но в уме иметь возражения умел достоверно-строгие, чтобы всё-таки не успел.

* * *

Куда опадают зеркала? Скала, видишь, была когда-то птицей, просто — с тебя ростом. Сейчас спала ты, в известия укутавшись сюжетов, мечты и книги, что своим сюжетом — тоска об этом, что прибивает чёрствость прочих снов, виня себя за это право оставаться инструмента плачем. Ночами чаще чистит своё сердце по частям, как револьвер, блюститель счастья. Его манер стреляться всякий раз — твоя смешная шутка над собой. Любой герой, которым можно отразиться в мире, разит сражением За. Отражение в каждом новом сорте зла его торжественным сожжением.

* * *

Батюшка плавил на воске дыханьем, Золота тихий колор — реставратор.

Скольженье внутри картины_полыхнуло волной ломаной

Звука людского гомона. (Но нужно признать, что был самый тихий тот вечер за мириады тысячелетий, когда посещали его люди, когда приходили дети)

движением змейным в картине заметил...

кинжал, показалось, дамасский.

Но, может быть, в свете неверном, треск раздирающий факелов, Огня заразу, искрами брызг окропив крупину, так вдруг почудилось ему...

Нет, Нет, Пётр! Думал, ты крепче, ребёнок каменный... прости.

краски на воске, рамки двойными стандартами непробиваемы стекла за великое слово и мамы его раздевал до собственной откровенности идеал, но закрестился, что холодом вспыхнули лилии, и каждая вещь в доме том раскололась.

— за что испугался?) талантливый друг мой любимый, ты просто устал, и мерещатся страхи. Не бойся, взгляни на праматерь живущих. За что убоялся, неужто слаба твоя вера?

Я говорю, видел всё. И говорю, что позволено светом чертать мне, что гнозис этого света не важен, когда мне показано всё.

Пречистое сердце твоё, и не бойся, искусства желание — это единственная дорога к тому, что ты, эскапист на пустом месте, в своей душе назвал богом.

Я. Я Один? Один! Но Я не Одно.

*

Вкруг бархатной птицей порхает, ощупывая водоворотом, взглядом бордовым кристально мерцает в повсюду от страхов закрытые окна.

Какое же пламя скрывает взор фантазёра в реальности замкнутого озера? Как в продранных глазах щенка он гаснет, наверняка. Такое, ну, как одинаковость всего... кино, прожить назад, не управляя телом. Я не хочу того всего. Но мало мне! От этого ли мало одного мне тела? Вот слышит сойка сон колоколов, солёный дух их прочертился формой рефлексов неба в опадающей листве в определённых кодом срезах времени. Но, может быть, во всех кто-то увидел красок новых для себя? На воске, рамки — двойными стандартами непробиваемы стёкла, не в слово и мамы его раздевал до собственной откровенности идеал, но закрестал, и каждая вещь в доме том раскололась.

РЕПТИЛЬНАЯ ПЕСНЬ

I

Тёмно-зелёные ящерицы,
Бывшие до Христа...
Трепетно настоящее
Скрыто в тени листа.

Пахари неба, радари —
В туче забыли плуг.
Мудрые виноградари
Руки сплетают в круг.

На удалённо-розовом
Зареве замер Час:
Млеко зеленозвёздное
Пью из змеиных глаз.

Стать бы тем Новым Мальчиком,
Землю обрёкшим стыть,
Под ледяными мачтами
В синей пустыне плыть.

Вечнозелёным Посохом
Состыковать миры.
В хлябях потьмы да посуху —
Лазик ночной прорыть...

Тёмная Змеепращурица —
В корни вплетись Креста.
Беленькое, светящееся —
В самом конце настань...

II

Камня когтили Мы бледный налёт —
Тихие, давние...
Нежно-субтильное пламя течёт
В сердце кустарника:

Розовый светоч молчит в глубине —
Сердце Рептилии.
Мраморно гнутся агамы омег,
Белые лилии.

Царь-Саламандра барханами плыл
В чёрном паланкине —
Сам Сердоликий, камейный — покрыл
Голову бархатом:

Он — сердоликовый древний Хирам
С сушами, водами...
Благословенье ему Игуан —
Мохобородое!..

О возвращении из Глубин
Пели Мы розово...
Неокончаем, течёт серпантин
Вечного Полоза.

О известковый холодный налёт...
Чуткие кончики...
Солнце в лиловую жижу умрёт,
Нами поглочено.

III

От темени
до хвоста —
бархатная пустота.

Гибкий, тюльпанный хвост...
Благослови Наш рост,
Иже еси...

Чёрные ручейки,
Шёлковые ростки
Пламени — собери:
Зри...

IV

Морфность зелено-тёсная —
где-то Там, Глубоко —
в джунглях Покоя...
<До-Адамов Нек~Тар>.

Молчим эту Песнь Пра-
Пра-Пра-Пра-Пра-Вместе.
Горлу Памяти — серебро Лезвия —
в Дар...

ПРО РЕПТИЛОИДА ЯШУ

Он шёл — переливчат,
Коронообразен,
Чешуйки цветные
измазавши в Грязях.

Лазурно, неваше,
Медузногоргонско —
змеилось над Яшей
нездешнее Солнце.

Он холод и яшму
почувствовал Кровью.
Смеялись над Яшей
мохнатые тролли.

На ртутном болотце,
где негде согреться —
оставил в колодце
Рептильное сердце.

На ртутном болотце...
Рептильное сердце...

КАНИКУЛЫ РЕПТИЛОИДА ЯШИ

Переплетаема так медь
Чинарами души.
Балуй, Зелёненький, во тьме —
Чешуйками шурши...

Прожилист Криптозоосад,
И хочется домой...
Осьмиконечная Звезда:
Там — Енох золотой.

Стекло люцерн и люциферн
Молчало столько лет...
А странный Я — как Ты совсем:
В зеленоватый свет

На дисколёте скоротеч-
но — к звёздному Ещё.
...И «человечество» пожечь
с орбиты Злым Лучом.

ЗМЕЕЯЩЕРКА

Змееясь серпантином красивым, —
на стене у синицы Аксиньи —
Змееящерка синяя. —

И браслетом не станет (хоть манят),
но зовёт упырей, краснобаев —
коготком зазывает.

Из трухлявых часов, где букашки —
выползает лакать у овражка
лиловую бражку.

И когда 40 дней у кого-нибудь,
Ей всё слышится эхами, стонет как
По-хо-ро-нен-ный...

* * *

На траве Далёкая моя —
Лебеда в студёных волосах...
Не звенит остывшая Земля.
Ночь и ветер тают на устах.

Лунный серп острее серебра.
Он упал, рассыпался, погас.
Спи в Раю, забытая Сестра —
Узы Смерти связывают нас.

ПАДЕНИЕ В КРИПТОПРОСТРАНСТВО

Изогнулось времечко медным коготком.
Ручеёк бликующий медленно поёт.
Вечерок зелёненький: травка и Покой.
Синенькое платьице: девочка идёт.

Странную часовенку ближе рассмотреть
Захотелось девочке лютиков нарвать...
Но запела в воздухе тоненькая смерть,
Улыбнулся вечера жуткий каравай.

Вскрикнула часовенка, крыльями взмахнув,
В животе её возник алый огонёк.
И на месте девочки — белый полукруг,
А в бесцветном воздухе — искорки и лёд...

LUCIPHAGUS

Люцифагус —
Чёрная Дыра:
Оттого, что
Светопожира —

ешь, знае*-ешь*
Солнечную Кровь.
С дальней башни
зрел Тебя Господь.

Яд Тинктуры
По усам стекал,
Алой пудрой
сыпался в бокал.

Люцифаги
грелись у ядра:
Вязкость магий
кровяна, ала.

Клали Маги
чёрные угли —
Светостяги
мраком пережгли.

И к лученью
древнего ядра
подлетает
солнце-аппарат.

У Орбиты
иней холодит
Незабудки
древней мегалит.

Ты откуда,
Солнечный Вампир?..
Златорунен,
чёрен твой Потир...

Что за ящик —
у Пандоры — бел?..
Что за ящер
спрятался в Тебе?..

tR.I.P.

Звёздный лаз серебряной трухой
В темноте обдаст — кто подойдёт...
Эхо красноватым ветерком
Залетает в ухо и поёт,

Как слоится вдаль продольно ил...
Как в него вступает Звездолаз...
Мы нога к ноге туда, куда
Закатился мой хрустальный глаз,

Закатился Марс, впадает Нил...
У тебя — холодная рука.
Я Коцит соломинкой допил —
И тебе оставил два глотка...

И из горла Ада [глубиной
В сорок пять моих сердечных ран] —
Позвоночный, мясный, костяной —
Выползает Бог — Левиафан.

* * *

Горлица ночная,
влажного пера...
Подошла другая —
что не из ребра...

В омут окунула
милости своей.
Тёмного аула
круг сомкнулся в ней. —

Мне её ночные
язвы целовать.
Мне её святые
веки закрывать.

Горлица ночная,
перья распусти. —
До утра, слепая,
тихо погости.

Ты поймёшь, — простая,
тёмного пера —
Кто была другая,
Кто — моя Сестра...

СЕСТРА

Поделом нам, поделом —
бледным и молчащим...
Отогрей, Сестра, крылом —
чёрным, настоящим.
Поделись, Сестра, тоской —
птичкой-невеличкой.
Потому что нет другой
Антибеатриче.
Если будешь только Ты,
если хватит силы —
бросишь первая цветы
на мою могилу.

ОККУЛЬТНОЕ ОБЩЕСТВО

Осень, сделай мне эвтаназию —
чтобы мне не смотреть на слизь...
В подпространстве, в подвале смазанном —
волхвователи собрались.
За корявым столом, с подсвечниками —
нетопырь, козодой, бекас.
Будем мудрыми, будем вечными —
пока Дворник не выгонит нас...

КОСТИ КОЛДУНА

Их разбросали, измельчив,
На пустыре вчера.
Но что-то белое торчит:
Возникли два ребра

Из бочага, где бурый мрак,
Ползёт моллюск хряща.
Ключица пляшет средь мурав.
Тритончики пищат...

И вот пузырчатая плоть
Проклеена опять.
А мимо девочка бредёт:
Ей долго здесь молчать...

Ей злой пустырь теперь жених.
Она пьяна, больна.
Она читает странный стих
Про кости колдуна.

ЗВЕЗДА ЕРЕСИАРХОВ

На Бетельгейзе болотно-зелёной —
Свет монохромный:

Пьют эктоплазму
Три богомола,
Три богомаза —

Ян, Иван, Евган.

Пишут синхронно
Иную Мадонну —
Медузу Горгону:
Икону.

Их опекает
Ласковый Каин,

И наблюдает
Небо коричневое.

Продолговатое
Око Всевидящее —
Знает...

Ткут мозаичную змейную расу
Светоча три
в нефритовых рясах —

Ян, Иван, Евган.

АСТРОБИОЛОГИЯ

Поворот оси чуть-чуть
поцарапал Млечный Путь:
Отрастила тополя
мать и мачеха — Земля...

ИЛЛЮМИНАЦИЯ

А обломовцы — как всегда —
на завалинке, на завалинке...
Эти зимние города —
декаденты в хрустальных валенках.

Но лишь только нащупают, злясь,
выключатель в запечном мороке, —
и, сверкая и матерясь,
Солнцешар захрустит над городом...

NOX

Ничего не издавая,
Милый Ангел дул в трубу.
Гретхен — бледная, босая —
Мотылька сдувала с губ.

Огромадный, исполинский,
Офигенный Жёлтый Мел
По кусочкам растворился
В этой лунной кутерьме.

С поднебесной берестою
Отражает звёздный мох
Лопоухое, святое
Декадентское Трюмо

Знает только Табуретчик
По прозванью Беранже,
Что Игра не стоит свечек
И доиграна уже.

НЕКРОГРАММА

Некрограмма —
Морионовый холод Геммы,
усекновение её двенадцатого угла
где стыл гематитовый шар

рождённые ветром
соцветия амаранта

Никта, отправляющая сигнал
точками
мёртвой дочери

сладкая осыпающаяся амальгама

пекельно-серые stars.
Галактический барс,
Их когтящее-алмазящий;
Их Денница изранивший кварцевым рогом —

ограняют утробу Храма

АРХЕОЛОГИЯ

У недонеба привкус Неолита
На бездорожье мамонты разлиты
И по утрам синеет и сверкает
На саблебивнях роспись хохломская

ТАМ, ВНИЗУ...

Хризантема в саду отцвела...
Хризантем золотые тела
в самоцветные норы несёт
епископ Крот.

Там, Внизу — студенистая тьма,
от весны ещё — Герда нема,
и молчит голубая звезда
из витражного льда.

Глубже, ниже — центральный Ад.
Огневеющий шар — Фохат.
Телемических магм восход:
Corpus Domini — алый мёд.

КАПИТАН

Мальчик разрезал прутик: там — Синее,
планетоиды для Никого
нарисованы — видит он.
А казалось бы: хворостинка.

Сатану ей гонять... да незлобь
гасит темечко. Сын, усни:
отделяется от стены
Капитан Случайных Разрезов.

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Просыпаться интересней,
чем летать по дню устало.

Часа мыслящая плесень
притворилась одеялом,

Океаном, Кали-Югой...
Золотясь и чертыхаясь,

миги гонятся по кругу,
в Засыпанье возвращаясь...

ГРАНИЦА

Очень хотелось,
Чтобы этого не было
Они корчат рожи, точат лясы
Призывают медленно, —
Давай
С нами в закоулок
Иди, придурок,
Смотри
Будет
Постепенно прикольно
Песенно пышно
Концертно фестивально
Зачехлённому отказано в ...
Продемонстрировано девочками
Продефилировано лангустами
Занавесками задёрнуто
Губами прошепчено
Словами замолвлено
Зааминено
Закрещено
Замечательно мечтательно
По другим окрутам выпадет
Познавательно и бог с тобой
Бокс с трубой

ЯЗВА СИБИРСКАЯ

Очищать от шелухи внезапного происхождения
Испепеляющий образ начинания
Приводящий к утрате
Простительной неистребимости изначального
Извилистой затеей
Охреневать и изворачиваться, выпячивая
Исследуя цели, следуя
Исполнениям всех значений по правилам
Подойти, прийти к тождественности
Прикоснуться щекой к чёрну яблоку

к-РИК

...
Прочистить глотку,
Прокричать,
Про ... орП
Реакция
На прочее
На морг
Но! я попробовал...
И я туда вошёл
...
Привратник был весьма высок и смугл
Огонь высвечивал рисунок его скул
И тень плаща скрывала его лик
Стояли прихожане как стена
Искал свою возможность Сатана...
открылись двери, мы пошли, вперёд глядя...
И долго, долго шли, завет блюдя
...
лишь бы не видеть этого всего, всех бед
как пахнут трупы, предлагаемые для...
изнеженных осколков пустоты
возможно, это видел я и ты
... обломанный осколок красоты
нам показали обгорелый труп
и рассказали, как его зовут,
и кем он был
и чем теперь он стал
и я смотрел в беззубый тот оскал
он бы смеялся, ...
если бы он мог
открыть мне тайны, где безумный бог
стараясь грешников завлечь в ту сеть
где времени и где пространства нет
Где путников ждёт, преломляя свет,
Богов посланник, Ньярлатотеп!

* * *

Если птице отрезать крылья,
Если ноги отрезать тоже,
А потом положить за печку,
То получится птица-Игоша.

РИТУАЛ

Как-то раз на перекрёстке
Совершали ритуал
Круг чертили, клали кости
Убивали петуха
Вопрошали так сердито —
Приходи, хозяин Тьмы
Не придёшь, тогда корыта
С кровью расплескаем мы
А потом ритуалисты
Услыхали трубный глас
Этой кровью не отмыться
Вот ни одному из вас
Я жестокий, я ревнивый,
Я величественный бог
Накажу, пока в процессе
Выпиваю эту кровь
Укажу, какую жертву
Стоит вам преподнести
Оттого, что ваши мерки
Божествам не по пути
Он умылся, он явился
В ужасающей красе
Очень многие усрались
Хорошо, что уж не все,
И подъехала машина
По асфальтову шассе
Забирали активистов
И забрали наших всех
И сидим теперь горюем
Помоги нам Сатана
Тебе жертву предложили
Ну и где ж теперь она...

ДЖЕК ФРОСТ

Замороженная ёлка дед мороз
Никому не нужно вымороженных слёз
Развращающий пропеллер
Придорожный водевиль
Замороженный столбняк
Столбик стояк
Стоять!

МАРШ КАННИБАЛОВ

То, что дорого всем вам,
То, что вам всего дороже,
Приносите прямо к нам,
Мы разрежем, мы разложим.
Приносите, да побольше,
Ведь у вас есть тоже дети?
И на этой на планете
Они будут голодать.
Приносите это тоже,
Мы поймём, мы не осудим,
Мы живём на пользу людям,
И мы будем вспоминать
Икать

НЕВАЖНЫЙ

Неважный смысл чах
Во временных щах
Ведь мы ж (ма) с тобой
как временный мастодонт
Торпедно представляю как тебе
Удобно разложиться на луне
И заяц такой стрелой
Успел заразить покой
Промежуточного исполнения
Вне изведанного разнообразия
Почеши спинку
Старику Дарвину

ТОСТ

Вечность на руку садится — не пугай
Пораскинься, поразмысли, приласкай
Это ж вечность, ей мгновенье — много лет
Внемли ей, пока не высох твой скелет
Если пьёшь вино, то будь текуч и твёрд
Ни к чему растить верблюжий горб
Из раскаяний, стыда, вины, помех
Пей вино — как первый раз, за всех!

ЭТИ ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ...

Отправляли на тот свет, не задерживая
Как один, так все причитали
На хрен надо, балласт, зачем спрашивали
Мешок конфет, некоторые хохотали
Там была святая путь-дороженька
По-над ней стояло святилище
Сохранявшее благочестие
С распростёртым крестом-то за пазухой
С вывернутой настежь душой
Думались думы великие
Укротить бы зверя лютого
Силой сильною, да неведомою
И подумалось — почему б и нет
Верой твёрдою зверя лютого
Укротить святою молитвою
Засиделися вы тут как за пазухой
Сколько можно же так, товарищи
Отправлялся я, распрощался я
Да с родными с домом и всеми да
И собрал с собой добрых молодцев
И пошли мы до зверя лютого
Зверя лютого окаянного
И вот вижу гора охренительная
Подошёл к горе той невиданной
Вкруг да кости под горой все раскиданы
Кости всё как один да человечие
И завёл тогда свои я реченьки
Свои реченьки да окаянные
Гой ты чудо чудачное сокрытое
Выйди, покажись, да померимся
Коль не выйдешь, то знай, мир смеркается
А не то я уебу тя корытою
Это в песнях обычно так делают
Или сам если хочешь похериться
Ото страху того да великого
Сам немного сел посрать да за кустиком
Но восстал потом славным витязем
И промолвил слова те закрепные:
Я ж тебе да напущу щас зловредного!

Задрожало в ответ небо синее
Затрепыхались буйны деревушки
Сердце ёкнуло до жопинушки
Вылезает из недр гнусно тварище
Смрадна вонь от его как от скотинушки
Да расправил гнилы он крылошки
От вонищи добры молодцы прям в обморок
Пораскинули смело мыслию
Навострили ядрёно лезвие
Устрашаючися от зловония
Подоткнули под жопиё гадины
Изначальный Некрономикон
И тут издохла тварна скотинушка!
И теперь будет долгая очередь.
Целовать, миловать спасителя
Да во славу весьма иных богов
А не то оживёт тварна гадина!
И наделает зверства огромные
И заплачет тогда мать детинушки
Но не время пока, подождём ещё!

САМОУПРАВНОЕ ПОТРЕБЛЯДСТВО СВЕРХСУБЪЕКТА

Невозможное сочетание
Клеток бугорков
Мозговитых шероховатостей
Сотен тысяч факов
Временные лобзания
Рассекреть бы, опредметить бы,
Самоуправное потреблядство
Сверхсубъекта
Но не
Приключить
Невозможность неисправности
Заданной цели существования
Обоснованной реальности
Переглючить
Походатайствовать
Всею Вселенную
За подлеца

ТРОЛЛЬ

У тролля утрата самоконтроля
Утроба отребья, работа и роба
Аборты и роботы, битвы и бритвы
Ботва и братва, муляжи и молитвы

А где же свобода и вольная воля?
Да ну её, волю, в неволе доволен
Утроив усердье, трудиться до гроба
Утрата самоконтроля у тролля

Я БУДУ!

Некая хрень
Получила по факту и к месту
Новая гавань приглашает, — но не насовсем
Суть переноса суть жертвы суть соглашения
Смирения Понимания Разыгрывания
Иронии Смятения
Нести некий корень, — это
Как держать в руках младенца
И говорить сюсю всегда
Но все равно мы будем танцевать
Где там наш мальчик
Свойства спектакли слизни
Выкарабкались Западло
Зачинщик мёртв
Ухватывали не то
Раскорячивались
Заменяя формулировки
Предрассветными сумерками судорогами
Чей ты принц датский
Чем ты обозначен
Какой вилкой из глаза
Ты будешь строить аргумент?

ПУСТЫНИ

Я стоял у разбитых святынь
Долго всматриваясь в осколки
Километры бесплодных пустынь
В память врезались, словно иголки

Распускающийся узор
Непонятной восточной мозаики
Рисовал, даже живописал
Колдовские манящие замки

Очаровывали, зовя
Нимфы в лёгких прозрачных накидках
Поцелуй смертоносный храня
В мимолётных невинных улыбках

Змеи гибкие с ложью в глазах
Извивались в пространных признаньях
Время в старых песочных часах
Сохраняло воспоминанья

Создавая новые дни
Из бесцветных прошедших событий
Обрывая руками ткачих
Ожидания тонкие нити

Притаившийся, хрупкий паук,
Что плетёт паутину надежды
Зыбко дёрнулся, съёжившись вдруг
И рассыпался, взятый небрежно

И рассеялся странный туман
Уносясь многозначною дымкой
Я оставил разрушенный храм
И пустыню покинул с улыбкой

ЭФЕМЕРНОСТЬ

Силой созданных объятий
Цепями, сотканными из поцелуев
Движениями, проникновениями
Всеми силами, мне данными
Удержать тебя, летящую
В эфемерно — мнимом воздухе
Уловить ничто, как если бы
Обрести и кануть хоть куда

ЗЕРКАЛА

Потомки зеркального мира
Изгнанники внешней свободы
За гранью таящие силы
Пространства другой стороны
Укрытые тьмой серебристой
Поверхностью для перехода
Ускользающие слишком быстро
В звенящий хрусталь тишины

Рабы отражённых эмоций
Оптические уроды
Разгадывающие кольца
Цепей всемогущей весны
В разменном повторе движений
Растут эфемерные всходы
Субстанции для построений
Иллюзий печальной Луны

ПОСЛЕ БЕССМЕРТИЯ

После бессмертия наступят ясные дни
Мы станем в очередь, и нам дадут алмазные сердца
А пока грязный лёд весенней глухой западни
Проникает в душу, выкалывая глаза
После бессмертия не видно ни лиц, ни людей
Белые пятна — священник стирает штаны
От звёзд к деревьям к болотам к фантомам идей
Зверь превращается в узника вечной тюрьмы
Нежная ненависть, страх заставляет бежать
Медленно к северу рыбы вздыхают во тьме
После бессмертия, после удара ножа
Кожа загадку таит, исчезая в огне
После бессмертия — смерть, вспышки дней круговерть
Спеть — не успеть, заглянуть, посмотреть не посметь
Зыбкая твердь, тусклый свет, безуспешный рассвет
Плоские карты — дама, король и валет
Старый пасьянс, тошнота и стальной пистолет
После бессмертия душу спусти в туалет
Тысяча бед и всегда неизменный ответ
Жёлтые кости — старый музейный скелет
Ржавые гвозди, червями изъеденный крест
Времени нет — мы хвостатые дети комет

МЕТА-АСТРОЛОГИЯ

Старик с подзорной трубой
Звездочёт или визионер
В окнах двойные звёзды
Скрытые полумраком
Он не зовёт за собой
Он плывущий аквалангист
Странный подводный космос
Город полночного знака
Сияние глаз домов
В миллионах небесных искр
Эрогенные зоны созвездий
Обречённые танцы комет
Сквозь щёлку — немое кино
Сеанс спиритических игр
В торжестве ритуальных действий
Рождение новых планет

ДВОЙНИК

Ему снятся страшные сны
Я вижу его каждый день
Возможно, я просто псих
Видящий привидений
Когда закрывается дверь
И выключается свет
Он входит тихо, как зверь
И говорит — привет
В глазах у него тоска
В душе его ураган
Он как гробовая доска
Или же в доску пьян
У него всё наперекосяк
Его жизнь как кошмарный сон
Любой человек ему враг
Любая случайность — облом
Но как ужасно смотреть
В его пустые глаза
Наверное, он моя тень
А может быть, это я сам

РЕБЁНОК-БОГ

Вольный перевод композиции «Kindgott» группы «Das Ich»

Вот ключ — откроем дверь
Тропу, где спящий Зверь
Держи колоду карт
Где враг — найдёшь отгад
Пойдём, я отыщу —
Играет в прятки Шут
Явись, я припаду
К стопам — разбив балду
На дне и в трясине
Ступай по равнине —
Повсюду возвысься
Дитя, смотри, кто Бог:
Душа кружится в танце
Она бежит от жизни
О твердь пролитым кипятком
Светом, тенью:
Эндшпиль — в Миттельшпиль
На карте отметим знак:
И в Лагерь — где дремлет враг
В дорогу зажгу маяк
Огниво — как ляжешь спать
Всё ближе
и ближе я
За Уши
треплю тебя
Рви Эго,
рви в клочья
Познай все
оболочки
На дне и
в трясине
Ступай по равнине —
повсюду возвысься
Дитя, смотри, кто Бог:
Душа кружится в танце
Она бежит от жизни
О твердь пролитым кипятком

НЕ СДАВАТЬСЯ

Вольный перевод песни группы «Judas Priest»

Вся эта жизнь лишь игра
Я в стае вожак, а не притворщик
Выстави счёт — в Ад или Рай
А сдохнув — живи — не как старьёвщик

Целясь к мечте — и прямо в небо
Сердце внутри горит победой
Жить не как все — не притворяться
Биться готов — и не сдаваться

Этой дорогой иду
Ты если со мной — то я с тобою
Мир на плечах я держу
Я — вечный боец, готовый к бою

Целясь к мечте — и прямо в небо
Сердце внутри горит победой
Жить не как все — не притворяться
Биться готов — и не сдаваться

Сбегая с дорог
От света конца
Не слабаком
Но храбрецом

Целясь к мечте — и прямо в небо
Сердце внутри горит победой
Жить не как все — не притворяться
Биться готов — и не сдаваться

Я целюсь к мечте — и прямо в небо
Сердце внутри горит победой
Жить не как все — не притворяться
К бою готов — и не сдаваться

АСЫ, НА ВЗЛЁТ!

Вольный перевод композиции «Aces High» группы «Iron Maiden»

Гость прибыл незваный — ликует сирена
Земля бьёт из пушек — свирепствует враг
В воздух поднимем мы свой истребитель
Высь запылает от молний атак!
Быстро в кабину — дай старт ты мотору
С колёс снят «башмак» и — секунда разбег!
Темп ускоряем, цепляйся за воздух
Времени ждать нет — ни мне, ни тебе!

Целься (целься)!.. скройся (скройся)!.. взвейся (взвейся)!..
Штопор (штопор)!.. бочка (бочка)!.. горка (горка)!.. удар и полёт!
Целься (целься)!.. скройся (скройся)!.. взвейся (взвейся)!..
Штопор (штопор)!.. бочка (бочка)!.. горка (горка)!..
В цель! Жить — лететь! Лететь — жить! Или — смерть!
Только — в цель! Жить — лететь! Лететь — жить! Асы, (на) взлёт!

Главная цель — это бомбардировщик
Бей скоро и метко, к удару — удар!
Мёртвой петлёю, и в штопор, и снова
Где нас не видно — готовим удар
Стая настигла — от края до края
От солнца к зениту — «Мессершмитов» налёт
Выше поднимем свои мы «Спитфайры»
Выйди на цель — я нажму пулемёт!

* * *

Вольный перевод из Эдны О'Брайен

Всюду книги.
Что на полках,
И меж книгами и меж стеллажей;
На полу да под стульями...
Книги, мною читанные,
Книги, мною не читанные.

ВЕСЕННЯЯ ЦИТАДЕЛЬ

Посвящение Ольге Байшниковой

Взгляни же в Звёздное Небо,
Или к зеркалу лишь подойди —
Сезон обращается в Лето,
И Весна раскрывает пути.

Дыша в такт волнам прибоя
Днесь Байкала — Хранителя снов,
В тревогах дней ты спокойна,
Ты хранишь Вселенную слов.

Слова, что в древних заветах,
Что поднимут от Зимнего льда.
Сама ты стала рассветом,
В растерзание сердце отдав.

Запела голосом звонким
При надрыве-изломе Судьбы,
Собрав рукою осколки,
Защитила меня от беды.

Гляжу в беззвёздное Небо,
Фонари — как голодные псы.
В них нет ни ночи, ни света,
А мечта лишь Весенней росы.

Разбито сердце томленьем,
Поступь Зимняя точит шипы:
То жар, то холод по венам,
Да понять ещё, я или ты —

Вглубь друг от друга сбежали,
Не примкнувшие к стаду других.
Внутри мы всё же устали
От штрихов безучастной толпы.

Всё то, что было когда-то,
Девять месяцев уволокли;
Февраль сменяется в Август,
Да Декабрь будто кровью облит...

С тобою стали как ветви,
Словно корни от Древа Небес,
Мы зря доверили ветру —
Пусть на миг — загораживать Лес.

Нет таинств, и таинство всюду,
В горизонт ли посмотрим, внутри.
Поём мы вместе для люда,
Для себя... Всё же, чёрт разбери!..

Тревога уходит — слышно
В глубине двух сердец тишину.
Весной расцветает Вишня,
А две линии встали в одну.

Чего же бояться усопшим
В равнодушии тёмной ночи,
Могилы слезами расскрёбшим
И к заре отыскавшим ключи?!.

Ты пение птиц отражаешь
Глубиною раскрытой души.
Пропой же всё то, что ты знаешь,
В танце собственном так расскажи:

Аккомпанементом я стала,
Как была я с начала времён,
Вселенной твоею я стала,
Как была я с начала времён...

НА ГОРНОЙ ВЕРШИНЕ

У старого волка под лапами горы,
Бинокль на шее и нож в сапоге.
Он мнимо беспечный бродяга, который,
Куда ни пошёл бы — всегда налегке.

И мучают волка, углём в сердце тлея,
Вопросы, с годами сильней и больней:
Была ли напрасна смерть аспида-змея,
Предатель-подлец ли коралловый змей?

Он смотрит в костёр полувыцветшим взглядом
И курит, и тушит окурки о снег.
«Вот так, был я волком, а стал змееядом,
И нёс наказание, как человек».

Здесь наши ошибки лавина укроет,
Последний звук эха в пещере замолк.
На горной вершине нас будто не двое.
Солдат и преступник. Ребёнок и волк.

СПОРНЫЙ ДИАГНОЗ

Здравствуй, мой дорогой пациент, экспонат моего бестиария.
Нам представился редкий момент, чтобы взять и уйти от сценария.

Продолжай держать равновесие своим внутренним гироскопом,
И, когда отступит обсессия, мы пойдём по звериным тропам.

Шаг вперёд, оглянись вокруг — ты теперь окружён самозванцами.
Эти монстры под свой инфразвук одержимы безумными танцами.

Не смотри им в глаза и не слушай — суть их слов останется тайной.
Они видят насквозь твою душу и считают её ненормальной.

Я могу дать один совет, как избавить себя от давления,
Для начала добудь пистолет и иди прямо в их скопление.

А затем глубоко вдохни, чтобы справиться с дрожью в теле,
И стреляй, стреляй наугад и не вспоминай о прицеле.

* * *

Здесь ветер шепчет песни о любви,
И диких трав благоуханный вздох,
Как призрачный, плывущий диск луны,
Столпы деревьев, губковатый мох...

Дремучий храм и шелест его крон.
Изголодавшись, полнится душа,
Вбирая звуки, аромат и тон
Глубокой ночи, напиваясь не спеша.

Тропа ведёт, где теплится костёр.
Здесь жду тебя как будто целый век.
И позову по имени в шатёр —
Не услыхал мой голос человек.

Ты засыпаешь, леса колыбель
Так убаюкала тебя в своей глуши.
А я пойду, замшелая постель —
Погост для неприкаянной души.

ДОРОГАЯ

Я тоже зубы скалил, кровь лакая,
И волком выл на бледную луну,
Своей любви несчастной труп терзая,
Обгладывая косточку твою.

Я тоже в чаще леса мимо сосен
Бежал на четырёх, вздымая пыль.
Пусть золотой листвой ложится осень,
Под ней быть погребённой час пробил.

Я тоже рядом лягу, у оврага,
С зарытой у деревьев меж корней.
Тобою пахнет утренняя влага,
Уж ты роняешь тени от ветвей.

Я тоже пророню потоки боли,
Слезами орошая плоть твою —
Ты отзовёшься светом солнца вскоре,
Птиц трепетом, пролющих песнь свою.

* * *

Я воскресил окоченевший бледный труп.
Бездушный взгляд и неподвижность губ.
Марионетка в сети чернокнижных пут,
Но заклинания души ей не вернут.

Её глаза блестели серебром луны.
Горели звёзды, словно мёртвые огни.
Меня она коснулась холодом руки.
Я не хотел её, но ждал её любви.

Нырнула в бездну и впитала темноту.
Едва жива, и не понять мне — почему
С тоской о смерти смотришь в пустоту?
Ты потеряла всё, оставив красоту.

Лицо застывшее, уста — сухой песок.
Похоже, смысла нет, и вышел её срок.
Дитя полночное, ложись обратно в гроб.
Я поцелую, ты подставишь серый лоб.

* * *

В хрустальном шаре радуга играет.
Заворожённый — яркие цвета.
Как рыба чешуёй своей сверкает:
Мгновение... уже и нет следа.

Когда грущу, мне снова в утешенье
Появится твоей улыбки миг.
И, среди прочих, это украшенье
Дороже всех... Тот мимолётный блик...

Пусть я опять на части разбиваюсь
В попытке снова счастье обрести.
И в одиночестве пустом терзаюсь —
Я раню всех, кто встанет на пути...

Мне всё мерещатся и ускользают
Осколки нежности и доброты,
И в глубине тихонько оседают,
Подобно снегу в шаре из воды...

ЖАЖДА

Холодной ночью тают облака,
Колючим пледом укрывают плечи.
В моих руках была твоя душа —
Осталось тело, и согреть мне нечем.

Сгорела жизнь. Без дыма, без огня.
В манящей тьме растаяла по капле.
Теперь ко сну промокшая земля
Зовёт цветок, увядший на закате.

Слепая тень упала на глаза,
Луна устлала кожу белым пеплом.
Тебя здесь нет, а я всё жду — когда
Меня окликнешь ласковым приветом.

И где-то в глубине, едва дыша,
Мурлычет монстр, сомкнув тебя в объятьях.
Гасить любовь и голод не спеша —
Мой грех, моя судьба, моё проклятье.

КОСТЁР

Горит и в пламени трещит душа.
Ты у разломов греешь руки, бессердечный.
Твои глаза — лазурная вода,
Мои — изменчивы, но омут бесконечный.

Вдыхаешь запах пряный, тёплый дым...
Ведёшь его сквозь пальцы паутиной тонкой.
Ладонь по длинным волосам моим...
Коснётся шеи раскалённой, колкой.

Три демона в артериях гудят
И тянутся к себе, сплетаясь языками.
Люби меня! Желай меня! — твердят,
А ты их дразнишь ветром над углями.

ПАУК

I

Вот я смотрю в твои глаза своими,
Как бездна смотрит жадно в небеса.
Мы этот миг любовниками были,
И я надеялась, что это навсегда.

Нетерпеливо лапки потираю.
В моих фантазий пропасть погрузись.
Из мёда паутину я сплетаю.
В моём плену случайно очутись.

Я ласково укрою, поцелую,
Ты незаметно погрузишься в сон,
Закрыв так сладко веки на секунду.
На свет летящим ночью мотыльком,

Ты был наивен, друг, теперь уж поздно,
Увязнув в сети крыльями, дрожать.
И лишь один совет — кому-то просто
Не надо было это начинать.

II

Я бесов подпустил к своей душе поближе.
Не смыть с меня навеки зловоние болот.
Их голоса и смех на тонком плане слышу.
Я причащаюсь в церкви — кидают уголь в рот.

Теперь моя постель — как паутины сети.
Порхает сизой ночью несчастный мотылёк.
Я для тебя, родная, зажёг сегодня свечи.
Скорей лети на мой слепящий огонёк.

Как идеален план. Сейчас всё и случится.
Волнение по коже — вот дрогнула струна.
Я обнажу клыки, в тебя мой яд сочится.
Ты крыльями дрожишь, и сыплется пыльца.

ПОКЛОНЕНИЕ

Ах, госпожа, я лишь о вас тоскую,
Как преданный поклонник и слуга.
Чтоб быть у ваших ног, я существую.
И, как котёнок, тычусь невпопад.

Беспомощный и жалкий, я любуюсь
Божественной фигурой. Снизу вверх.
Богиня, вашу туфлю я целую,
У прочих вызывая стыд и смех.

Молю, топчи, гони меня, как змея,
Раскрывшего греховной страсти пасть.
Порабощён, противиться не смею —
И лишь у вас есть надо мною власть.

Заставь меня раскаяться, я демон,
Злой искуситель, что так любит плеть.
Пусть ваш укор сожжёт меня до пепла.
Моя мольба, увы, звучит как лесть.

И взгляд поднять на лик ваш я не смею.
Размазан под подошвой, словно грязь.
В мечтах своих, как фетиш, я лелею
Боль кандалов и их тяжёлый лязг.

В тисках греха мой ум, что жаждет смерти
Не чьей-нибудь, а вашей, госпожа.
Излюбленный бондаж на мне, не сети,
И горло просит холода ножа.

Взгляните, до чего я непристойный.
Я жажду втайне вашего суда.
В аду зову, прощенья недостойный,
Как к грешникам сошедшего Христа.

* * *

Таланта самородок оставляет
Творец старательный, что жаден до вершин.
Богатством Господа рука сияет,
Сквозь время пожиная золото души.

БАШНЯ

Несчастье обнажит мою улыбку,
Иллюзий полумесяц задрожит,
Изображая старую пластинку —
С забытой песней та давно лежит.
И каждый раз за чью-то нить хватаясь,
За луч надежды, обращённый в пустоту,
Всё то, что мне спасением казалось,
Я в ярости слепой нещадно рву.
Сливаюсь с темнотой, её питаю,
Сам не способный голод утолить,
Всё выше эти стены воздвигаю,
Где демонов своих пытаюсь скрыть.
Они кишат, рычат и искушают
Мой разум, утомлённый пустотой.
Нет святости, так пусть же выползают,
Шипят, смеются, управляют мной.
В единстве с ними я исполнен власти,
Она меня кусает и язвит.
Купаюсь в боли, в страхе, в жажде, в злости...
Пучина неглубокая на вид.
В бреду, во мраке, поглощённый топью,
Испуганно на небо посмотрю —
То плачет обо мне, пугает скорбью...
Я тихо о прощении прошу.
Но где ответ, и что со мной случилось?
Мой голос слаб, я на себя взгляну...
Что нравилось мне — за туманом скрылось,
Хотя, казалось, у меня в плену.
Я оставлял добычу на терзанье
Отчаянью и тьме, которой стал
Так незаметно... Думал — в назиданье
Я надзирателем жестоким стал...
Покой и тишина меня объяли.
Так ветер нежно гонит облака...
И стены те уже давно упали —
Руины украшает водопад.
Оглядываюсь — птицы, что молчали,
Теперь поют, я не хочу спугнуть.
И воды, что проклятьем моим стали,
Очистят сердце и укажут путь.

* * *

Касание раскроет лепестки,
Их шелест невесом, непрерываем:
В ночной дремоте — сонные ростки,
С утра — иллюзии цветок срываем.

Проснёшься ты как будто от тепла,
То — взмах руки, неощутимый телом,
Что для тебя венок свой заплела,
Но в памяти останется пробелом,

Как след, примятый на густой траве.
Фантазия рисует ей портреты.
Мелькнули и померкли в темноте,
Не вспомнишь цвет, её глаза — кометы.

Их вспышка подарила тебе сны,
Но разбудила трепетом дыханья
Волну, где безрассудные мечты
Ласкают шумом берега молчанья,

Охватывая с ног до головы.
Как мотыльки — поярче выбираешь.
О юности прекрасные цветы,
Подобно мёду, грёзы собираешь.

СОН ПЕЛАГЕИ

Неспешное дыханье — перекаты волн
Едва колышущейся водной глади.
В чьём плавном зеркале твой безмятежный сон,
И рябь от серпа, точно твои пряди.

Ночь сизым сумраком объяла нежный стан,
Степенный, будто вздох морской и ветер.
Окутал звёздный свет изгибов плеч бархан —
Рассыпал искры звёзд на свод Юпитер.

На моря горизонт навеяло туман.
Ряды ресниц — Морфея мгла под сенью,
Тенетой образов сплетается дурман,
Их сотворение спугнуть не смею.

МЕРЛИН

Наброшен вуалью сон на глаза,
И продиктованы кем-то слова.
Сознанье пронзая, льются наружу
Незримые звенья. Цепи разрушу.
Я вспомню себя — лёд хрустнет внутри.
Прервался гипноз — щелчок на счёт три.
Взгляд, как прожектор, сияющий встречу.
Шелест травы, то ли тени мне шепчут?
Кто ты? — Спрошу, но исчезнешь ты вмиг.
Во тьму загляну, а там слабый блик.
Вглубь поспешу, саранча всё роится
И повелителя спрятать стремится.
Сквозь жуткую бурю призрачный свет,
Неведомых знаний верный ответ,
Зовёт по тропинке, как устланной тканью.
Навстречу делаю шаг, к подсознанью.
Я здесь одна, но по взмаху руки,
Лица людей обретают черты.
Спускаются вниз, по бархатной роще,
Из ниоткуда куда-то, в их толще
Вижу твой лик. Скоро ли догоню?
Кудесник, манеры я узнаю.
Секреты расскажешь, сон создавая,
В иллюзии тень свою превращая.
Духи стекались у тёмной воды.
Я узнаю это место, где был
Сказочный меч. Всё согласно легенде.
Проснулся восторг в уставшем поэте.
Озеро дрогнуло светом луны.
Проснувшись, вспорхнули вверх мотыльки.
В чудесные грёзы всё превращая,
Бризом на глади себя отражая.
Там, в середине Экскалибур? —Нет!
Мерлин проронит свой властный ответ.
Опять на счёт три и хлопнув в ладоши
Из сна и мечты в реальность заброшен.
Я просыпаюсь, словно в кино.
Только в палате открыто окно.
Старую книгу в руках держит доктор —
В очках его этот блик, как прожектор.

ТЕНЬ ПРАЗДНИКА

Средь оживлённого жужжанья
Знакомо каждое из лиц.
Секреты мысли и желанья...
Ты — ветер между их страниц.

Слегка подстёгиваешь чувства,
И, веселя других, себя,
Страдаешь после до безумства:
Ком в горле, лезвие ножа.

Здесь меры не найти. Не в силах
Ты управлять своей тоской.
Энигма смерти есть незрима,
Над ней не властен разум твой.

Лишь за спиной, в одно мгновенье,
Пронзает молнии разряд —
Сквозь шум от рук, толпы веселье
Два глаза мёртвые глядят.

Не сторонись их, зря боишься —
В тебе есть жизнь, а в них — едва.
Но ты легко им покоришься:
Вбирая тьму — отдашь себя.

ТЕНЬ. НОЧЬ. СМЕРТЬ

В своей тени стою, как в грязной луже.
Она течёт за мной задумчивым пятном.
И к вечеру становится всё уже,
Затем, сливаясь в сумраке ночном,

Теряется в холодном синем цвете.
Сходясь у ног. Темнея. Мрачный и чужой
Цветок из зла раскинул свои сети,
Разверзнув пасть, напал вуалевой тюрьмой.

И я теряюсь, словно отраженье,
Прорвавшись из земли, меня схватило вдруг.
Могильный вздох, мурашки, ощущенье,
Что смерть идёт — ты слышишь её стук?

* * *

Мёртвые души придут за тобой.
Могилы свои потрошат изнутри.
Ты ночью услышишь скрежет и вой.
Встань же с кровати. Иди и смотри.

Кровавой луны таинственный свет.
Их кости скрипят. Все в обносках гнилых.
Их никакой не утешит ответ.
Застывшая ярость в глазницах пустых.

Кто-то стучит — это ужас пришёл.
Ты запер все двери и держишь ключи.
Ты покидаешь свой дивный престол.
Молиться нет смысла, лучше молчи.

ХИМЕРА

Своё присутствие Он обозначит громом,
Волнообразным куполом тебя покрыв.
В глубокой тишине раздался эхом ворон —
Он вихрем перьев свет от глаз сокрыл.

И вечности виток ещё один накинут.
Тебя проглотит, словно в ко́му уронив —
Уже давно твой храм души воздвигнут,
Смотри, как необъятен, темноту разлив.

Круги от капли постепенно замирают,
Здесь ты повис над полом, созерцая суть:
Вот, в глубине, глаза звериные меркают.
Не потеряй себя, благоразумней будь...

Опять в движение приходят кольца жизни,
Гипнотизирующий хоровод змеи
И пристальный холодный взгляд по кругу стиснет —
То стены были у больной души.

Ты монстра вырастил, гнильём его питая,
И храм воздвигнул не себе — ему.
Вдыхая воздух жадно, Бога вопрошая,
Ты плачешь: «Отчего же я в аду?»

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Как много невстреченных парусов!
Принцесс неспасённых, пустых лесов,
Печальных ослов и гундосых сов...
А, впрочем, не важно...

Не хватит на всех золотых дворцов
И принцев, и сказочных подлецов.
И вот ты на подвиг опять готов —
И мчишься отважно...

Наверное, ты в миллионный раз
Очередную принцессу спас.
Подумал уныло: «Не водолаз.
В последний. Довольно».

На тонкость твоих загорелых скул,
Как будто кто охряных брызг плеснул,
Ты думал, что сможешь, ан нет... заснул...
И стало не больно.

Твой мир уместился в одной руке:
Вот роза в немыслимом колпаке,
Вот лис в замусоленном сюртуке
И мальчик лохматый...

И кажется, будто ты снова мал,
Ты папе удава нарисовал,
Который слона целиком сожрал
И выглядит шляпой.

Не падают звёзды привычно ниц,
И больше не слышно беспечных птиц,
И только измученный дремлет принц
На старом диване...

Последний из сказочных могикан,
Единственный выживший из землян...
Твой Лис не приручен, небрит и пьян...
И роза. В стакане.

НЕКОМУ СПЕТЬ КОБЕЙНА

Посвящение: тем, с кем уже никогда...

А помнишь, в детстве? На стенах — плакаты Кобейна,
На каждом квадратном метре — автограф маркером...
Курили на кухне, пьянели с бутылки портвейна,
На пятерых, с каким-то залётным маклером?

Мою «Кремону» помнишь, чехословацкую, белую?
С одной стороны вся дека была в подпалинах...
За струнами — стопом в Ё бург почти неделю,
Зато как она звучала незабываемо?

Мы знали все группы и песни их — по наитию,
Дарили друг другу кассеты с «Чижом» и «Чайфом».
Для нас каждый день был самым большим открытием
Мы жили под этим звучащим в колонках кайфом...

А помнишь, как гопота зажала нас по наводке?
За хвост и за гриву, за Васькину лилию в полруки?
Как мы спиною к спине стояли с бутылкой водки
И снегом потом отмывали разбитые кулаки?

Ты помнишь?.. А сколько всего не случилось, не получилось?
Мы не смогли уехать с тобой на море...
Я не закончила ту, вполовину стены картину,
Не проиграла ни одного на районе боя.

А ведь договаривались с тобою, что я — принцесса,
Они нападают, а ты спасаешь меня из плена...
На том самом месте теперь эмбрионы леса,
И нам не пятнадцать, и некому спеть Кобейна:

«My girl, my girl, don't lie to me,
Tell me where did you sleep last night?»...

БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ

Ты думаешь, я как в разведке, как в долгом плену без конца и предела
молчу, но я просто пытаюсь не сдохнуть в начале.
Я чёрная пешка на клетке (напомни войну, что не начата белой).
А тех, кто стоит со мной рядом, съедают с костями.
Сергеев

Команданте, за нами Рим, Воркута, Париж...
Мы стоим здесь насмерть. Нам хочется умереть.
И какая разница, с чьих черепичных крыш
Нам плевать на жизнь, и тем паче плевать на смерть?

Начинают белые — правило номер раз.
На плацдарме клетчатом выстроены войска...
На потёртых Ролексах время — четвёртый час.
И кубинским ромом заполнено до виска...

Команданте, ваш Кристобаль на один патрон...
Чтобы выжить — не хватит, зато умереть — вполне.
Но... Враг растерян, сломлен, раздавлен и побеждён
Без единой пули в этой смешной войне.

* * *

Во сне я сильно потел
Я проснулся среди голых тел
Ещё не остывших
Моих будущих и моих бывших
Как будто бы я созрел
И я лежал между ними
А они остывая скользили
И я скользил как по глине
Из которой был слеплен Адам
О как это было приятно
И я заползал обратно
Как будто бы в проклятый храм
И я кричал и смеялся
Я любовно к ним прикасался
Когда провалился в туман
И проснулся в холодной постели
В своём отвратительном теле
Во сне я сильно потел

* * *

Король мечей забирает своё по праву,
А остальное — в сточную вон канаву,
Таков порядок в мире земных вещей.

В железном замке камень краюхой хлеба,
В окне глоток загорающегося неба,
А где-то там — пламя иных свечей.

Звезда восходит ясно над тёмным пиром,
Король мечей стремглав отступает с миром,
Такой порядок больше подходит ей.

ХЕЛЬ

Хрупкое мяско надето на косточки,
Длинным, коротким ли будет твой сон?
Тонкие иглы, игры, иголочки,
Будет ли проклят, будет спасён?

Две половины разными гранями,
Тёплой, холодной ли будет постель?
Меж двух миров встану я, овеваемый,
Ветром твоим, о великая...

* * *

Ты знаешь, всё это время я смотрела в чужое зеркало,
Как в тихий омут.
Ты знаешь, как в таком тонут?
Как будто бы на роду начертано.

А потом вдруг шаманские реки несут тебя,
И лёгкие перья колышутся на ветру,
И костры полыхают, и плавится чешуя,
От чужой суеты остаются угли поутру.

От стоячей трясины тиной забился рот,
Скользкий ил под ногами проглатывает шаги,
Бесконечной клюквой сердце моё цветёт,
Подходи, сорви, обожгись и потом беги.

Шквальный ветер с моря сдувает гнилую хмарь,
Крик совы возвещает: герою — быть!
Я взяла не лампаду, а тёплый, живой фонарь,
Я найду дорогу, дорогу, которой жить.

* * *

Аурелиано, в Макондо идёт дождь...

И красная глина распластана струями вен,
Смывает дождем круговую поруку имён и колен,
И если прислушаться, кости смолкают в стенах.

В Хельхейме же осень, и листья кружат на ветру,
Желанья и время начертаны в их письменах.
По капле сочится медовое зелье ко рту,
Взамен оставляю болезненный, трепетный страх.

Холодной рукой проведёт по щеке, будто сон,
Реальность прогнётся, как будто шуршание трав,
И я уцелею в осколках зеркальных окон...
Дорога открыта, иду, начинаю — на старт!

* * *

Как будто окно в Париж незаперто снова,
И снова сквозит,
Гештальт открыт —
Ничего святого.

И мутные рыбы сверкают в прозрачной воде,
Как будто ни мне, ни тебе —
Ни знака, ни жеста, ни слова,
Ни своего, ни чужого.

Руками, руками не взять меня,
Взглядом не осязать,
Как будто немая печать,
Несломленная.

А я всё свечу и грею,
Тянусь изнутри вовне,
Как будто бы что-то во мне
Осталось от твоего Зверя.

Дороги проложены сетью,
Ветвятся, ветвятся сталью,
Как будто, как будто бы целым
Когда-нибудь станем мы.

* * *

Безвременье... Тёплый дождь...
Златые плоды тяжелы...
Когда-нибудь ты принесёшь
Сюда свои дивные сны.

Однако, ещё не сейчас,
Их время ещё не пришло.
Плоды золотятся и спят —
Я вижу в немое стекло.

Дано: уцелеть и менять
Реальности, словно слова,
Увидеть за гранью и знать —
Я здесь абсолютно жива!

* * *

Вот что я тебе скажу, друже:
Заварили мы с тобой кашу.
Пациенту день за днём хуже,
Пациенту помирать страшно.

Пациент дрожит в углу койки,
Во внутрянке у него пусто.
Нам влепить бы за ЕГЭ двойки
По предмету «ОБЖ чувства».

Коль везде, куда ни кинь, вилы,
Далеко ли мы уйдём, милый?
Мы же думали, что мы — сила:
Два дебила супротив мира.

Снова камень впереди клятый,
Но теперь мы перед ним — двое.
Маринуемся в стальных латах,
Тренируем, мать её, волю.

Может, морду из норы кажет
Легендарное зверьё «кризис»?
Или тот, о ком кричал Саша,
Пятилапые следы близит?

Или просто отсырел порох,
Изоржавились бока мины?
Если все-таки рванёт скоро —
Далеко ли полетим, милый?

ДЕНЬ СВЯТОГО КАРАНТИНА

Не проходит дня без какого-то западла
Утюги бубнят: кто не с нами, тот против нас.
Пятилапый бес, чудесаты твои дела
Не стяжать побед, а на сущее бог подаст.
Ненасытен пал, горизонты лежат в дыму
Кто упал — пропал, даже если напился пьян
Выбирай суму, благодарствуй, что не тюрьму
Не взирай, Муму, волчьим взглядом поверх тряпья
Все баяны в хлам на честном чумовом пиру
Морда без чехла — словно вызов «Иду на вы»
Выводи коня, мы здесь явно не ко двору
Нам пора линять на спине боевой Плотвы

* * *

Как же всё наверчено-переверчено, на вопросы оптом с лихвой отвечено, все ошибки-промахи позамечено, на квадраты-полосы порасчерчено. Только как по линиям и квадратикам? Не по шкуре ж это нам, с-боку-бантикам, чистым перфекционистам, сиречь фанатикам. Без прикрас, без ретуши — правды нате-ка! И сидим, и давимся этой правдою, и казать стараемся, будто рады мы. Только краник капли свои отрядами сцеживает в чашечку необрядовую. Как же быть с неровною половинкою? С недопрорисованною картинкою. Долго протяну ли с прогнутой спинкою да с гудящей бездною серединкою? Мне ли всё мерещились тропы волчии, где двоих не свалят любые полчища, где тебя услышат, крича ли, молча ли, где недоговорки давно закончились?.. Я ль прошу нелепого-невозможного, божески простого, чертовски сложного, внутримиокардового-подкожного, непереступаемо-непреложного?.. Если так, то дай мне по шапке, господи! У тебя там ангелов извелось, поди, коим за житьём моим довелось следить. Да и сам ты что-то изрядно с проседью...

МАЛЬВИНА

Постылые сказки в зачитанной книжке:
Родные салазки, безлапые мишки.

Не держит удара укушенный сказкой,
И хвост от удава нарезан колбаской.

Принцессам — гороху, носов — буратинам!
Знакома до хохота эта картина.

Кудряшек — мальвинам, костей — артемонам
И крапчатоспинных грибов покемонам!

Всем мальчикам — пальчик, пиратикам — рому,
Всем бабам по даче и по ипподрому.

Как это знакомо, как это невинно —
Любому Джакомо найдётся Мальвина.

Научится быстро седлать и треножить,
Звать солнцем — лабысло и лицами рожи.

Горох же хорош как заправка бульона,
Туда же покрошены два Артемона,

Один Чиполлино, голяшка от мишки.
Не те ты, Мальвина, усвоила книжки.

ТАРАКАНЧИК

Ко мне вечерами приходит один тараканчик,
Несёт четырьмя из шести он картонный стаканчик.
Сует мне под нос, тарахтит повелительно: «Плакай.
А я, словно пёс, не обижу протянутой лапой».

«Небось, не забыла, что портятся девы без плача, —
Зудит жесткокрылый, стаканчик стеснительно пряча. —
Не парься заплакать, не стыдно, ведь я таракашка.
А чтобы не слякоть — смотри-ка, готова стакашка».

«Иначе — я знаю — дворцы накрывало обвалом,
Как дева иная проплакаться вдруг забывала.
Уж лучше — стаканчик, и снова с улыбкой наутро...» —
Скрипит тараканчик правдиво, занудно и мудро.

Но сухо в глазницах, отныне не капают слёзки.
Фасеткой косится, надкрыльем касается жёстким:
«Ты это, полегче. И если накатит — я мухой!..»
И снова за печку, стаканчик сжимая под брюхом...

ВОЯЖ

Принцесса больше не пишет сказок,
Принцесса больше не носит платья.
До Зазеркалья билет заказан,
А чемоданы дотащат братья.

Вагон плацкартный гудит прибоем,
Курей скрывая, шуршит газета.
Бонджорно, верхнее боковое,
Традиционно — у туалета.

Колеса в паре с сердечным ритмом
Накроют пологом колыбельным.
Что тебе снится, *mi secorita*,
Когда все линии параллельны?

Минуя жадные рты вокзалов,
Страну Чудес насквозняк проехав,
К рассвету в Вильнюсе оказалась —
И пересадка назавтра в Ехо.

Любая песня — да будет джазом,
Любая проза — да будет песней.
Принцесса больше не пишет сказок,
Принцессу в сказку уводят рельсы.

ТАНЕЦ ТАНТРЫ

Кали танцует. Алчно змеятся Наги,
Абрисы коих наземь бросают руки.
Люди вкушают дхарму, светлы и наги,
В тень облачая кости под танец Дурги.

Алые капли лотосовых цветений —
Бледная тень карминовых пальцев Кали.
Люди от века слепо страшились тени —
Той, где Бхайрави танец ведёт веками.

Тень, словно сари, плечи укрыла Сати,
Луки-глаза спустили свои тетивы.
Вольно рукам, не утратив змеиной стати,
Вторить реке руки Натараджи Шивы.

Юги сменяя, ночи и дни вершатся.
Люди на прочность пробуют все пределы.
А за последним вечно танцует Шакти,
Пламя и тень Вершителя Махадевы.

«ДО ЛУНЫ И ОБРАТНО»

Я люблю тебя так, как любят берёзы с ивами
Те, кто до сих пор почему-то не эмигрировал,
Те, кто смотрят в окно декабря, беспросветное вроде бы,
И катают под нёбом упругое слово «Родина».

Я люблю тебя так, как длится в ночи молчание,
Как песок и бетон, куда катера причалили,
Как дышать — любое создание аэробное,
Округляться до целого — бесповоротно дробное.

Как остывший кофе в копчёной лесной посудине,
Как пятьсот страниц с заплетёнными в косу судьбами,
Как брюхатое снегом стадо в вершке над крышами,
Как слова, что были не сказаны, но услышаны.

Я люблю тебя побережьями каменистыми,
Горьковатым дымом, что пляшет кадрили с искрами,
Молоком и хлебом, горчицей особо лютою,
Раскалённым асфальтом, холодным стеклом я люблю тебя.

РЫЦАРЬ, КОТОРОГО НЕТ

В доме тепло, пахнет едой и лесом.
В доме темно — ибо зачем здесь свет.
В доме давно скукой больна принцесса,
Смотрит в окно — много-премного лет.

Там и с огнём не отыскать дракона.
Там за окном — стройка и ресторан.
Пасмурным днём — трассу видать с балкона,
В ясную ночь — сад сверчит до утра.

Там на полу — тень притаилась тигром,
Дождь по стеклу — рокот хмельной толпы.
Только в углу старый будильник тикал —
Как ты ни слушай — не перестук копыт.

Что за нужда — в памяти рыхлой рыться?
Снова среда, вечер, какао, плед.
Некого ждать — к ней не прискачет рыцарь.
Всё ерунда — рыцаря просто нет.

Не было, нет и никогда не будет.
Разве во сне — жаль, что они не в счёт.
Правды в вине долго искали люди.
Что бы и не пошерудить ещё?

В доме сквозит, как на опушке леса.
Всё на мази много-премного лет.
Куплен «Визин». Смотрит в окно принцесса.
Вдруг да летит рыцарь, которого нет.

ДОРОГА КОРОЛЕЙ

Мы шли Дорогой Королей,
Дорогой без возврата.
Берсерки облачных полей
Вставали брат на брата.
Мы шли дорогой без конца,
Не помня ей начала,
Лишь виса высшего певца
Меж соснами звучала.
Грозящий вал не отставал,
Охотился как будто,
Но путь лежал на перевал —
В блистающее утро.
Пускай из вечного вчера
Не вырваться без боя,
Две капли крови до утра
Остались нам с тобою.
Их слижет солнечная нить,
Вплетёт в клинок заклятьем,
Чтоб две руки соединить
Единой рукоятью.
Мы небо взрежем, как гранат,
И хлынут звёзды соком —
Так силой яхонты гранят
В стремлении высоком.
И вековечное вчера
Сожмётся жалкой тенью.
Нам сока хватит до утра,
И полон будет день им.
Глоток последний сбережём
Для пьяного заката
И бросим яхонтовый жом
В объятия агата.
Дорога ляжет так светла,
Как отблики на гранях
Алмазно-прочного стекла,
Что пальцев не поранит.
Мы шли Дорогой Королей
Под лунным покрывалом.
Сто первый раз мы шли по ней —
Чтоб стать её началом.

РОСОМАХА

Острия когтей в двадцать ран полосуют наст.
Против ста смертей — «Кто не с нами, тот против нас».
Нескончаем бег — что ни миля, до дна своя.
Простынями снег, ветер воли взамен жилья.
По камням река — что под шкурою зверья стать.
Недостаче лап недостатком и то не стать.
Развязать войну даже бурые не спешат —
В меховом плену вдвое большая ждёт душа.
На подол лесов неустанно ложится след.
Тех непрочен сон, кто во множественном числе.
Их тревожит до дрожи в холке косматый страх —
В поле воин, один как перст на семи ветрах.

СОРОК КОШЕК

Сорок лет — как сорок бездомных кошек,
Кое-как отмытых и взятых на пансион,
Кто получше мехом, а кто поплоше,
В бабий век улягутся — данные от ВЦИОМ.

Что ни кот — мурчать, выгибая тушку,
Попрошайкой ушлой тереться у сапога.
Что ни год — настырно теснить друг дружку —
Не ступить ни шагу, не выгнать, не распугать.

Быть привыкнув феечкой да принцессой,
Стрекозой беспечной, стремящейся в дальний путь,
Тем страшнее вкрадчивого процесса
Наблюдать упрямую, хищническую суть.

Всей повадкой, всем естеством похожи,
Годы матереют из милых смешных котят.
Лепят мастер-классы резьбы по коже,
И скребут в сердцах, и кусаются, и когтят.

Ряд за рядом снова хвостами хвастать
Распушатся рыже-подпалые октябри.
До числа пушистого зверя Бастет
Октябрей-котеек остаётся всего лишь три.

* * *

Жизнь несправедлива и горька,
А зима депрессией чревата...
Выход есть: найти себе сурка.
(Или завести себе вомбата)

И хандрить вдруг станет не с руки,
Самым записным социопатам:
Не хандрится там, где есть сурки.
(Грусть успешно лечится вомбатом)

Разведут перчатками врачи,
Но болеть вам некогда и хватит —
Дома обаятельно сурчит...
(...Или очарованно вомбатит...)

Ждать, пока сугробам выйдет срок
Таять, словно сахарная вата,
Веселее, если есть сурок.
(Но не забываем про вомбата!)

Право, зря Ивану-дураку
Лягушонка встретилась когда-то.
Каждому Ивану — по сурку!
(Каждой Несмеяне — по вомбату!)

Лучше не придумали пока,
Чем, когда кому-то херовато,
В руки взять мохнатого сурка.
(Повомбатить теплого вомбата)

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Уходят в безбрежность седые высокие волны,
и срок — бесконечность — у этих пылающих бликов.
Маяк не горит, он на запад, к Валарам направлен,
и некому будет пропеть о былом и великом.

Как сводит с ума монотонность морских перекатов...
Зачем же меня позвала ты, земля несвободных?
Не в силах помочь я, ни Тьму подарить во владенье...
Я сам здесь потерян, в тенях, по-морскому холодных.

Песок под ногами. Плеск волн. Ожидание, снова.
Что времени — гибельный шаг в сталь закованных армий?
На дне бы лежать всем теням и мечтам Нуменора!
Но солнцу дорога на Валмар, а мне — к Менелтарме.

* * *

Что мы принесли сюда? Боль и память.
Безветрие. Что ж, не нам за чужие пути отвечать.
А книги всё так же молчат, призывая нас здесь — навсегда.
Это приказ. Не уйти раньше всех, не оставить.
Безмолвие. Не проснуться и не закричать.
И лишь где-то там навечно сияет Звезда.

* * *

Унылый мотив слился в общий с чужой землёю удел,
Эти камни древнее тех многих, которым я пел...
Пускай же сейчас мой напев монотонен и пресен,
Но я ещё помню все отзвуки старых песен.
Кто-то умолкнет вмиг, — а кто-то подхватит, — не суть.
Тени который раз меня провожают в путь.

ЗОЛОТУ

Звёзды твои в одиноком безвестье,
Лежишь нынче, дремлешь, медовая песня.
Хочешь, вручу нить родного предела?..
Молчишь ты, не знаешь небесного лада.
А ведь когда-то мне золото пело,
И новая жизнь под руками рождалась,
И потерпеть до конца звездопада
Тогда оставалось лишь самую малость.

ТАК БУДЕТ

Где земли и реки, что смертный не знает?
Лишь время с годами берёт всё дороже.
На судьбы первейших, так с виду похожих,
Глазами бесцветными смотрит Эккайа.

Алмазная пыль, пепел Тангородрима, —
Всё сплавлено вместе, и сроки не вечны.
На старом пергаменте горькие встречи
Лиловым орнаментом стали единым.

Развилки на карте — как отблески в гемме;
Истлел мрачный полог... Мир будет меняться.
Кому-то здесь падать, кому-то подняться,
Всё это решит скоротечное время.

ВПЕРЁД

Простая песнь,
Лазурный свод.
Тот мир — как здесь:
Вперёд, в поход.

Вот млечный дым
И звёздный сор,
И вместе с ним
Вплетён в узор

Зелёный лес —
Туманов страж,
И колос здесь
Похож на наш.

Сон — тоже хлеб,
Хоть пресен вкус...
Восход ослеп,
Но я вернусь:

Вперёд, в поход,
И песнь проста,
Хоть мир не тот
И жизнь не та.

* * *

Все вишни без завязи, мастер,
Доживут свой век сливы, яблони.
В тревожный пришёл я к вам день,
А вечер едва ль веселей.

Оплот распадётся на части,
Рассуждать могу — только надо ли?
Не время делить свет и тень,
Когда жизнь горит, где теплей.

Что лесу, кто первый обидел?
Средиземье — не любит шор оно.
Смотри, примечай эти мхи,
Немилостив будет закат.

Смотри... да хотя ведь ты видел, —
Погибает всё, гневом порвано.
Но, с чашей над бездной стихий,
Зачем оглянулся назад?!

Ты, словно во мраке кромешном,
Променял весь мир на терпение,
Пустые слова: «я боюсь»,
Уже свершено — в Роковой.

Потеряна наша надежда
На последнее примирение,
И вместо надежды — союз.
Последний союз.
Но не мой.

КТО ЗНАЕТ...

Кто знает, что было б с легендой — каноном легенд,
Не выйди я... знаю, сулить миры.
Наскучит покой, благость валар вам, весь хэппи-энд,
У тех, кто неясен — вкусней дары.
В традиции «Акаллабета» сломаете дверь,
Пытаясь обманывать звон часов,
И снова из окон без света, из ваших потерь
Устало соткётся моё лицо.

ОНИ

И песня допета, и горы застыли под морем,
И смолкло огромное, миром кричавшее горе,
И чаячьи тени на скалах стирает приливом,
Тускнеет рельеф — полусломанно, голо и криво.

Подавленно, молча внимают Они чаек стонам.
Быть может, как Оссэ когда-то, нарушить законы?
Уйти на свободу... нет-нет, просто в Арду спуститься,
Облечь себя в тело и жить, и за жизнь Арды биться...

Как сладко и вольно дышалось бы в травах Эндорэ!..
Забыть про дорогу без края в безликом просторе...
К чему небеса, если путь в них — тропой бережливой?
И так недоступны цветы, шёпот рек, запах нивы?..

Уйти и забыть... но хранимое чинит препоны.
Погибнут и Плод, и Цветок в океане бездонном.
— Ты?! Ты... Уходи с наших троп, ты пришёл поглумиться!..
— Со сдавленным криком к земле мчится серая птица.

ПРОШЕДШИЕ ВОЙНУ

Закрыта книга — нам довольно чести,
Спокойнее всем тем, кто захотят казаться.
Литература — свод закономерности:
Прошедшие войну — заметка под абзацем.

Нам нечего сказать. Мы там. В форпосте.
Романтики, прочтя о войнах и зароках,
Мечтают и вздыхают: где подробности?..
Прошедшие войну молчат: им — слишком много.

Мы доживём отрезок свой, как должно,
Усталые глаза однажды нас погубят.
И каждому своё навек положено:
Прошедшие войну — играть в неё не любят.

* * *

Я б хотел заведовать звёздами,
Чтобы знать — нам любить не поздно ли,
Чтобы видеть, когда мир кончится,
А вопросы об камень сточатся.

И тогда пред утром простимся мы
С этим миром моим единственным,
Между серых полосок бризовых
Мне услышится зов неистовый,

И вселенная станет мантией...
Я так сжился с своим проклятием,
Пусть носить там венец блистательный, —
Эти звёзды, — сердца мечтателей,

Растворяясь, приму всё новое,
Вместо пламени — мгла суровая,
Улыбнусь и скажу: «Ты ждал, и я,
И сияют сердца коронами».

НЕПРАВИЛЬНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Расскажите, спляшите, спойте всех нас — наизнанку,
Наша стая не слышит в искусстве придумок веса.
На земле для красивых легенд и воздушных замков
Я основал своё неправильное королевство.

Что способна вера? Чем больше гипотез — тем дальше.
Где же вы, кто пророчили нас в перепутье терпком?
Вспоминаем. Гляди мне в глаза. Вот старший и младший.
И неужели лгать, о люди, научил вас Мелькор?

Так чего же достойны слова — память, правда, горечь?
По чью же душу все намёки, мольбы и заклятья?
Здесь мои сотоварищи — им только боль их в помощь,
Не читая — знают, не рядились в чужие платья.

Буду проклят чуть больше вернувшей судьбу нам в руки,
Романтизировать быль — не дело для басилевса.
На земле для прекрасных надежд и воспетой муки
Я основал своё неправильное королевство.

АМЕТИСТОВЫЙ НЕПОКОЙ

Словно не о чем больше петь...
Что за радость в себя смотреть
И вылавливать сны и блики?
Кто о том бы мне рассказал...
Не живёт, не идёт назад
Царство призрачного владыки.

А сражаться ведь вместе нам,
Чаши в пыль, да поможет Тьма!
До чего же горды вы, люди.
Ваша гордость — и ваш творец...
Силой правды — и всех завес —
В Дагорат до конца мы будем.

Я не знаю, зачем привет
Вы доносите столько лет;
Через годы — волну я вижу,
Кровь на золоте алтаря...
Ничего мне не говоря,
Вы глядите — а я вас слышу.

Остров скроется под волной,
Звук прощается с вышиной,
Не продолжится эта сказка.
Но остался, увы, со мной
Аметистовый непокой,
На руках — золотая краска.

* * *

Сколько лет до звезды,
До неё, до одной, пророченной,
Сколько дней до звезды,
По прицелу стрелы заточенной,

Сколько гор до небес,
Снежно-строгих, ночных, пугающих,
Но фонарный всем блеск
Будет истиной уверяющей.

Но земных звёзд альбом,
Карандашных, немного с блёстками,
Обогнав Орион,
Будет всеми небес запросами.

НЕ СХОДИ С КОЛЕСНИЦЫ

Кто сулил Арте мир?
Поседели ресницы.
Я ведь не Курунир,
И пришлось петь зарницы.

Воплощал сладкий миф,
Сторожил все границы,
Даже если обрыв,
Не сходил с колесницы.

Разве кто обещал
Триумфальные марши?
Только мир потерял
Всё, что созданных старше.

Горы плачут навзрыд
Сталью белых наверший.
Разве кто заглушит
Этот крик сумасшедший?

В море канула твердь...
Что творишь ты, Сулимо?!
Лучше смерть, чем смотреть...
Мстить — и неотвратимо.

Не в пример, что скрывать,
Мы, — всей светлой артели, —
На победы плевать,
Если честно, хотели.

Друг мой, если ты друг,
(Ох, наплачешься с дружбой!),
Слушай слово, не звук,
Подпевал нам не нужно.

Бездна — там, впереди.
Кровью — музыки спицы:
Всё равно, не сходи
Со своей колесницы.

ОДИНОКИЙ ПОЛЁТ

Нарекли, обрекли быть от всех высоко,
Сколько прозвищ примерил небрежно-легко...
Имена, что обрывки пергамента, в грязь,
Но попытка ни разу уйти не далась.

Таи-эрн — разворот, тихий шелест страниц,
Пыли след, корешок прячет тысячи лиц.
Таи-эрн — птицы всплеск над суровой зарёй,
Птица рвётся наверх, в запах предгрозовой.

Таи-эрн, Таи-эрн — я один полечу.
Я был должен, и зная, что не захочу.
Для чего называли так душу огня?
Я — не он, силы неба не влито в меня.

Ну какой я Крылатый? Это, право, смешно.
Таи-эрн — мотыльком имя бьётся в окно.
Крыльев нрав не поймёте, да угрюмый порог...
Много лун я в полёте, много лун одинок.

* * *

— Что впереди? — Мили.
— Сколько идти? — Долго.
После давней заветной были
Здесь только одна дорога.

— В карте туда — болота,
Вдруг не дойдём? Страшно...
— Что ж, пожалуй, смутит кого-то...
Всё это, мой друг, неважно.

Кто нам помог — знает,
Кто сам прошёл — помнит.
Так пристало ли чёрной стае
Бояться, коль нет погони?

Карта зачем? Выбрось.
— Кинул давно в пашне!
— Вижу, ты, пострелёнок, вырос...
Так в путь же. Нам к древней Башне.

КРАЙ, ЧТО НЕ ВОСПЕТ

Край, что не воспет, ты веришь в сказки, —
Мол, однажды возвращаются с чужбины.
Гондор смотрит вдаль не без опаски
Под забытым взглядом исполина.

Ночь, мой край обходишь ли дозором?
Горы мрака, что не вспомнит бард в таверне,
На крови воздвигнутые горы,
Вы укутались ли дымом предвечерним?

Сколько раз уснуло наше солнце?
Сколько раз коснулось чёрных пиков?
Ирисами, верно, тень крадётся,
Так же Андуин в осоке — пряной, дикой...

Ты не слушай, наше солнце, тягот песню.
Тяжело признать, но слышать — это просто:
Я иду к тебе запретным перекрестьем,
Я ищу несуществующие звёзды.

ДВЕ ИЗУМРУДНЫХ СТРУНЫ

Тебе обещало знак утро — созвучием лета,
И тридцать и три золотом видящих арф,
Но горьким дождём шелестело затишье рассвета,
Бесцельно ты шёл в полдень в слепящих снегах.
Не видел ты доли своей и в прибрежье, в шуме рек,
И все песни дня — тени, что в розах видны.
Закат. Затерявшись в конце васильковых сумерек,
Ты путь разглядишь — две изумрудных струны.

ПРОКЛЯТЬЕ

Кто помнит, как было, до книг и стихов,
Кто сам сновидений писал часослов,
Тот знает, глазам — без улыбки гореть.
Проклятье моё — об увиденном петь.
Нельзя замолчать, если пламя — язык.
Один против всех. Да, — я с Арты привык.
Зачем, если любишь, любви возражать?
Проклятье моё — невозможность солгать.
Мечтай отдохнуть от трудов и забот,
Одним лишь рождённым с подарком везёт.
Его им любить — проще дёгтя испить...
Проклятье моё — невозможность не быть.

МОРДОР

Красота и свобода. Мордор.
Холодные вихри поющих забвенье камней.
Ты пришедших послушай: гордо
Они отказались склониться, и стали сильней.
Духи камней здесь, всегда. Зрячи. Незримы.
Кряжи воздвигнуты неодолимой стеной.
Слово границы моё неодолимо.
Пепел и пламя, буря над нашей страной.

БАШНЯ

Есть башня в угрюмом
краю за горами,
не славит валар и
не платит им дани,
а, чёрной свечою
взмыв выше их власти,
привычно расчертит
восход на две части.
И ветер, срываясь
с вершины к бойницам,
пугается сам же
зловещего свиста;
лишь звёзды на грани,
острее, чем крики,
с опаской роняют
неясные блики.
Симметрии древней
безмолвные тени
негромко звучат на
зеркальных ступенях,
полночные арки
не видели света,
а солнце и месяц —
точней силуэта, —
во всём Средиземье
нет контуров строже.
Но в небе, над шпилем —
крылатая лошадь.

диаГностика

Есть на Изнанке Мира кабинет.
В том кабинете сидит доктор-мозго(в)ед.
А на двери табличка: «Диагностика».
Пройдя её, агностик станет гностиком.

АРКАШЕНЬКА

Ехал я недавно в маршрутке, на заднем сиденье. Был полдень, маршрутка вся нагрелась, и я то ли задремал, то ли провалился в делирий. И, в общем, снится мне, что я в той же самой маршрутке, только держу в руках ворох пожелтевших исписанных тетрадных листов.

От нечего делать я начал их листать. Почерк оказался ровный, писали как по прописям, аккуратно, тем не менее, было видно, что писал не ребёнок. Страницы аккуратно пронумерованы. Это было что-то вроде дневника. Я начал читать. Записи действительно велись ежедневно, вела их некая бабушка, в форме монолога, обращённого к её внуку-младенцу. В виде такого монолога она описывала весь их нехитрый день.

Каждую запись она начинала со слов: «Доброе утро, Аркаша!» — так звали младенца, — а дальше следовало описание их распорядка дня, перемежающееся с некоторыми лирическими отступлениями. В общем-то, ничего особенного: она рассказывала Аркаше в этом монологе о том, как она греет для него детское питание в баночке и кормит с ложечки, про то, как меняет ему подгузник, и про то, что на улице весна, и прилетели перелётные птицы, дальше следовало лирическое отступление о птицах, где они сравниваются с человеческими душами, которые приходят в мир и уходят, а человек создан, как птица, для полёта, так же, как искры от костра созданы подниматься вверх, — всё это она излагала своим ровным, аккуратным почерком и завершала каждую запись словами: «Храни тебя Господь, Аркаша!».

Записи были монотонны и однотипны, никаких следов развития и роста Аркаши не наблюдалось: это был такой младенец — молчаливый слушатель, который не растёт, ничего не говорит, у него не режутся зубы, он не пытается ходить — на протяжении пары десятков страниц он только жрёт детское питание и срёт. Но от него и не требуется ничего иного — видимо, он хорошо это уяснил и не выпендривается.

Однако в какой-то момент сам характер записей начинает меняться. В них появляется больше умильного сюсюканья, бабушка обращается к младенцу с кучей уменьшительных суффиксов, иногда совершенно нелепо коверкая слова. «Аркашенька-огуречичек» и тому подобное, но мало ли, что там заклинило в мозгу у бабки, читаю дальше. Вместе с этим тревожным признаком появляется и другой. Аркаша начинает терять человеческие черты. Происходит это постепенно.

Вначале бабушка утверждает, что с утра Аркаша окатил её прямо в лицо струёй чернил, и ей пришлось оттирать очки. Дальше — больше. Сначала у Арка-

ши появляется привычка оплетать себя по ночам коконом из паутины. Затем на концах аркашиных щупалец открываются рты, и он переходит на внешнее пищеварение — выбрасывает 8 желудков и всасывает ими полупереваренный гамаррус, который бабушка жуёт для лучшей ферментации. Описания становятся маленько тошнотворными. Вместо подгузника бабушка начинает менять фильтр на системе аэрации, и мы узнаём, что дыхание Аркаша производит через разветвлённую систему жабр, которая находится в кожаном мешке и омывается водичкой с пузырьками, но сам он при этом вроде как существо сухопутное.

Всё это время бабушка продолжает монологи, обращённые к мутировавшему внуку, и в её монологах появляется некто Сан Саныч. Он имеет черты нечеловеческие — она молится Сан Санычу перед сном, сравнивая его глаза с рубинами кремлёвских звёзд, а ноздри — с алмазными якутскими недрами. Огнедышащий Сан Саныч грозно возвышается в её мыслях. Она каким-то образом увязывает с ним Аркашу, уверяя того, что растит его и готовит его ко встрече с Сан Санычем.

Сначала она говорит, что растит Аркашу для встречи с Сан Санычем, а потом и вовсе пробалтывается и говорит, что выращивает его для Сан Саныча. Оказывается также, что электросеть в доме — часть Сан Саныча, канализация, трубопровод — всё это разветвлённые части его организма. Из вентиляционного отверстия на кухне выдвигается причудливый механизм с лопастями ножей и жерновами.

Аркашенька набух, стал багровым и выпустил спорангий. Пора. Бабуся аккуратно разделяет его на слои, как чайный гриб. Аркаша при этом плюмкает и пускает желчную пену. Эти слои она наматывает на веретёна Сан Саныча, который начинает наматывать Аркашеньку на бобины, как магнитофонную плёнку. В процессе остаётся некий остов Аркаши, жёсткий скелет, связанный тонкими белковыми жгутами со всей этой конструкцией. Из вентиляции выдвигаются суставчатые металлические руки Сан Саныча, капают на экзоскелет дымящейся жидкостью и принимаются разминать хрящевую ткань, она приобретает пластичность, бобины крутятся и растягивают её во все стороны, а потом начинают быстро вращаться и скручивать её в узлы. Получившийся сложный узел утягивают в вентиляционное отверстие и протягивают через длинный цех, где роботы производят роботов, и эта белковая структура становится частью некоей машины, соединяющей биологические и механические части.

Ворох тетрадных листов в руках превращается в пепел. Во рту тоже оказывается горстка пепла. Я чувствую на себе невидимый взгляд и просыпаюсь. Тает улыбка, похожая на улыбку чеширского кота, только более дьявольская. Мир слизи. Я просыпаюсь. В той же маршрутке. Понимаю, что всё выглядит ужасно странно. Люди забираются в гробы на колёсиках, чтоб те привезли их куда-то, огромный монстр метрополитена, наматывающий время на бобины, как магнитофонные ленты. Выйдя из автобуса, я прислушиваюсь к крикам ворон и понимаю, что это ускоренная и пущенная задом наперёд человеческая речь.

МЯСНАЯ ИЗБУШКА

Вспомнил одно очень шизовое место. Называется оно «Мясная избушка». Это бревенчатый двухэтажный домик, покосившийся, внутри домика — мутные банки с древними соленьями, иконы, почерневшие от сырости, деревянная посуда и множество предметов быта зажиточной деревенской семьи, но всё тронутое гнилью и плесенью. Стоит эта избушка где-то в лесу, в болотистой местности, там часто ещё блуждающие огни, языческие капища, говорят, рядом были, — и там на камнях плесень светящаяся растёт. Дом выглядит заброшенным, но там то и дело бегут странные фрактальные складки по шторам, слышатся вздохи, смех, плач, непонятно откуда играет психоделическая музыка, по стенам ползают калейдоскопические разноцветные пятна, появляется запах фиалок и сандаловых палочек. В заброшенную избушку однажды залезли кислотники, чтобы там потриповать, но оказалось, что место непростое, и болотные огни начали свою работу — а от китайской синтетики эти существа мутировали во что-то совсем уж странное. Жители домика уверяли меня, что это случилось потому, что кто-то поставил на плеере какую-то песню, которую не следовало ставить, а кто-то другой при этом смотрел в старинное зеркало и увидел в нём колыхание шторы, в котором была какая-то ошибка... Также один из них говорил, что это всё случилось в качестве воображаемой надстройки к ненаписанному комментарию на книгу, прочитанную им когда-то во сне. А кто-то и вовсе называл это «желудочно-кишечным аттрактором Дьявола». Версии разнятся...

В общем, в какой-то момент один кислотник обнаружил, что волокна древесины этого домика — это вовсе не древесина, а живое, пульсирующее МЯСО. А когда он попытался выйти из избушки, он не смог этого сделать. Коридор замыкался в петлю. А его друзья то и дело распадались на куски поролона или на сухих бабочек. Он оставил попытки выбраться — это не удавалось очень долго. Несколько раз он встречал альтернативные версии своих друзей и даже себя. Происходило много всякого, и живой дом давно начал с ними общаться. А потом он обнаружил, что в доме никого нет. В том числе и его самого. Когда-то давно в нём действительно кто-то трипанул, но эти люди уже давно уехали, многие из них уже мертвы (да и жили ли они когда-то, или были миражом, наведённым линзами подземных пустот? никто не знает), а вот их отголоски, сохранённые разумным домом, — до сих пор живут и жрут бесконечную кислоту в мясной избушке, из которой невозможно выбраться. Иногда им кажется, что они идут по лесу. «Неужели получилось?!» — спрашивают они друг друга и оказываются в вышитом гобелене с лесом на стене. Мясная избушка довольно постукивает деревянными ложечками и усмехается.

ВАСИЛИСА В ЦАРСТВЕ ГИБКОГО ЗЕРКАЛА

Люди, годы и народы
Убегают навсегда
Как текучая вода
В гибком зеркале природы
Звёзды невод,
Рыбы мы
Боги — призраки у тьмы.
Велимир Хлебников

Волхв Нейрослав сидел в подвале, кутаясь в чёрную козлиную шкуру, накинутую поверх майки Слипкнот и узких чёрных брюк, он что-то паял, я пил из пиалы бурый и пахнущий сырой могилой калмыцкий чай и наблюдал за безупречным движением времени. Моё чувство реальности происходящего давно отвалилось, как отсохшая пуповина. Вкус древней космической пыли других галактик медленно гас на потрескавшихся губах. Бледный цвет лица и чёрные круги под глазами делали его похожим на какого-то праиндоевропейского лича, предтечу Кощея Бессмертного. Землистый вкус чая вязал язык, заплетал ажурные конструкции из слов, чёрными шероховатыми мембранами шелестящих в завитках горького дыма, зеленеющего от призрачного света утренних звёзд. Добро пожаловать в театр абсурда!

Чуть позже Нейрослав расскажет мне о жизни и обычаях гоблинов, живших на берегах Балтийского моря более восьми тысяч лет назад. В местном фольклоре до сих пор сохранились легенды о странном народе, но мы с ним говорили вовсе не о преданиях глубокой старины — сегодня Нейрослав получил допуск к более глубоким слоям Акаши и нырнул в собственные прошлые жизни, чтобы лучше разобраться в лабиринтах жизни нынешней. Сканируя Акашу, он лежал, завернувшись в шкуры, и его ноги иногда конвульсивно вздрагивали, как у лягушки, препарируемой французским учёным-натуралистом Гальвани, в честь которого, кстати, названы гальванические элементы, — что создавало у меня впечатление, будто бы Нейрослав гигернулся на отличненько и переживает сейчас слияние со своей любимой формой жизни — а именно, с радиоэлектроникой. И правда, первое, к чему он потянулся, когда воскрес из Акаши, была паяльная лампа и печатные платы устройства, которое он конструировал — вроде бы, это был шлем, демонстрирующий настроение человека с помощью светодиодных индикаторов, — поскорее прильнуть к плоти техногенных богов!

Его радужки из пепельно-серых стали малахитовыми, маслянистый взгляд кота в сапогах, блуждающий где-то в карманах и складках реальности и периодически соскальзывающий в бездну. Руки Нейрослава дрожали, и я не торопился расспрашивать его, что он видел, ожидая, пока он соберёт голограммы своих тонких тел из размётанных по одиннадцати мирам оболочек. Но чай и никотин сделали своё дело, Нейрослав допаял очередной контроллер телепатического шлема и отложил инструменты, озирая пространство в поисках лютни, на которой он обычно упражнял-

ся в искусстве депрессивного пост-панка. Он принадлежал к сословию печальных сибирских менестрелей.

Взяв в руки лютню, он извлёк непривычные звуки — в его импровизацию впервые просочились заунывные мотивы народных песен, холодных, как болотный туман в свете гниющих пеньков. Его голос вибрировал, как крылья стрекозы, что стряхивает блестящие шарики конденсата туманным утром, укрывшись серым саваном тумана. Нейрослав пел на древнем языке гоблинов, немного похожем на эльфийский язык Лаорис, но с большим количеством согласных и особенно шипящих звуков. Хотя я не понимал языка, я чувствовал настроение песни — невероятная смесь переплетённых в единую ткань горькой тоски и беспощадного, насмешливого сарказма, по непонятной причине вместе порождающих чистую и искреннюю надежду. Надежду на что? Вот он заговорил:

— Я тут видел такое... В общем, я был царём этих гоблинов, и типа местным Кощеем. Но Кощей всё-таки может умереть. Иногда даже Кощею всё на свете может настолько настоебать, что он ложится и достигает абсолютной стабильности. И вот я сдох, и собралась вся моя дружина — гоблинские воеводы-некромаги — служить тризну. Вот только их похоронная песня вся состоит из лютейшего стёба, потому что они поют её в надежде так затроллить мертвеца, что он воскреснет. И то, что я сыграл, и было этой песней.

— Ну ты и соня. Тебя даже вчерашний шторм не разбудил!

— АХАХАХА, ПРNПЛЫЛN! — Нейрослав захохотал над шуткой, которую поймут те, кто плавал на той лодке, так, как обычно хохочут над шутками имеющие приколы, непонятные остальным. — Слушай, а... сколько сейчас времени, ты не знаешь? Так, примерно, можешь почувствовать?

Времени до рассвета оказалось ещё часа четыре — на удивление много, учитывая, что ночи ещё были короткие. Нам казалось, что мы провели в своих мирах целую вечность: волхв Нейрослав — в лабиринтах своей трансперсональной памяти, а я — за Великим Мятным Пределом. Мятным я называл его потому, что при пересечении этой пелены, вообще-то скорее мутной, чем мятной, всё тело пробирал холодок — как от ментола, — только это была мятная жвачка для всего тела и даже для мозга, а не для рта. Сначала начинается подъём ледяной волны по позвоночнику, а потом ты сидишь с замороженной выпрямленной спиной, и падают то ли звёзды, то ли снежинки мыслей, а потом в этой вьюге открывается окно...

— Три часа. Я думал, больше будет — дохуя времени по ощущениям там пробыл.

— И чё видел?

— Ну, знаешь, как обычно. Кавайные осьминожки. Эти морепродукты столь няшные, что их милоту невозможно не только описать, но и даже представить, не рискуя при этом лишиться рассудка от пароксизма умиления, а в водовороте из радужных тентаклей бесконечно фыркает Кавайная Няка, увидев которую лицом к

лицу, все твои энергетические тела превратятся в радужные мармеладки, а сам ты будешь някать и каваиться до конца своих дней!

Я уже год или полтора контактировал с осьминожками, видел их радужные тентакли во снах, и это не могло не отразиться на моём облике: на моём балахоне был изображён знак звёздного ключа и фрактальный смайлик со смайликами в глазах, в волосы были вплетены пучки разноцветных нитей, в области аджны была нарисована маленькая спираль, — я стремился придать себе сходство с пёстрым разноцветьем осьминожек, для того чтоб поскорее пройти самоинициацию и раствориться в лучах добра, исходящих от Кавайной Няки. Это духовное достижение примерно тождественно тому, что воины называют «Ебануться на отличненько». И сегодня я приблизился к этому вплотную — я чувствовал, что моя человеческая часть стала прозрачной и истончилась, пронизанная радиоактивностью кавая. Я сделал обеими руками знак, означающий дверь.

Я подумал, что раз уж осталось достаточно времени до рассвета, то почему бы нам с волхвом Нейрославом не посетить какой-нибудь мир совместно, пока наши шаманские пропуска ещё действительны. Этот уровень допуска обычно не выдаётся надолго гуманоидным формам жизни, не более чем на 6-12 часов, потому что гуманоиды имеют особенность портиться от слишком длительного пребывания на этих уровнях. Впрочем, для меня эти пропуска стали уже почти формальностью, потому что моя энергетика была перестроена лучами добра, и сочетание стихий во мне было уже нетипичным для гуманоида — я готовился к процессу трансмутации в кавайного элементаля, в ходе которой я окончательно утрачу человеческую форму, — и поэтому, я мог задерживаться там на несколько суток и возвращался всегда в здравом уме и трезвой памяти... Почти.

— Слушай, а у тебя же есть адаптер мозг-мозг? Чё мы по отдельности уходим, если можно вместе уходить?

Адаптер быстро нашёлся, штекеры с сухим хрустом вошли в разъёмы на наших затылках, и мы понеслись по воронковидной сетке, которая вращалась всё быстрее и быстрее — нас должно было выкинуть в общий трип, но тут мой мозг выдал всплывающее окно: «Ментальный коннект невозможен, ошибка 333, срочно обновите ваш драйвер!». Я тихо, но многоэтажно проматерился. Надо же, в такой момент драйвера устарели! Сейчас искать диск в этом бардаке... До утра так протусуемся...

Впрочем, какой-то диск, под названием «Мозговой Софт 2018, Надмозгный Подмозг — Всякие Штуки + бонус набор демо-версий Демона Максвелла 2.0», — на таком диске могли быть драйвера для моего типа сознаний, и я вставил его в надежде, что они подойдут.

Нейрослав не помнил, как эта болванка к нему попала. Сначала он сказал, что записал её сам, и это скачано с какого-то пиратского сервера, потом — что её принёс кто-то из клиентов его мастерской, но было видно, что он не знает. Обновив мне драйвера, мы из любопытства решили полазить по папкам, посмотреть, какие

есть приложения для мозгов. В папке «Ментальное порно» нас привлёк файл «Гибкое Зеркало». Мы переглянулись, Нейрослав сказал «поехали!», и я запустил файл, мельком подумав, что не бывает порно-роликов с таким расширением, и это, наверное, какая-то игра.

Загрузка дошла до 99%, а потом окно загрузки исчезло. Я подумал сначала, что загрузка прервалась: ничего не происходило, ну, то есть вообще. Пока я не заметил длинную полосу зеркала, примерно 4×1, висящую на стене, с мутными цветами побежалости и волнами искажений. Это было гибкое зеркало — приложение, спроецировавшее себя в виде предмета повседневной реальности, который типа всегда тут был с самого начала в этом подвале. Ага, конечно, и даже воспоминание появилось о том, зачем оно тут висело, и что его использовали для зеркального шоу...

Мы встали, не обратив внимания на то, что устройства нейроинтерфейсов превращаются в веточки и кусочки коры. Не вернёмся, пока не досмотрим то, что нам показывают, — впрочем, мы уже и не помнили о том, что у нас были нейроинтерфейсы, просто к зеркалу подошли и уверенно его сняли.

Длинная пластина из полимерного материала гнулась и пульсировала в руках — зеркало было действительно очень гибким: его можно было даже свернуть в ленту Мёбиуса, — но Нейрослав не дал мне её замкнуть, сказав: «Обожди, давай сначала попробуем просто цилиндром скатать». Мы сунули головы с разных сторон в получившийся цилиндр, растягивающий лица в полосы, в неясный смазанный фленжер. Мы повалялись немного в цилиндре, потом попробовали свернуть зеркало спиралькой и, наконец, решили всё же попробовать ленту Мёбиуса.

Первым в перекрученную ленту сунул голову Нейрослав. Он осмотрелся и начал вещать.

— Так... Меня никто не видит, а я всех вижу! Офигеть! Я смотрю в каждую книгу, но всегда вижу лишь фигу. Фигу, чей лист прикрывает познание, — я эта фига, и дерево, на котором выросла фига, и фиговые листья. Меня схомячили мной же собственноручно слепленные големы, они съели мою плоть, чтобы обрести душу. Ну, ты лучше сам посмотри...

С этими словами он надел ленту Мёбиуса из гибкого зеркала мне на голову. Я оказался в лесу. В очень странном лесу...

Деревья росли ровными квадратами, на одинаковом расстоянии друг от друга, мох образовывал на коре квадратные пятна, похожие на QR-коды. Однако всё это было настоящим, это не был майнкрафт. Я была девушкой в русском национальном наряде, орнаменты, вышитые золотом на красном сарафане, указывали на то, что я как-то связана с метеоритами, из которых выплавляют железо, и нахожусь в дупле прямо на самой середине ствола Мирового Древа, я была изображена в виде стилизованной пиксельной фигуры в рогатом шлеме и с дротиками в руках. На голове у меня был кокошник, украшенный крупными опалами и небольшими обсидиановыми зубьями. Под такой кокошник, наверное, неплохо бы было иметь длинную и густую

косу, но на моей голове росли только пластинчатые гребни, потому что я была рептилией. Я — Василиса Премудрая, причём «Василиса» происходит от имени «Василиск», собственно, поэтому меня так и называют. Да, я обращаю взглядом в камень. Но не насовсем. Это называется кататонический ступор.

Пластинчатыми гребнями я услышала голос Нейрослава, доносившийся как бы изнутри каких-то пещеристых тел:

— Вот как гоблины хоронили своего бессмертного царя? Они пытались его затроллить, чтобы он воскрес. А теперь подумай, что делают постмодернисты на поминках Бога, которого похоронил модерн? Демонстрируют умопомрачительные непристойности и блевоту, в надежде, что Бог воскреснет, чтобы сказать им, что они долбоёбы. Иначе я современные тренды объяснить не могу... И ведь уже всё пропитано этой метаиронией — мне приходится продираться через её слои, чтобы формировать чёткий сигнал, и всё равно я вижу, что ты рептилоид в платье русской девицы из народных сказок, — вот и думай теперь, реальны мы, или мы персонажи чьей-то нелепой шутки?

В этот момент всплыло окно: «Ваш пропуск в иные миры и подпространство продлён на более 9000 мигов», — и пространство вспенилось, как лягушачья икра. В каждой икринке находились альтернативные версии меня и волхва Нейрослава, нити лягушачьей икры опутывали всё пространство — и тут мы увидели Её. Лягушка Бытия висела в вакууме и пульсировала пурпурно-фиолетовым светом.

— ПРNПЛЫЛN! — сказали мы с Нейрославом одновременно.

Над поверхностью планеты занимался рассвет, но это нам было уже не важно. У нас было много времени впереди — у нас было всё оно.

СЧИТАЛКА

всё сгорает в один миг
вот мой круг замкнулся в крик
раз — и миг становится кольцом
два — а бог хрустящим огурцом
три — и мы сливаемся в одно
четыре — кто скребётся мне в окно? o.0

МИССИС РЕЗИНОВАЯ ПРОБКА

Ватные шарики.
Звяканье инструментов.
Аромат гардений, полая игла.
Голова Миссис Резиновая Пробка.
Шипение газа.
Инъекция морфия, лекарственный запах.
Уйти под кожу вонью палёной пластмассы!
Керосиновый обогреватель, зловоние смерти...

[текст создан с применением словаря синонимов]

ЛАКРИМОЗНО-УРОБОРИЧЕСКОЕ САМОСОСАНИЕ ПОД СВИСТ ТУБЕРОЗ

сосут свои хвосты уроборосы.
а их сосут уроборосососы...
на волосы сопливо сели росы
из ануса свистали туберозы —
сосульками замкнулись самососы
замёрзшие под звуки лакримозы...

ПОЛНОЧНОЕ ВОСКУРЕНИЕ К ДЕМОНУ СМОЛ

Пыщь! — Закружились кольцом сколопендры по замкнутым циклам.
К тусклому свету строфарии-лампы слетаются моли.
Падают с крыльев чешуйки, на белую ткань оседая,
Падает пепел священный с конца смоляной самокрутки.
Шишки трескучей искрою во мгле полыхнули зловеще.
К Демону Смол в час полночный свой зов обращаю!
Змеями вьются потоки тяжёлого дыма —
Глубже вдохну, и пускай в альвеолах смола оседает,
Пусть альвеолами лёгкие учатся слушать!
Слушать, как шепчут цикады и вторит им Ветер Пустыни,
Слушать, как тени умерших в Аиде стенают —
Синим холодным огнём пусть окутает кокон забвенья
Вихрь пустоты, что когда-то носил моё имя.
Злая трава. Демон Смол, отвори же скорее ворота!
Лунной дорожкой пройду я, как чёрная вьюга,
Крыльями моли взрезая изогнутый ветер.
Буквами станут опавшие с крыльев чешуйки.
Буквы срастутся в слова, на словах этих вырастет плесень.
Тонкой мохнатой ризомой по тексту она разрастётся,
Чёрным пушистым ковром выстилая сюжетные дыры.
К Демону Смол совершаю ночное своё воскуренье!
Люк заскрипел, и разверзлись тоннели подземного мира...
Я устремляюсь туда, вниз, до Солнца Неспящих,
Свой хоботок погрузив в гул подземных аэродромов,
Чтобы тентакли грибов бахромой оплели мои нервы,
Чтобы рассеялись споры невидимой пылью над міром,
Чтобы распутать узлы тонких чёрных разломанных нитей...

μετεμψύχωσισ

Я был звуком лопнувшей струны однострунного баяна,
на котором играет летающий крокодил в тюбетейке
Снежинкой, которая приземляется прямо на зрачок моего трупа и не тает
Был я огромным прыщом,
что перед первым волнительным свиданием выскочил на лике Божьем
Был файлом, чудом спасшимся из Корзины в момент её очистки —
И прыгал я, как ногохвостка, в разных торчков в каждом мире вселяясь.
Был ароматом скатола, был мутной коричневой каплей.
Прыгал я с ветки на ветку, как резвый ку(д)зяблик.
Видел — лежит наркоман, явью своей истекая —
Мигом в него я входил, оплетал его нервы
Вёл через влажный туннель где кружатся медузы и жопы
Вниз, через норы кротов, через влажное пол()ое тело
Вплавь через Ρечку-Смердючку, вёл торчка я до Солнца Над Бездной...
После же — хуем на лбу прорастал я, светясь чрезвычайно...
Мигом слетались тогда шестикрылые птицы
Есть мою влажную плоть, причащаться грибницей.
Белый, божественный мозг клювы их растерзали,
Белый, божественный кал этих птиц упадает на землю
Белый — как кокаин, как твой белый божественный фаллос...

ВАЛЬС МИНОГ

В северном сгустке закружимся вальсе,
Сбросим с себя потускневшую пыль.
Вкрадчиво черви залезут под кожу,
В праздничных кубках затеплится гниль.

Мы процветаем на кольцах Сатурна,
Я невзначай ваши лица серпом
Срежу, и их искромсаю ажурно,
Чтобы позавтракать с Белым Котом.

Ρадуйся, радуйся, божий обмазанник,
Ρадуйся, радуйся, крот-звездорыл,
Забальзамирован ты, словно пасечник,
Сладостным ужасом северных рыл!

В северном сгустке звеня альвеолами,
Я посылаю вас на хуй, смеясь!
Вы рождены надувными гондонами,
Будут в аду вас миноги ебать!

ДЕФЛОРАЦИЯ ПАФОСОМ

Мой дефлорированный рассвет — я твой извлечённый спазм. Без смысла и связи — я просто Мысль. Нелегальная проповедь. Спектакль самолюбования, доведённый до абсурда.

Загляни в мой холодный, потрёпанный будуар из засахаренных фантазий, эротических сказок, оргазмических спазм. В изнанку ковровой комнаты, в которой больше невозможно жить, в пыльный, заброшенный бункер, пропахший нафталином и старыми затхлыми запахами закрытых шкафов, неношеной годами одежды, протёртых до дыр стен в отпечатках застеночных мыслемасс. Клиторно-кружевная пресность, ветхость и дряхлость, выцветшая застиранность. Мы такие, как есть, олицетворяющие дух поколения, вынутого из шкафа, залежавшихся на полке фриков, пироманов-мессий, цветущих больным цветом, изгоев, дошедших до абсурда, продавшихся ужасно и эстетично, как дорогая элитная шлюха, твоя личная куртизанка по вызову, убоговаримая нимфоманка, изучающая себя до переизбыточных доз, создавшая в качестве эксперимента цифровую иконную лавку.

Моя повесть слишком приторно-пафосная. Мой хаос расструктуризирован, разгерметизирован, он словно дёготь — затекает во все щели и грузно там оседает, не вымываясь до новых, скользких времён.

Моя харизматическая, стылая проповедь — как холодный расчёт, держи меня спелым, держи меня кислым, лакомым, размеренным куском, вырванным скриншотом из настоящего. Я продаю тебе свою жизнь, если что, обращайся, дам чёрную ссылку, разрешу посмотреть небольшое арт-промо, а затем заставлю ваши рыхлые конструкции распахнуться в оскале недоумения, ведь от арт-промо до арт-порно всего один шаг. Наш сеанс не увидят плебеи, он только для избранных, смысл действительно есть — их сразу множество, и ни одного, ничего конкретного, всё разорванное, пустое, как паруса, продырявленные закатом, насквозь, до самого блеска переплетённых волокон, выцветшие репродукции, фотополотна, пропущенные через молд-каналы, через ускоренный вхс-шум, создавая эффект живого натяжения, протёртого розгами слепка, вырезанного из какого-то неизвестного, изначального изваяния восприятия или мысли, осколка сна, случайной зарисовки, будто слабое, лёгкое предчувствие, сладостный отголосок, ностальгические ноты или пронизывающие крики, всё искажено, доведено до абсурда, загоревшееся яркой вспышкой сетевого оргазма, сетевой плесени, ретропраха. Ты смотришь в мои иконы, целишься дулом нового дня во вчерашний, прокисший салют, вчерашнюю чушь, содранную с Сестёр Новой Зари, как кожу, как школьную форму.

Они смотрят, но не могут ничего сделать, разве что оценить своим лживым likes. Ход моих мыслей строго контролируется, равно как и их оборот, они слишком нелегальны, чтобы отдать их задаром.

А сейчас каждый твердит, что он бренд. Он бренд, а я — элитный ночной продукт, я — скисшее молоко на завтрак, манная каша перед сном, горькие пилюльки Доктора Клоуна.

Такую простую идею я вылизала до оправдательного совершенства, эксклюзива, довела суть до абсурда, доведённого до маразма — дикий сарказм, который просит за себя заплатить.

Эксклюзивные проповеди, массовые оргии, томные тени сношений, откровения из новой интерпретации библии, книги пророка, холодная артхаус-история с выцветшим хронометражем, мертвенные фигуры, шумовые полосы энергии, ледяные, винные, мраморные фактуры, морские блики, городские храмы, вечные кутежи — вечеринка столетия, пламенная оргия гниющего декаданса на обломках дошедшей до абсурда переработки в век контентного потребления.

Ты либо зритель, либо творец, либо потребитель, либо всем хлеб дающий, не загораживай мне данные, сейчас я рискну разразиться, воды во мне много, лучше не пей, а то станешь, как в сказке — козлёночком. Не из того места попил, дорогой, теперь миазмы тебе обеспечены, ещё не поздно приглушить звук эфира, да вот незадача — Я Доктор Клоун, я больше, чем волны, я голос, засевший у тебя в голове рваным пунктиром, то вваливаясь, то вываливаясь, как обрезанный семитский фаллос.

Это моя тёмная некробиблия на кастанедовский лад.

Мы слагаем сказание ветра, перетекающего в огонь, в бескрайний отблеск рассветного солнца на терракотовом штиле воды.

На зданиях блевотина солнца тлеет протяжностью, как добившийся всплеска мольберт, это моя разведённая в водке проповедь, но лучше — в мёртвой воде, она откроет тебе изначальное.

Я — творю закат из новых нитей, свитых из старых верёвок, будто бы это часть тела воина, его утёса, на котором он сладко спит, пока его не отправят в мусор, пока не поставят своё клеймо, но сейчас каждый может его купить.

Я сама уже стала нарезкой. Создала личность из новых кусков старого, однажды дефлорировав пафосом пряничные домики.

Сегодня утром я увидела в своих зрачках фиолетово-синий оттенок. Не знала, куда деваться от привкуса серы и прокисшего молока во рту, под химический выхлоп из заводских труб. Целый завод колёс взорвался. Твой запах запутался в моих волосах, будто пепел в корнях деревьев.

Ты целуешь мою слезу, и старый мир осыпается кусками бетона и пыли, твои тёплые руки сжимают мои пальцы со следами засохшей крови.

Каждый жест — как театр. Погружайся в спектакль. На кончиках пальцев — сперма, меж пальцев — святая кровь, огонь топит воск, вынутый из наших ртов рассветным, декадентским всплеском.

Мой пыльный, заброшенный профиль — как заросший терновником сад.

Пока ты пробирался ко мне через углы, иглы и плесень — получил боевое крещение, боевые шрамы, и заодно сам оброс цвелью, чтобы обрести её мощь, так ты ко мне и добрался — скисшим, подцветающим вином из твоего личного виноградника, оплетающего Дом Мёртвых.

Мои райские бутоны в нём — это сопла, я всю жизнь пишу книгу мира, записывая отсканированные детали, что-то не выдержит натиска времени, что-то сгниёт, что-то осыплется пылью, а что-то сгорит, выделив жар для моих ремейков. Подобно богу, я уничтожаю прошлое в шредере, рву электронные файлы на тысячи битов, смешивая эти нарезки друг с другом в рандомных комбинациях, обновляя старое, я научилась обманывать старость, очищая мысли, я создаю ритмичный трейлер, бархатную, заплесневелую плёнку. Да, я просто мошенник века, авантюрист, мерзкий распутник, впадающий в крайности, создающий из своих мыслей причастия с помощью словарной алхимии, перерабатывая в шредере багаж прошлого, доводя его до совершенства абстрактных полотен, чтобы выставить в музее нелегальные мысли самораспада. Я хочу, чтобы кто-то влюбился в мою гадкую пустоту, в плохую репутацию низшего сорта с низким качеством. Я попросту взял зарю и распял её на кресте, просто так, за likes в сети.

Я — как наркотик или бордель — сперва надо заплатить за вход, лишь затем получишь заявленное удовольствие, гарантированный эстетический кайф от внезапного всплеска обычно остающихся неактивными областей мозга. Ты отравился. Поздравляю. Теперь ты официально мой.

В будуар — заходи — поиграй. В сад райских цветов — заходи, потрогай.

Ржавым чахоточным гулом выплёвывай кровь, дависьв слизких проекциях, вероятность ближе к нулю, и она продолжает падать.

Я ввергаюсь, а ты смотри, слушай, облизывай, глотай, терпи, шлюха, вшивый отброс столетия, жалкий, сморщенный, заношенный и немодный, негодный уже как десятки лет, и вдруг, откуда ни возьмись, появляется он, как немая зараза, которой ничего толком не сделаешь, но она есть, и никуда от неё не спрятаться, каждый жаждет себя изолировать, но миазмы сильнее отстранённых опасений, неорганическое чрево Бога теней и его миазматические обломки чёрных каналов, тонких чёрных разломанных нитей, обходные пути, чтобы ото всех скрыться, рискуя при этом быть поглощённым архонтом, хотя, если принять меры предосторожности, сами архонты тебя не заметят, если ты предварительно выведешь из самого себя встроенную теневую программу.

Образы не могут взяться из ниоткуда, мы есть то — что нас окружает, мы сами создаём окружение своего томного распада, сами позволяем себе медленно гнить, разлагаться на фоне чужих высот, консервируя себя на дне, плесневелым, опавшим сортом мёртвой новеллы.

Гордость — не для героя, гордость для их врагов, для тех, кто не имеет особый вес, как на вес золота была раньше такая потрёпанная истина, и их много, как старых добрых, затёртых шагами ковров, преимущественно красных и коричнево-чёрных, яркие, богатые, будь они на полу где-то у падишаха, но выглядели убого, до вульгарности ярко среди книжных шкафов и хрустальных обломков древней, прогнившей роскоши, жалкие ноющие скарбы, собирающие пыль, мещанские оккупанты, сгруженные в мешок, оставить — глупо, но жалко выбросить, так и мечешься, не зная, что предпринять, и в итоге принимаешь решение поставить все вещи в угол, до лучших времён, до надоедливого «почти», но это пустые действия, ведь кина не будет, и ты знаешь это заранее, но всё равно идёшь на сеанс, лелея надежду — а вдруг — вот оно, типичное целлофановое мышление цепной, остаточной молодёжи, переживающей век в бараках — вечные пережитки, типично ментальные представители своего искоренённого.

Горячий пост стынет, сударь, иди, займи своё законное место, пока оно кем-то другим не нагрелось, кем-то другим не досталось в наследство, будто осенние листья в прелую смятку, закатные орбиты подкосившихся сатурновых глаз, ароматы глазного яблока с червивым белком беспощадной истины. Ешь. Это твоя утренняя шелуха праздника, на десерт — немного скисшего вина и подгнивший бархатной чернотой виноград. Раскроем рот творцу и бросим виноградинку в уста, пусть запоют холодным свинцом налитые глаза. Всё то, о чём мечтает этот глупый призрак, давно утративший как честь, так и доспехи, такой себе Онегин, в костюме фрика из конца восьмидесятых, давно истлело, остался только дым от костра, ифритовый пепел, мраморный прах, мещанская готика, терпкая плесень. Поглощай хрупкий мрамор крошащихся изваяний, падающих скульптур, вдыхай гулкий их тлен, до самого искомого дна, по горло, по кровавую матку.

Я ебашу свою широту, пока ты дремлешь. Это только слова, ледяная, скользящая история, оставляющая о себе лишь атмосферу на память совершенно помпезным, приторным послевкусием книг бытия, трактатов, апокрифов, собранных невпопад, как наши вечные кутежи.

Я — прострация — слушай мой мерный беззвучный гул, пришвартуйся в искомое дно нелегальных мыслей, менструально ёмко, максимально метко, втёртым техноргазмом в белую Венеру из света — в хрустальный грааль с дырявым дном, впитывающим ветхий завет.

На советский, оттраханный мной хрусталь наслоился вирус, вобравший кровью зарю и истрёпанное писание, на его прохладной ребристой плоти до сих пор хранятся отпечатки моих ритуальных оргазмов, следы моих окровавленных поцелуев, слепки безликих, святых ликов, застывших в холодной, апокалиптической святости.

Я заряжаю их святым оргазмом, менструальной кровью и болью, некротически-порочная, как радиация, поражая и разрушая всё на своём пути, а ты тот, кто нажал на эту красную кнопку, в лике святого оргазма отражён погибающий мир, протяжный и выцветающий, как плесневелое полотно рассвета с запахом ног Бога. Мы заражены этой синькой, краской обесцвеченных небес, слишком смытые, как холстина под клеймом первородных вибраций, выжженных санскритом под пальцами. Я дефлорирую рассветом эти выцветшие, спящие небеса и соберу у них первую кровь на простыни.

А самая лучшая простынь та — на которой можно бесконечно чертить графику слов. Форматом строгого дозирования, мелкими порциями, концентрированными фракциям, мысль сама приходит, сама складывается, и когда она приходит — держи наготове блокнот, эта мысль тебе пригодится, из неё ты составишь спектакль. На рассвете листы блокнота пахнут самыми бордовыми розами, какие только бывают, их свежей, отдалённой сыростью, провалами в неглубокий апперкот.

Новый формат обеспечен. Ты приглашён на мой личный, искомый спектакль, смотри моё искомое дно, как молд-муви, поглощай мои мысли, как нелегальный наркотик. Я пишу книгу откровений. Это книга пророчеств, книга-загадка, профили-пазлы, терпкая мешанина из ощущений и слов, символизм, стилистическая обёртка, золотое сечение, градации цвета, совершенные линии форм, и когда ты видишь, как всё сложилось, ты трепещешь.

Здесь каждая фраза — как храм. Входи в него и молись. Пришвартуйся на Алтарь неги Моего тела, оставляя всё лишнее на пороге моей Мечети, Мекки Забвения, здесь я — единственная госпожа и куртизанка, единственная богиня.

Это моя виртуальная сказка, новая онлайн-проповедь из нелегальных мыслей, мёртвых новелл, эра Искомого Дна, Декадентская плесень, новый закатный движок, остывающая культура, красочный дисбаланс, яркие блики, пересвеченные абсурдом, пафос, доведённый до выцветшего гниения помехами вхс-частот.

Цельность нарушена. Цветность исчезла. Ищи меня там, где сгорает пурпур. Я — сладкое обещание. Входи в меня, как в храм, и молись. Причащайся безликим пафосом нелегальных мыслей Богини Слова, Сестры Новой Зари.

БАРХАТНАЯ НЕГА В ЛАБИРИНТЕ МЕХА

Болгарская сказка в стиле грайндхаус — моё меховое порождение, почти что предание.

Кто я? Сегодня я не стала отвечать себе на этот вопрос. Голову заморозил кристалл. Кровавая гонка выжала из меня все соки.

Теперь мы нюхаем мех с магических книг.

Пожалуй, нужно закрыть шумерские вкладки и постараться не продублировать в твиттер. Как же будет тупо, когда все суки узнают, что я нюхаю мех, чтобы заняться магией.

Бутылка от егермейстера уже оплавилась. Утро тонет в лава-лампе, рядом — библия и мазки менструальной крови на хрустальных стенках грааля, став для чистки помещён прямо туда, наверное, в междуножие библии, мне всё равно, потому что техника обкладывает меня шумом ваты, тесла-лампа приятно манит розовым, чтобы я щёлкнула камерой. Но у меня везде вата, везде стерильный мех.

Мы возвратились с кладбища, полностью промокшие, я еле нашла могилу матери, свеча не зажигалась, лампадка плавала на мокром граните, а мне даже не было стыдно за то, что мы сделали понюшку прямо перед её могилой, умудрившись ещё немного поссориться, это как перепалка двух собак или котов, такая же глупая и детская.

Свет в моей комнате сводит меня с ума, которого давно уже нет, — я и так напрочь безумна. Где-то в дальнем углу завалялись стыд и мораль, но, кажется, я забыла как ими пользоваться, у меня голова — как кристалл, а губы отдают лидокаином.

В егермейстере догорает свеча. Станислав был бы рад, но рядом — яблоко для МОРЕНЫ, и он бы не понял, потому что ещё куча оплавленных бутылок и болгарский камень.

Так трагично разбивается лава в лампе под тотальную музыку. Сказка наконец-таки ожила, а я приняла собственное безумие. Я нарезала свою жизнь, обработала её и запустила в скрытый эфир. Лично-публичных жизней.

Сперва нюхать мех с магических книг, а утром разглагольствовать об этом под йогурт.

По-декадентски, не так ли?

Нюхать мех с книги о некромантии, чтобы попасть на изнанку, обложившись камнями, безумие всё ещё в ходу, никуда не делось, только стало дозированным.

Мы — как курильщики опиума, только кутаемся в стерильный мех, декаденты новой эпохи — магия, синтетические наркотики, высокие технологии. Берроуз бы точно одобрил.

Сперва себя нужно хорошенько отбичевать, чтобы сладостен был миг заживления, только так можно испытать катарсис. Это наша мистерия, меховой спектакль, бархатная гонка. Бархатная нега в лабиринте меха.

Я допила йогурт и зачем-то написала об этом в твиттер.

СВЯТЫЕ НА УГЛЯХ АДА

Прибой мечом рубит берег. Я плыву через Стикс к свету, вычёркивая всё обречённое, плавно, как рубиновый ангел, проливая слёзы у погребального костра. Ядерный взрыв разрывает мир, превращая его в выжженную, мёртвую землю.

Только на рассвете я осознала, что она действительно умерла, и приняла решение отпустить, оставив мертвецов мертвецам. Мои ногти были выкрашены в цвет траурных лент, но я поменяла их на медный, поменяла скорбь на химический пластик жизни во рту, на вечное солнце пульсирующих пределов. Корабль уплыл в закат, натянув под потоком лёгкого ветра белоснежный парус, просвечивающий розоватый отблеск неба. Распятия его мачт казались мне раскинутыми в стороны, руками каменного изваяния пророка, взирающего с вершины скалы на распростёртый у его ног город. Вибрации тонкие, мёртвые, глухие, будто сквозь бетон, сквозь вату прорываются гулом, оружие разрывает броню, рассекает в щепки деревянную дверь, а внутри всё спокойно. Чайки вымерли. Вельветовое море омывает мыслями. Предела и смысла нет, есть только графика, очертания и движение. Лёгкость заскользила из меня во вне, оставляя меня чистой, всецело ясной, подобной богу. Я не плод любви, но он сказал, что его любви хватит на нас обоих. Всё зависит только от того, сколько ты сможешь позволить себе. Ясность прорывается сквозь расшитые пластиком стены, мелодия звучит торжественно, фатально, вечно. Каждый жест, каждая фраза — всё сейчас значимо, как нечто уникальное и последнее.

— Добро пожаловать в ад, — молвит он, ведь мы не улетели на облаке оранжевого дыма, что валит из глаз, теперь осталась только одна дорога, и мы отправились туда вместе. Я смотрела Иисусу в такие же безумные, ясные, как и мои, глаза, чётко и пристально, ощущая себя самой смертью, которая ебашит, смертью, которая веселиться, катаясь на аттракционе, чтобы ощутить в себе жизнь, и мы с Иисусом, развлекались на этих аттракционах вечно. Эта наша история. Мы — боги. Святые, пустившиеся в пляс на диких углях собственного ада. Мы — две статуи, два живых человека, два бога в одном краю, пока черти танцуют на стенах. Это наши тени создали округлый, воздушный спектакль, сцену моей жизни. Зачем мы вынуждены каждый раз играть даже для себя эту роль? И кто такой актёр, если не безликий? Тот, кто может сыграть кого угодно, но полностью потерял себя, стёр все свои лица, оставив только маски, натянутые на лик всецелой опустошённости. И покуда я стояла, прижимаясь к нему, величие проросло во мне и вырвалось, словно я — бог, единый, внутренний бог, который выскользнул на поверхность, занимая собой обзор. Я поняла, как этот мир создан — объёмными контурами, игрой восприятия, а внутри ничего нет, так же, как и снаружи, а то, что помогает нам быть собой, — это грязные мысли, — то, что делает нас людьми, когда-то вдохнутыми богами. Не останавливайся, представь, что весь мир — это оргазм маленькой девочки. Весь мир был создан оргазмом, большим взрывом, великим космическим удовольствием с лёгким привкусом грусти и опустошения. Так зачали наши тела.

Так зачали материю. А теперь — протяжный стон и прострация. Я продолжаю играть свою роль, произносить свою речь.

— Я была в аду.

— И как там?

— Огонь горит.

— Чтобы воскреснуть, нужно сперва умереть. — И он беспощадно прав.

— Они погибли, их сожрал собственный мрак, или собственный свет, то, что погасло, то, что стало смирительным, стерильным, смертельным. Я больше не боюсь этих слов. Мне больше не перед кем отвечать.

И свеча под его пальцами начинает менять свои фактуры, то стекая воском, то скатываясь, а он орудовал сгоревшей спичкой, чтобы придать ей плавные, стремительно меняющиеся формы. Он подкинул обломок церковной святости в погребальный костёр. А когда от неё остался только фитиль, всё ещё отчаянно жаждущий жить, но при этом поглощённый огнём, я осознала всю тщетность жизни и её невозврат, её преклонённые колени и боль. То, что себя исчерпало, — продолжать бессмысленно. И во мне словно взорвалась атомная бомба слёз. Голова склонилась на сложенные, как в молитве, ладони, волосы растеклись зелёными змеями по рождественской скатерти. Я вспоминала, как она отцветала, вяла, гнила, а я просто смотрела, как она исчезает, как каменеют её черты, разглаживаются и застывают, оставляя лишь трагичную новость за завтраком и погребальные венки. Боль пронзила меня своим горьким, каким-то неправильным послевкусием, но таким величественным. Свеча погасла, а там, где она горела, осталась скрюченная в зародыше, маленькая и жалкая обгоревшая фигурка моей матери. В этой игре нет иного смысла, кроме как смысла самого течения игры, в этом поединке нет победителей и проигравших. И пусть всё тщетно, но там, в дымовых облаках из глаз, я видела мир, который недоступен многим, я дышала их тленом, а затем порождала свою пустоту, я больше не хотела проливать слёз, став каменным изваянием божества, и, распрямив плечи, полной, раскрытой грудью впустила в себя мир. Я была словно в ракушке, в уютном коконе из энергии, все мои ощущения были за гранью меня, я была не в себе, а повсюду, словно спираль, электрический ток, транслятор мира. Горечи больше нет, только лёгкость, и мы вдвоём, среди рождественских огней, восковых гор на скатерти, объёмных рисунков, отслоившихся от поверхностей, среди живой энергии и звуков, видим, как из зеркала выходят похожие на нас фигуры, будто бы вся комната наполнилась духами или слепками живых людей. Мы завоюем новые земли, чтобы было, где и чем дышать. Мы — статуя Иисуса с распростёртыми над пропастью руками, скалы которой стихия рубит мечом, разбиваясь морской пеной об берег.

КВИНТЭССЕНЦИЯ ПРАХА. СМЕРТЬ НА КЛАДБИЩЕ

Там, на том старом кладбище, неподалёку от могилы её матери, она убила себя на закате, выбросила ту себя на помойку, кто-то найдёт все атрибуты той шлюхи — кожаный клёпаный плащ из тугой, грубой кожи, серебристую кофту из безродного магазина в маленьком городке, ветхие высоки сапоги, все потресканные и облезлые, разорванные чулки и юбку из винилоподобного материала, — все эти вещи будто достали из шкафа и одели в них обезглавленный труп. Я это выбросила, эта глава называется — квинтэссенция праха, смерть на кладбище. Смерть той себя, которую я выбросила, теперь осталась только энергия.

Я выбросила её на помойку неподалёку от собственного жилища, а затем уехала — бросила всё и смылась из городка. Когда головоломка сложилась — стало неинтересно, всё перегорело будто, задача решена, нужно двигаться дальше, но кажется, будто бы тот миг был апогеем.

Я сжигаю костры и шью себе подвенечное платье из кусков обёрточной бумаги, мусорных пакетов и фольги. Я украшу его гипюром, а блевотину — жемчугом, чтобы измазать белые перчатки, когда буду доставать его.

Я возрождаю своё искусство, создаю собственную эпоху возрождения, собственный апокриф.

Я покажу им блевотину и выблеванную желчь, я покажу им разврат и пафос и божественное смирение, утопленное в море наркотиков и спиртного. Я буду трахать вазу у них на глазах, пусть они посмотрят на мой перформенс.

Моё прошлое возвеличилось лишь после того, как полностью исчезло, остался только размытый прекрасный образ. Атмосфера.

В моём мире на песочных стенах северной комнаты цветут райские цветы, закованные в квадратные рамки, шелест тропических вагин.

А на библии покоится скрижаль — моя белая Венера из света, хрустальный грааль, окроплённый менструальной кровью.

Это свобода восприятия. На всё это натянута синтетическая плёнка, всё замотано в упаковочную бумагу и спит, до поры, до времени.

Убегая в свой аскетизм от мира
В свою эскапическую сон-сагу
В свой фото-апокриф
Я сбываю свои мечты
На продажу
Как продукт
Икона воина уже в сети
Ты можешь её скачать, можешь создать скринсейвер

ИНКУБАЦИОННЫЙ ЛИМБ

Снимки сгущались. Слишком большое количество выплесков, высеров, выбросов. Это мои выкидыши, они всегда кровоточат правдой. Их оторвали от живого, а это — просто градиент, изнасилованное время. Обведи мелом прошлое. На деревянном полу оно сгнило и сдохло, а затем я сожгла эту гниль. Старая увядающая бабочка на кружевной оборке. Здесь углы встречаются с зеркалами и разводятся, как мосты. Здесь мир напрочь, наотмашь, ветром бьёт в цифровые окна. По венам течёт оптоволокно. Корпоративная маточная труба среди пустых номеров мира. Немая стерильность химии на белом листе, чистая и пустая. Мир — это коробка потребления. Конструкция, обмазанная мёдом, и мы липнем к ней, словно мухи. Мир — просто коробка звуков, смешанных в один коктейль, набор команд, пропущенных через марлю времени, упавшей трупом чайного пакета тебе в чашку. Мы поглощаем время, а оно поглощает нас. Жми на корень — и, может, тогда выдавишь. Этот мир — проповедь. А ты — тетрадь, по тебе пишут. По тебе оставляют пятна. Я хочу умыть целлофаном их лица и задушить. Я хочу быть на вершине, хочу, чтобы они узнали, чтобы восхищались моим собственным высером, чтобы они были им заражены, как компьютерным вирусом, чтобы он разъедал их. Я хочу, чтобы мои мысли стали нелегальны, как спайс. Я — дилер нелегальных мыслей, вещающий на страницах своей Книги Хаоса. Моя муза — это я сам. Моё высокомерие разрастается, я поклоняюсь сам себе, как божеству. Я рождаю в мир только оргазмирующий поток, и они будут им причащаться. Они будут пить мои электронные мысли и загружать их через электронные иглы непосредственно в мозг. Катодные электроды, панцирные сети, плацебо. Шлифовка картоном. Развороченное нутро, слетевшее с катушек и тормозов. Для меня этот документ — как корзина или грязное бельё, которое я попутно перестирываю несносным взглядом. Взгляни сквозь виртуальные окна, и ты увидишь, как мир медленно разлагается в эпохе потребления. Искусство мертво, его убил культ массового образа личности, в которую заложен на периферии инфолимба стирающий искомое дно личности исходный изнаночный код. Наш инкубационный лимб. Наш информационный хлеб. Кормитель наш. Простреленные рассветы. А потом закат расстреляет стену. Я хочу, чтобы вы съели эту отрыжку, хочу, чтобы вы ею захлебнулись. Моей морской пеной, отрыжкой океана, морем моей страны. Ракетное топливо разгоняет криогенную капсулу.

АЛИСА ЗДЕСЬ НЕ ВЫЖИВЕТ...

Столичные заметки

Предисловие

Нижеследующее написано во время поездки в Москву. Город, который я ненавижу больше, чем Томпсон, — Лас-Вегас. Сам факт пребывания в нём, в отрыве от семьи и дома, всего дорогого и привычного мне, — способен был свести с ума. Итог закономерен: масса веществ (легальных), забивавших это безумие вокруг каким-то подобием порядка, ритмичностью приёма доз. Опереться больше было просто не на что! И уже после возвращения домой этот ритм не остановился. Лишь несколько бессонных ночей и мощный ипомейный трип вкупе с дикой физической болью и страстной молитвой к Амон-Ра избавили меня от этого.

*

Этот город заполнен Смертью. Он пропах ею. Я чувствую этот запах, он сводит меня с ума. Думаю, главная причина — метро. Когда миллионы людей ежедневно спускаются в царство Апопа и передвигаются в нём, всего в нескольких десятках сантиметрах от гибели, — это наносит свой отпечаток на всё. Погибнуть вот тут, в толще Земли, без света и воздуха — что может быть ужаснее?

Вещество делает меня свободным. «Нормальные» считают нас зависимыми. На деле — зависимы они! Зависимы от босса, от отношения окружающих, от денег, от моды, от государства, наконец. Перечислять можно долго. Сравните этот список с «зависимостью» от психоделиков. Так кто из нас зависим??

Под веществом я подразумеваю только психоделики. Другие либо захватывают тело, ничего не давая для духа, либо принуждают к определённому психическому состоянию, возбуждённому или транквилизирующему. Как и любая эмоция, это просто искажение восприятия, никак не связанное с разумом.

Ощущения от психоделиков с большой натяжкой можно назвать «приятными». Да, бывает эйфория. Но ещё чаще переживания являются не просто страшными, а ужасающими. Лишь разум, пересиливающий эмоции, способен пройти такое испытание до конца.

Строго говоря, единственно, от кого человек должен быть зависим — это любимый человек. Только следует понимать: наша любовь к нему — это НАШЕ отношение. Не более. Иначе любая любовь была бы разделённой. Но это не так. Отсюда и смущаться по поводу любви к веществу бессмысленно.

Разум существует только в рамках концепций. Если выдумана концепция «нормальности», то каждому «надо» вести себя в соответствии с нею (кто не хочет соглашаться с этим «надо», тому прямая дорога в психушку). Правда, не задумываясь о том, что концептуально это бред. Ни один субъект не напоминает другого. Все мы абсолютно ненормальны. Только у нас хватает мужества это признать!

Как только концепции, навязанные нам с детства («взрослых надо слушаться», «государству надо подчиняться», «конкурентов надо уничтожать», «денег мало не бывает» и т.д., и т.п.), перестают работать, наконец-то разум становиться хоть сколь-нибудь самостоятельным инструментом по исследованию мира, а не подстраиванию под социальную реальность.

Таким образом, ОСВОБОЖДЕНИЕ разума и ОСМЫСЛЕНИЕ мироздания, по сути, являются синонимами. Освободиться же можно, только испытав нечто, способное свести ВСЕ ценности социума к нулю. Я говорю, разумеется, о смерти. Поэтому наивысшей пагубой и наивысшей ложью является попытка монотеистических религий придать смерти такой же моральный аспект, какой они придают жизни. «Подчиняйся и попадёшь в рай», — принуждают попы. «Уничтожай неверных — и попадёшь в рай», — талдычат муллы. Ха, а где у вас, господа, доказательства, что ваша точка зрения хоть сколь-нибудь отвечает реальности? Вы что, были МЁРТВЫМИ??

Забавно, я иду по улице и смотрю на них. Они идут гордо, как павлины, и с такой же глупой пышностью разворачивают свои «хвосты». Пережёвывают новости, футбол, сериалы и ещё миллионы и миллионы вещей, которые НИКАК и НИКОГДА их не касаются. От которых их жизнь не зависит вообще. А вот такой простой ФАКТ, что они — КОНЕЧНЫ, они никогда не пускают в сознание. Интересно, что было бы, если бы приняли его. Стали бы они жить этой пустопорожней жизнью? Или схватились бы за волосы, завопив: «Что же я делаю??!».

Смерть как биологическое явление — чистая негация. Она отрицает всё. Был ли человек праведником или грешил направо и налево. Конец один. Однако, как логический вывод из наблюдения разумного (надеюсь) существа за своей жизнью, — это НАИВЫСШИЙ АКТ ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЯ. Кто его принял, а не загнал в самую глухую область своего сознания, — тот никогда не будет тратить свой бесценный дар существования на бессмысленное времяпрепровождение. Ему нет дела до временного и исчезающего. Он соотносится лишь с ВЕЧНОСТЬЮ и только с нею соизмеряет свои поступки.

Реальность Смерти ощущается мною как сильное эмоциональное напряжение. Непонятно, откуда оно приходит. Нет никаких «объективных» предпосылок для него. Но когда оно есть, приходит Смерть и забирает кого-то к себе.

Анубис — Первый на Западе. Бог перехода и всех торчков.

Хуже всего получается, когда я действую, исходя из желания добра людям. Типичный пример. В трамвай залезала старушка с тяжеленным пакетом (явно не рассчитанным на такой вес). Поднять его наверх по ступенькам она всё никак не могла. Я рванулся ей помогать. Взял сумку, потянул... и тут он развалился! Пришлось схватить его за дно и дотащить содержимое до места посадки бабушки. Я отдал ей свой пакет, благо он был новый и целый. Вот как определить данное действие? Я помог ей или навредил? Как оценить?

Без творчества я потерян. Я пуст. Я поражён бессмысленностью бытия и мучаюсь от этого безмерно. Я ищу, чем бы заняться, с ужасом понимая, что любое другое занятие — это блажь и бессмыслица. Когда я могу творить... тогда не важно, где я, как себя чувствую, есть ли у меня деньги и работа. Только через творчество я жив!

Хуже, конечно, то, что без семьи я потерян и одинок. С семьёй же я не так счастлив, как хотел бы. И стремлюсь убежать от неё. Таков губящий меня парадокс.

В Москве НЕТ МЕЛОЧИ, валяющейся на улице. В любом другом городе России её завались. Она никому особо не нужна. ЗА НЕЮ НЕ НАКЛОНЯЮТСЯ. В столице, если вы увидели монетку под ногами, — её ещё не успели схватить. Какой позор! Этот город, которому поклоняется вся страна, ПОКЛОНИЛСЯ ДЕНЬГАМ...

Москва забита стоматологическими кабинетами. У меня нет этому никакого логического объяснения. Они должны бы уже вымереть от дикой конкуренции. Но они существуют! Это факт! Единственное объяснение — на собранную со всей России мелочь москвичи ВСТАВЛЯЮТ СЕБЕ ЗУБЫ.

Единственное, реально единственное оправдание существования Москвы как столицы — это существование за её мерзкой личиной золотого тельца ОГРОМНОГО КОЛИЧЕСТВА неформалов. Которым эта личина уже явно набила оскомину. Которые отращивают патлы, обвешиваются пацификами и явно не работают на большого дядю. Среди них я, обычно чувствующий себя, как рыба на берегу среди гопья, был просто «ещё одним кислотным фриком из королевства фриков». Братья! Мы победим!

Знание — сила. Собственно, благодаря этой набивающей оскомину кое-кому истины победит язычество. Поскольку можно воровать атрибуты, перевирать слова и убирать свидетелей (вы знаете, кто этим занимался и занимается). Но на новом витке развития ложь смоет, как прибой смывает песок и обнаруживает под ним то, что столь же вечно, как вода, — гранит истины. Которую мы не можем назвать и определить, поскольку она тверда, как камень, и текуча, как вода, одновременно и вечно.

От дозы к дозе. Одно вслед за другим. Кто сказал, что человеческий организм способен выдержать ТАКОЕ? А кто сказал, что нет? Завтра может НЕ БЫТЬ. НЕ БЫТЬ В ПРИНЦИПЕ. Один дурак, нажавший ядерную кнопку, другой. Их не надо много. Громадный ПЕРЕДОЗ для всего мира — как вы выдержите ТАКУЮ ответственность? Правильно, как постоянный террор для всего остального человечества. «Не подчинитесь — мы вас!» Правда?! А мы — вас! Потому что у нас и так нет ничего, кроме СМЕРТИ. И нам абсолютно, совершенно нечего бояться. Вы и так лишили нас будущего.

Сволочи, сволочи, сволочи. Из своих детей они делают своё подобье. Жалкое эгоистичное отребье, продающее всех и вся. И презирающее всех и вся. А ведь из

детей можно сделать всё, что угодно. Любящих и отдающих любовь окружающей планете.

У вас есть оружие. Браво. У нас его нет. У нас есть то, чего вам не понять, — способность с улыбкой счастья принять даже СМЕРТЬ. Хотя бы потому, что она избавляет от вас, думающих жить вечно, пока другие корчатся в муках.

Строго говоря, есть деяния реальные и абсурдные. Реальные — призванные поддерживать жизнь. Это рождение и воспитание детей, растениеводство и животноводство. Всё остальное не прибавляет к этому процессу ничего такого, без чего в жизни НЕЛЬЗЯ БЫЛО БЫ ОБОЙТИСЬ. А зачастую все «достижения» современной цивилизации просто являют собой образчик бессмысленной жестокости, подобный «вершине технологии» — компьютерным играм. Один пиксель охотится за другим. Браво!

Наблюдая нынешнюю европейскую цивилизацию, поневоле приходишь к выводу, что в ней всё поставлено с ног на голову. Даже Алиса в Зазеркалье кажется верхом логики по сравнению с тем миром абсурда, в котором мы живём. Сельхозрабочие, создающие пищу для всего народа, влачат жалкое существование и еле сводят концы с концами. Для горожан они — предмет презрения. Идеал горожанина — конечно же, нефтяники! Те, кто выкачивает из Земли её кровь (с непонятными, между прочим, последствиями) и сжигает её. Несмотря на явно разрушительные последствия их грабительской деятельности, они получают миллионы.

Если же посмотреть на «зарплаты» наших воспитателей, то создаётся впечатление, что это — парии, чья участь — убирать нечистоты. Как они выживают на эту нищенскую подачку, совершенно непонятно. А ведь они растят НАШЕ БУДУЩЕЕ. Нет, в нашем Зазеркалье Алисе не выжить...

Мой последний трип

С утра принял кофеин. К вечеру решил принять ипомею, несмотря на боль справа в подреберье. Уже при обработке семян я понял, что партия будет мощная, но приём всего четырёх капсул меня потряс. Даже визуально трип был превосходен. Я наблюдал пантеон египетских богов, перетекающий, как на карусели.

Боль, между тем, сводила меня с ума. Сосудорасширяющее средство действовало слишком медленно. Хотя, говоря откровенно, намного сильнее этого страдания истерзанного тела — были муки совести. Поскольку трип неминуемо и очевидно, просто в силу своего СВЕРХСОЗНАНИЯ, привёл меня к тому, чего обыденное сознание скрывало от самого себя. Я бежал от ребёнка, вместо того, чтобы бежать от опостылевшей личины наркомана. Я отбрыкивался от игр с ним под совершенно идиотским предлогом. Что-то типа «я слишком стар, чтобы играть». С одной стороны, то была правда. С момента переживания своей Смерти я быстро продал современную игровую видеокарту (на которую была потрачена круглая сумма) и дистрибутивы игр. И увлёкся позабытым чтением.

С другой стороны, какого черта??! Стар я или молод — не имеет в данной ситуации ну никакого значения. Сейчас — ЕГО ВРЕМЯ ИГРАТЬ, моего малыша. И никакие вещества и духовные устремления не смогут меня оправдать в глазах вечности, если я не обеспечу ему это время и эти игры!

...Что я могу сказать? С этих пор я позволяю себе добраться до компьютера, только когда малыш спит. Всё остальное время, как только я прихожу с работы, играю, играю и играю с ним. Хоть и валюсь с ног, но лучше я свалюсь с ног от его игр, чем от самого лучшего и безопасного наркотика на земле. И уже есть положительные результаты в виде повышения его речевой активности.

Конечно, и трипы бывают. Редко. В них моя совесть чиста — остальное время я рядом с сыном. Принял его. Не убежал, как трус, в ежедневный кайф.

Вот так вот жестоко действуют Растения Силы. Жестоко и доходчиво. По крайней мере, это касается кислоты, с её потрясающей аналитичностью и беспристрастностью.

Just another freak in a freak kingdom.

БЕЗОТХОДНО-КАЛЬЯННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАЙФА ЛЁГКИМИ

Вставать рано утром в субботу, да ещё после трудовой недели — это настоящее издевательство! Тем не менее, надо идти на работу. Проклиная всё на свете, достал из аптечки кофеин-бензоат натрия. Пять ампул отправляются по назначению. То есть, прямиком в глубину тела.

Толку, правда, оказалось мало от стимулятора. Похоже, я и без того был в хорошей форме. По крайней мере, никакой стимуляции не наблюдалось. Даже обычного злобного кофеинового взвода не было. Монструозный фотоаппарат, постоянно отвешивавший мне руку, работал, как часы. Блин, когда я первый раз смотрел «Блоу-Ап» (а было это на чёрно-белом телевизоре), мне даже в голову не приходило, что спустя энное количество лет я вдруг заделаюсь фотографом. Придя домой, я чуть не пинками отправил супругу гулять с ребёнком (вообще-то со времён написания «Алиса здесь не выживет» почти всегда гуляю с ним я), а сам быстрее заглотил две большие капсулы с очищенными семенами ипомеи. Как только я почувствовал действие вьюнка, отправился на кухню. Собрал свой маленький кальян. И достал из морозилки заветную завёртку из фольги. В которой лежал гашиш...

Оный был приобретён за несколько дней до того. Как-то захотелось разгрузить замученную психоактивными веществами пищеварительную систему. А выбор курительных веществ, в общем, не так широк. Ясно, что выбор остановился на конопле. Пришлось обращаться к последнему знакомому, имеющему связи в наркомире. Остальные... кто умер, кто сел, кто потерялся в потоке времени, кто остепенился. Впрочем, и знакомый этот тоже остепенился. У нас обоих семьи, дети. Но вот тайная жизнь как-то выбивается из общепринятого мещанского образа жизни. Двойное существование. Двойных агентов, балансирующих между официальной легендой добропорядочных и махровой нелегальщиной любителей психоделиков.

Кальян оказался прямо-таки безотходным производством. Первую плюху я всё-таки упустил. Некоторое количество ушло во Вселенную. Обидно, но я утешаюсь тем, что все крошки дури, упущенные нами по причине всё той же дури, идут прямиком к Дионису, и он ими угощается от души. Зато все последующие исчезали через воду в моих лёгких вообще без дыма! Зажигалка растапливало их содержимое. Я вдыхал очень потихоньку, и когда уже лишь красный уголёк оставался на фольге, прекращал, хватал просто воздух. Уголь лишь краснел, но уже ничего не отдавал наружу. Мало того, задержка дыхания была такая, что и обратно не выходило никакого дыма! Держать в лёгких охлаждённый воздух, напоенный тончайшим эфирным запахом, было одно удовольствие. Стоит ли говорить, что после шести-восьми кусочков гашиша, умещавшихся, в буквальном смысле, на кончике пальца, я был уже в доску накурен. Меня позабавил и тот факт, что в воздухе не осталось и намёка на типичный конопляный кумар.

Тугая пыльца коричневого цвета оказалась на удивление мощной. Если бы не дурацкие мысли, периодически пугавшие меня своей панической нелепостью, было

совсем хорошо. Кофеин как раз помешал. Сердце работало слишком напряжённо. И не давало расслабиться. Поэтому добавленные вечером такие же плюхи оказались куда лучше. Эйфория прежде всего! Глюки. Много, но несколько сероватые. То куча машинок, расположившихся квадратами, то те же квадраты текста, удивительная тяга к кубизму. Хотя и мандалы были, объёмный квадрат, заключённый в переливающийся по краю цветок ипомеи. Тяга к бессмысленным конструкциям выразилась в безумных фигурах, которые делал из конструктора. Забавный глюк. Над поверхностью Луны прыгают астронавты, причём их несколько в ряд. И они все висят над кратерами. Рядом вращается огромная резиновая дубинка с надписью «Обман».

В общем, налицо небольшое усиление галлюцинаторной активности благодаря ипомее. Но нет свойственной миксу вьюнка с мускатом усиленного сознания. Хотя сознание и изменяется в сторону блоков мыслей. Они захватывают потоком на одну тему и несутся, пока поток не кончится.

На следующий день до гашиша добрался лишь ближе к вечеру. Выкурил и после недолгих сомнений решил-таки принять остатки ипомеи. В количестве трёх капсул. И заодно решил покурить сальвию.

Делать это решено было таким же образом, как и гашиш. С помощью пинцета (чёрные кусочки шалфея слишком липли к пальцам, и потом с помощью пальцев же их было сложно отодрать) кучки вещества отправлялись на фольгу. Вот что было неудобно — так это держать включённую зажигалку. Приходилось терпеть горячее дыхание огня. Он хоть и тянулся вниз, но передавал тепло железу.

Что интересно, личность никуда не исчезла. Лишь галлюциногенная активность значительно возросла не некоторое время. Опять же, в основном мандалы. Помню, что появилась какая-то сетка растительного цвета, то ли укутавшая меня, как голограмму, то ли выявившая вокруг меня существ в этой же сетке. А когда появились двигающиеся крестообразные решётки а-ля «Блуберри», меня внезапно отвлёк звук. Видимо, дверь скрипнула от сквозняка. Но я испугался, что пришли близкие, и быстро убрал кальян с принадлежностями. Будь это чисто сальвиниориновый трип, я бы вообще был не в состоянии это сделать. Потому как «Я» просто бы отсутствовало. Решив, что более сильного эффекта всё равно не добиться, оставил сальвию в покое. (Мораль — принимать её на пике действия ипомеи или гаша бессмысленно, либо надо много больше, чем в трезвом виде. На спаде ещё куда ни шло.)

И принялся наблюдать за глюками. К тому времени, когда гаш стал отпускать, в дело вступила ипомея. Пришлось срочно лечь и закутать ноги... Время исчезло. Стало просто ХОРОШО. Настолько, что стало бессмысленным движение, мышление, личность, да всё на свете! Противоположности сходятся. Чисто ментальная ипомея на максимуме своего действия стала похожа на сугубо физический опиатный торч. К этому стоит добавить обезболивающее действие конопли. Так что обычное скручивание ног оставалось где-то за гранью восприятия.

Чёрт, чёрт, чёрт! Спустя час-два этой великолепной эйфории пришли близкие. Пришлось изображать из себя трезвого. Удавалось это без особого труда, но вот досада просто загрызла. Так было хорошо, и тут — такая кайфоломка. Нда, хреново пускаться в трип, когда не можешь вот так спокойно полежать на диване, не вызывая подозрений. Надо бы на следующий раз простуду, что ли, симулировать...

Мысли из трипов

Большая часть написана недавно, но часть осталась ещё с начала года. То есть с тех пор, когда каждый день пробавлялся мускатом. Забавно, что под ипомеей я стал получать доступ к памяти о своих прошлых трипах, даже к очень и очень давним травяным путешествиям. Будто бы вне трезвого состояния существует некий континуум временного безумия, который имеет собственную личность и собственную же память. Одни вещества (та же конопля) не дают полного представления о нём после возврата, другие (ипомея) — позволяют и после своего воздействия держаться новой, психоделической личности.

«Нет большей роскоши, чем роскошь человеческого общения». Мне вот кажется, что формулировка неточна. Что дают слова, кроме сотрясания воздуха? Что толку от «любимой», до которой нельзя дотронуться?? Вот прикосновение — другое дело. Кожа к коже — вот это настоящее счастье! Для него не нужно произносить ничего! Можно быть немым и глухим, но прекрасно понимать, что такое — ласка тела.

Одиночество — как башня для обозрения человечества. Выкинутый за его пределы может позволить себе жёсткие оценки, презрение, тотальное отрицание. Что за дело одинокому до человечества? У него нет будущего. И этот же факт ставит под сомнение все выводы, сделанные на вершине. Тот, кто связал себя с остальными людьми, должен считаться с необходимостью бережного отношения ко всему, что касается выживания нашего вида. Включая, конечно, нашу планету.

Человечество делится на две половинки. Только одна продолжает род и загнана на кухни, а другая занята властью, деньгами и самоуничтожением. К этой страшной игре «сильной половины» человечества даже допускаются отдельные особи из «слабой», правда, если эти особи — искажённые и извращённые подобия мужчин (а-ля Маргарет Тэтчер или Кондолизы Райс, готовые послать на уничтожение сотни сограждан).

Такое отстранение женщин очень опасно. Мужчин практически не заботят дети, зато насилие и убийство других у них в чести. И эти опасные монстры находятся у власти! Женское в нашей цивилизации должно вновь получить превалирующее значение. Иначе цивилизацию ждёт крах.

Военно-промышленный комплекс — самое яркое свидетельство мужского безумия, которым охвачена наша цивилизация. Машины убийства по определению не производят НИЧЕГО, КРОМЕ убийства и разрушения. В этом коренное за-

блуждение известной фразы «война — продолжение экономики». Разрушение материальных ресурсов и людей не может приносить прибыль никому.

Победителей не судят? Интересный посыл. Христиане захватили несколько континентов, уничтожили их исконную культуру, устроили геноцид населения. Победили. И их торжество незыблемо. Типа если вирус иммунодефицита побеждает тело, то мы должны смириться? По счастью, христианство можно сравнить лишь с раком. Здоровый организм его сломит. Сложнее с теми, кто уже тысячелетия под его игом. Тут выход один — вырезать поражённые клетки.

Знаете ли вы, что мысли бессмертны? Иероглифы творцов пирамид коренятся в нашем сознании столь же устойчиво, как их великие строения — на этой планете. Это ли не самая высокая ответственность — знать, что самое интимное твоё достояние, в конечном счёте, доступно другим и так же влияет на них, как реальные действия...

Моча и кал: вот лучшие доказательства наших родственных отношений с миром неорганическим. Часть нас превращается в Ничто. Другая часть остаётся Чем-то. Жизнь — между тем и тем. Яркий миг красоты. Или серой безликости...

Смерть освобождает от всего. Все это знают. Но продолжают жить ради всего, оборачивающегося ничем. Проблема поэтому в том, КАК прожить эту единственный и уникальный момент Вечности. Как улитка в своей раковине, как всеразрушающий безразличный хищник — или же как тот, кто знает о неизбежном конце и стремится стать достойным последующей бесконечности времени?

Количество воды на планете конечно. Переходя от одного живого существа к другому, постоянно при этом моменте перехода обновляясь, вода, несомненно, также осознает себя.

Загадка гибели динозавров решается просто. При затоплении материков пострадали, прежде всего, те виды, которые имели лёгкие. Земноводные выжили почти все, поскольку климат-то оставался жарким.

Вопрос в том, что вызвало подобное нагревание? А ответ достаточно очевиден: каждый динозавр оставлял за собой тонны говна. Вряд ли что мешало им размножаться в жарком и влажном климате. (Если кто думает, что я гоню, пускай обратиться к докладу ООН по коровам и прочему крупному рогатому скоту. Они выделяют столько вредных веществ, что и машинам пока далеко.)

После этого на Земле появился совсем новый вид существ: теплокровные. Именно они обрели способность мыслить. Как бы этот процесс осуществлялся без воды, растений, других животных, сложно объяснить. Но в итоге этого долгого ПИЩЕВАРИТЕЛЬНОГО процесса (в ходе которого вода, по сути, потребляла самоё себя) на свет появились МЫ.

Вопрос: засрём ли мы настолько планету, что снова вымрем, как динозавры? Думаю, всё-таки засрём, увы.

Если только не поймём простую истину: воду нельзя отравлять. Пока жив Океан, живы и мы. Пока светит Солнце, живы и мы. Пока растут растения, сохраняющие в себе Энергию Солнца, живы и мы.

Любое отступление от понимания этого основного правила ведёт к самоубийству человечества. Жить на одной воде нельзя. Жить без неё нельзя тоже. Жить, не потребляя окружающий мир, также невозможно. Жить без энергии также невозможно.

У человечества практически есть только одно преимущество: оно лучше всех приспосабливается. Поэтому выживание его при разумной экологической политике всё-таки можно.

Все слова так похожи, оказывается. Постоянно натыкаешься на одно и то же. Почему? Исходников языка не так много. И каждое новое значение в итоге натыкается на общее происхождение. Но при этом расширяет его сферу в ширину и глубину.

Возможны ли слова без смысла? Вот вопрос. Даже если нет исходного смысла, оно звучит. Кажущиеся нам бессмысленными вопли животных, в конечном счёте, для них много значат.

ПОЕЗД ЕХАЛ НА ВОСТОК

Поезд ехал на восток.

Моему попутчику не было и двадцати пяти, он был высок и худ, как жердь, и не слишком улыбчив. Он не очень мне понравился, но, в конце концов, путь был долгим, а я не захватил с собой ни книги, ни карт, поэтому мы, как могли, развлекали себя ни к чему не обязывающими разговорами. Ни я, ни он определённо не имели желания продолжить какое бы то ни было общение по окончании поездки, и мы даже не сочли нужным представиться — всё равно имена вылетели бы у нас из головы задолго до того, как мы отойдём ко сну. В его поведении и словах проскальзывала какая-то тревога, и, умело играя наводящими вопросами и репликами, я пришёл к выводу, что он от кого-то скрывается. Дальше этого выяснять не хотелось — всё по той же причине мимолётности нашей встречи. Меня не волновало даже, сам ли он совершил какой-то серьёзный проступок, за который не хочет нести ответственности, или стал невинной жертвой бандитских разборок или политического преследования.

Упомянув мельком свой интерес к эзотерике, я обнаружил, что ему тоже не чужда эта тема, хотя ему оказался скорее близок христианский мистицизм, в не самом глубоком его понимании. Он несколько оживился и даже упомянул, что именно эта тема является целью его поездки: в пункте прибытия его должны посвятить в некое общество, о котором он не имеет права рассказывать. Я не стал распространяться о своей причастности к нескольким Братствам подобного рода, но выказал свою заинтересованность и потому даже без прямых ответов с его стороны достаточно быстро убедился, что речь идёт о какой-то масонской ложе, придерживающейся традиционных ландмарок — с персонифицированной Высшей Сущностью, бессмертием души и непринятием женщин к Работам. Совсем не то, что в моём — либеральном — направлении, и развивать тему дальше мне расхотелось, тем более что и он уже определённо сожалел о своей разговорчивости. Мы перекусили и устроились на ночлег.

*

Наутро он был молчалив и ещё более обеспокоен, в туалет выходил с телефоном, хотя до того оставлял его на столике в купе. Поезд нёсся по бескрайней степи, до ближайшей станции было ещё несколько часов, прошлая тоже оставалась в нескольких часах пути к западу. Мы молча допили чай, и когда зашипел стоп-кран, и чашечки понеслись по столику, как по взлётной полосе, выплёскивая гущу на казённое бельё, он понял, что это по его душу, и выражение его лица, и без того мрачное, сменилось обречённостью смертника. Он не думал прятаться или убегать, по всему было видно, что это ему не поможет. Его губы тихо шевелились — должно быть, в молитве, не самый эффективный путь к спасению. Я лёг на полку, демонстрируя безразличие. В конце концов, нас не связывали Братские узы, он ещё даже не приступил к обработке грубого камня, а даже если бы и так — у наших

лож определённо не было взаимного признания. И, чего уж там скрывать, меня ждали дома жена и дочь, друзья, работа малая и Великая, — в общем, у меня не было ни малейшего желания рисковать всем этим и многим другим ради этого незнакомца, да ещё и, в отличие от него самого, без каких бы то ни было утешительных иллюзий относительно «бессмертия души».

В купе, открыв дверь ключом проводницы, вошли двое автоматчиков в балаклавах. Форма была похожа на военную, но отличительных знаков не было, и это с равным успехом могли оказаться и фээсбэшники, и гангстеры, и исламские фундаменталисты, хотя особой разницы между ними я не усматривал. Они вели себя на удивление вежливо, негромко поздоровались с ним по имени, которого я не запомнил. Ничего не стали объяснять, но он и не нуждался в объяснениях.

— Этот с тобой? — кивнул в мою сторону один из камуфляжных.

Мой попутчик равнодушно покачал головой. К моему удовлетворению, ему поверили без лишних разговоров.

— Что, прямо здесь? — спросил он неопределённо, и от этих слов меня бросило в холодный пот: я понял, что должно случиться.

— Зачем людей смущать, — ответил тот, что спрашивал про меня (я автоматически отметил, что он говорит без акцента, и под тканью балаклавы мне почудилась едва слышная улыбка). — Выйдем сейчас, пусть едут.

— Я оденусь, — сказал попутчик и попытался пошутить: — А то и замёрзнуть недолго.

Вышло натянуто, хотя за окном и правда было минус 10, степь покрывал толстый слой нетронутого снега.

Он не спешил, но и не пытался отсрочить неизбежное. Один из автоматчиков вышел в коридор, второй пропустил вперёд несостоявшегося каменщика.

Он не был мне Братом, а дома меня ждали жена и дочь, и я не был готов рисковать ради него жизнью. Но кое-что я всё-таки мог для него сделать.

*

— Подождите, — окликнул я его конвоиров, когда они уже были готовы задвинуть дверцу купе.

Ближайший ко мне удивлённо воззрел на меня сквозь прорези в ткани.

— Я... Мы с ним... эээ...

Я прятал импровизацию под маской испуга и смущения.

— Что такое?

— Мы с ним... методисты, — я наугад ляпнул название деноминации, к которой вряд ли принадлежит кто-то из автоматчиков, чтобы не вызвать ложью их подозрение. — Ему нельзя... ну, без исповеди.

Кажется, это было правдоподобно, методисты признают принцип всеобщего священства, но, видя заинтересованность конвоира, я решил продолжить. На счастье, и лицо моего попутчика вернулось в дверной проём, и оно было в недоумении.

— Я не священник, — продолжил я уже увереннее, — но мой отец был пастором, и у нас так можно. Ему нельзя... — я упорно не хотел произносить слово «умирать», — нельзя, не исповедовавшись... брату по вере.

Я сделал небольшой нажим на слове «брату» и коротко взглянул ему в глаза. Больше всего я боялся в этот момент, что он что-то спросит или скажет не в тему и тем самым не только сорвёт мой замысел, но и утянет меня за собой. На счастье, он молчал, и взгляд его, в котором на мгновение блеснула надежда, снова сменился смирением перед судьбой.

Автоматчики переглянулись, явно о чём-то размышляя, но потом тот, что спрашивал про меня — наверное, главный, — кивнул и сказал:

— Ладно. 5 минут. Выйдешь с ним, потом возвращайся к себе. А мы с ним... ещё поговорим.

Я накинул куртку, и мы прошли по коридору, который был на удивление пуст, даже у заветной комнатки возле тамбура не толпился народ. Мы спустились по металлической лесенке на снег: сперва старший из двоих, потом я, мой незадачливый попутчик, а замыкал процессию второй автоматчик. Краем глаза я заметил у второго входа в вагон внедорожник, похожий на армейский, и несколько фигур возле него, окинул взглядом степь, увидел неподалёку небольшие заросли кустарника в человеческий рост.

— Мы отойдём... туда? — спросил я.

Старший недоверчиво посмотрел на меня, и я добавил, кивнув в бескрайний простор:

— Куда тут деться.

— Валяйте, — благосклонно махнул рукой старший и напомнил: — 5 минут.

*

То, что традиционно происходит в вычурном зале с клетчатым полом и двумя колоннами, при стечении народа и с соблюдением тысячи формальностей, на которые уходит не один десяток минут, нам пришлось совершать, стоя на месте, посреди заснеженной степи, скорее в воображении, чем наяву. Я не имел ни малейшего права делать это: если бы мой попутчик остался жив, ни одна ложа, даже самая что ни есть нерегулярная, не признала бы легитимность этого акта, а мой Мастер напомнил бы о данных мною клятвах и изгнал из ложи за разглашение тайн профану. Но это было то единственное, ради чего нас свела судьба, и я не мог отказать в этом ни ей, ни ему. Я передал ему слова и пожатия и принял от него ту же клятву, которую приносил несколько лет назад на клетчатом полу. И которую он, в отличие от меня, уже никогда не нарушит.

*

Когда мы прощались с ним знаком Ученика, он смотрел на меня почти как на Спасителя. Хотя и понимал, что больше ничем помочь я ему не могу, да и не буду пытаться.

Я поднялся по заледеневшим ступенькам и вернулся в купе, так и не встретив в коридоре ни пассажиров, ни проводницу. Через некоторое время поезд тронулся. За окном мелькнул внедорожник, мелькнул — и растаял в степи вместе с застывшими возле него фигурами. Я вытер, как мог, чайную гущу с пододеяльника и лёг вздремнуть. Попутчик молчал о чём-то своём. Нам снова было по пути — мы ехали на Восток.

*

Каждый на свой Восток.

МАЛЬЧИШКА

Эриху «Bubi» Хартманну

Он натянул штурвал, задирает выше.
В доле секунды — серое брюхо ИЛье.
Жмёт на гашетку. Пара трескучих вспышек —
Дальше от фейерверка уносят крылья.

Что ему! Может быть тысячу раз неправым
Тот, чью фуражку он примерял по пьяни, —
Самое главное — помнить о юнге фрау,
С кем любовались звёздами на поляне.

Звёзды теперь иные на крыльях светят —
Детская память, ночной перестук Транссиба.
Он им теперь не зритель, а ангел смерти:
Делай что должен — но, чёрт возьми, красиво!

Сколько их было, парных боёв и сольных;
Вылетов сколько — да и падений сколько!
Помнит Мальчишка: не подведёт подсолнух,
Если ему достанется от осколка.

На фюзеляже меток — нет места плюнуть:
Сбились со счёту штатные соглядатаи.
Только важнее — как приминали блюмен,
Сочные губы ягодами глотая.

Нежно ладонью — борт серебристой птицы:
Под облаками — тот, настоящий, дом их.
«Слушай, Мальчишка! чем тебе есть гордиться?» —
«Что ни единый раз не терял ведомых».

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

...а однажды поймёте, какими же вы
оставались слепыми и глупыми:
ваша родина даже не вспомнит живых,
но гордится истлевшими трупами.

РАССКАЖИ...

Расскажи солдату с войны,
Для чего окопы нужны.
Чтоб его, на радость ворон,
Там нашёл заветный патрон,
Чтобы полыхали в огне
В жертву неизвестной войне.

Расскажи окопу с войны,
Для чего погоны нужны.
Чтобы не ушёл без следа
Из окопа мёртвый солдат,
Чтобы оставались на дне
От него на этой войне

Расскажи погону с войны,
Для чего патроны нужны.
Веселее прыгалось чтоб
Из окопа в братский окоп,
Чтобы пополнялись извне
Списки присягнувших войне.

Расскажи патрону с войны,
Для чего солдаты нужны.
Чтоб укрыл военный закон
Тех, на ком жирнее погон,
Чтобы стал богаче вдвойне
Тот, кто не бывал на войне.

#

Этой сказкою мотивируйся,
Где чем дальше — тем охуеннее.
Заразите #коронавирус‘ом,
Чтоб чихал я на #обнуление.

ИЩИХ

Я не умею писать красиво —
Ряды помарок строчу в тетрадку.
«Сидите дома!» — удел крысиный.
«Срывайте маски!» — призыв к теракту.

Мертвее дронта твоя истома,
Зима длиннее ушей ослиных.
Привет, голубка! Лети из дома,
Неси ковчегам букет маслины!

ULTIMA THULE

Осень чувствуется кожей.
Тучи щурятся в прицел.
Ходит маленький прохожий
С мокрой тряпкой на лице.

Ходит он, сырой и серый,
В ветхом фетровом пальто.
Всюду север, север, север,
Всё не то, не то, не то...

Жизнь стыдлива и понятна —
Рассчитай на раз-два-три:
Лето — осень, солнце — пятна,
Сырость, ржавчина, артрит.

Шепчет, кутаясь, сутулясь,
В светофоровый маяк:
«Туле, Туле... Что ж ты, Туле?
Туле... Родина моя!..»

Ветер южный верит в сказки:
Туч надменность сокрушил,
Спутал краски, сдёрнул маски,
По проспектам закружил.

Над страною непогожей,
От свободы обалдев,
Кружит маленький прохожий
В ветхо-фетровой пальте.

MAYDAY

Мини сменяют макси.
Солнце ласкает крыши.
Люди снимают маски.
Люди весною дышат.

Вёсен их непочатых
Сколько им в сердце литься!
Трогают без перчаток
Листья, ладони, лица.

Город цветёт сиренью.
Новый рассвет — стерилен.
Город плетёт свирелью
В норы напев старинный.

Песня зовёт с собою,
Песня течёт в дома их.
Ждёт в полосе прибоя
Новое солнце мая.

Всем заплатившим виру
Полуприкрытых ликов —
Майское солнце — вирус
В яркой короне бликов.

СВИТЕР С ОЛЕНЯМИ

Посты мои не так уж и часто лайкали:
Кому сдалась она, эта ваша экзотика?
Куда мощнее трафик у Лаймы Вайкуле,
У сисек, Путина и, несомненно, котиков.

Тягаться с ними в эту эпоху неча мне:
Другие в топах и чартах теперь везунчики.
Пускай страдает Орёл несвареньем печени,
Когда ему на меня донесут лазутчики.

Я жру глютен, рифмую, хожу вразвалочку,
Пишу на стену и спать ухожу вне графика.
Когда в эфире такая херня на палочке,
Избави боже (иль кто там) от этих трафиков.

В чертогах памяти — полки теперь с соленьями,
Портфель без ручки, и даже скелеты — классика!
А у меня есть свитер теперь с оленями.
Сварганить, что ли, парочку с ним мемасиков?

ニヨロニヨロ

В сомнамбулических грёзах Кадата —
Звёзды-софисты, звёзды-софиты.
Нам бы податься с тобою куда-то:
Мне — в хатифнатты, тебе — в ханафиты...
...В чёрной дали за орбитой Юггота
Бросили «Тайны Червей» немертины.
Вспомнили Хемуля. Молвят: «Его-то
И не хватало для полной картины!
Он, испытавший тропу насекомых,
Знает секреты иных дивергенций!
Протуберанцевой плетью секомы,
Сможем мы в этих глубинах согреться».
Шепчут червям осторожные жабы,
Слизь выделяя в морозную среду:
«Бросьте, родные! Какого мазхаба
Веретники старика Альхазреда?
Нет ему места средь нищих и сирых:
В гневе и радости дервиш не дервиш!
Нет ему веры!»
...На краешке мира
Верят в барометры бледные черви.
Сонным и яростным неодинаков
Млечной Дороги жестокий напиток.
Черви ползут по тропе хатифтаттов.
Жабы идут по пути ханафитов.

ЖИТИЕ СВ. ФРАНЦИСКА

Оком смерю строго сам себя присно и ныне я.
Среди смертных грехов моих не бывает уныния.
Кто тут горбится: «Иду я с мечем, судия»? —
Горстка гордости, толика чревоблудия,
Как в огне — во гневе, охоч до похоти,
Скормлен скорби, корысть коростою — Господи! —
Позавидовал бы и сам ему, коли мог бы я:
Сохни-сдохни, мол, цапля, бесплодной смоквою! —
Да всё мимо-мимо вас, цапли мои умильные.
Что мне станется, нету коль на меня уныния?
Семерыми этими все мы до́ смерти пичканы,
Посему, чем с вами, мне лучше с птичками.

ПАСТЫРЬ

Я ковылял в плену вещей, никак
Не вырастая из пелёнок,
И встретил сельского священника
В суровой рясе пропылённой.

Он был без «бентли» и без «ролекса».
Слегка хромал его ботинок.
Он жил неброско и по совести.
Не по указке. Не картинно.

Он небесам молился истово
С земель завьюженных и зимних
И год за годом шёл на исповедь
К попам в перстнях и лимузинах.

И в изумлении, не мешкая,
Я вопрошал: «Послушай, дедушка!
Грехов у них — вагон с тележкою,
Тебе же — отчитаться не за что.

Он рясу мял и хмурил оспины.
«Я сам того... не лучше прочих.
А за грехи — прости им Господи».
И замолчал. Замкнулся. Прочерк.

...Моя душа скулила щененько.
Мир был взъерошен и повёрнут.
А я прощался со священником
И вырывался из пелёнок.

* * *

Свободен, крепко шит и кроен ладно я,
Но без побед — кого волнуешь ты!
Я брошу вам в лицо перчатку латную,
Чтобы в дуэли не было нужды.

42

«Правильно поставленный вопрос — половина ответа».

Исколесив полмира до седин,
Я оставлял полмира впереди —
Проверить обоснованность сентенций.
И сердце билось пёрышком в груди,
Когда я вопрошал «21»,
из рук не выпуская полотенце.

Нескоро, Пёсий Бог, тебе за мной,
чтоб отмерять шаги судьбы земной,
но я считал —
и список был некраткий.
Я проклинал царя.
Я крал зерно.
Я порицал.
Я был с чужой женой.
Я ел сердца.
Подслушивал украдкой.

«Входите.
Подождали и внизу б».
На год по зубу.
По греху на зуб.
На грех — по богу,
по строке
и ному.
Ты так далёк,
мой друг —
мой верный труп,
как громный глас
архангеловых труб —
на полпути
к далёкому Иному.

ХИМЕРА

С хвоста состава
Вагонным суставом
Изгибается зверь
Перрон это берег
Сумасшедшей химеры
Поверь
Её тело без меры
Распрело
Пронизано рельсами
Справа налево
И снизу наверх
Нечитаемый вектор
Для всех
Недушевнобольных
Смех
Страницы забытых книг
Или листья деревьев
Как перья потерянных
И повешенных за плавник
Или за воротник
И за борт
Как мишени
.Доверься
Мы это движение
Из ниоткуда в куда
Или наоборот?
Да какая разница
Поедающий себя удав
Или саморожденный рот
Дыра чёрная
Кто разберёт?
Мы химера мира
Безумия зёрна
Нас нет
Ergo sum
Океан и берег
-а пыль
Разум и подсознание
Со сна ни я
До дна ни ты

И крик из темноты
Создающий ворóн
Или под перрон
Мы брошенный поезд
То есть
Бросившийся
Что случилось
И произойдёт
Не расспросишь себя
Ты душевноздоров
Или болен? Дзот
Психиатрический
Нас ничего не спасёт
От себя самих
Mon ami
Мы лишь пущенный в кровь
.Ток электрический
7.11.7.8.19.
21.16.9.8.19.

ТВОИ МЕТА-ИГРЫ

Кости
На постере
Игральные из больше-берцовой
На стенке оружье отцово
Как напоминанье о главном
И в мозге провалы
Мы с Богом играли
Играем
В судьбу и намеренье
Промысел или предвидение?
Что есть между адом и раем
Смертей мне сто тысяч
И больше действительностей
Да нечётную жизнь
Девятьсот девяносто девять
Искрой средь тьмы высечь
Смерть жизнь суфражистки
Вселенная юная дева
Заблудшая в магазине

Бессмертный твой дух — острый штык
И снаряд в патроннике — ты
В стволе пуля
Шрам пальцы в воздухе высекли
Смотрим с Богом глаза в глаза — дуло в дуло
Быстрее кто выстрелит
Отец или сын
12.44.30.8.20.

СУМАСШЕДШИЕ СХОДЯТ С УМА

Сумасшедшие сходят с ума
Трезвые больше трезвеют. И
Из темноты нам навстречу туман
Развевает любые сомнения
Погружая в глухую иллюзию
Существования свежести и дуновения.
Ветер подует — вы — охуеете
Как восприятие сузится ваше
Из-за невозможности глубже
Вглядеться чем в тушу гнилого фарша.
Ветер сыростью веял и бризом
Как оловом лужил рябеющи лужи
Сентябрь смеялся как люди за призом
Спешили плевав не то что на жизни
Но не замечая настолько привычные
Смерти, не видя себя меньше чем пищи
Источники самозабвенные вычурные
Изнутри, а снаружи не представляющие
Ценности энергетической, ни пищевой.
Ах, мне кажется что я здесь свой
Но твой взгляд умоляющий
Просит быть тише. Вокруг нас конвой
Только и ждёт как бы мы заблудились
Иди же так рядом со мной!
По руинам Бастилии
Прямо навстречу одной
Провокации общей в которую верим.
И руки твои у меня за спиной
Толкают меня в приоткрытые двери
16.1.19.-15.29.22.1.19.

БЕДЛАМ

Твори бардак
Мы тут проездом
Мы просто так
Здесь
И
Лёд Тонок
Здесь Дом место
В котором пущен ток
Контакт
Танцуй, подонок!
В такт
Искрящихся снегов
Твой дом
Весь мир
Будущее
В пробирке
Пространство без оков
Без бирки
И пара чьих-то ок
Но чьих же?!
Их не узнать закрытыми
Они как подсудимые
Зарытые в песок
Сами себя приговорившие
Без мысли выжить
С поверхностью надутых щёк
Решившие уйти. Мы есть
Само пространство
сжатое в зрачок
И рай и преисподняя
И всё должно быть только так
Что
Всё очень странно
Постой, прошу.
Останься
Здесь так свободно
. Жуть
15.-16.5.19.(19:16.)

ВВА-БАНК

Иду в ва-банк
До дна и над
В подполье под
Полами монополий
Из сточных труб
Играет панк
Для падших судеб
И труп сомнений труден
Крупен, крут
Для переваривания
Для путешествия
В ассенизации каналах
—
Там льётся музыка!
При спаривании
Колен и разветвлений патрубков
Суженных
Несуженный
Несу жесть
Медь труб
Десятком рук
Я с заскорузлым
Вдоль жизни по
Диагонали
Иду с конца
И на начало
В кармане с пятаком
Убрав его долой с глаз!
Как в горле ком
Я лезу в злой лаз
Ума или канализации
Здесь вся моя страна
И даже в случае таком
Она дней мне и до конца
До дна
Одна родна
Её я не продал
За Смерть
За Жизнь

Не смей
Спешить
И даже допоздна
Я обретаю веру
Живя трансперсонально
В полуподвальных помещениях
И я уже не я
Но больше «я» —
Свечение
На потолке
Играют блики
Переломляя сферу
Света. Вы
Те
Небожители
Нас не увидите
Пришли мы
Нелюбимы
Мы вирусы
Чума
Мы муки ваши
Звуки тишины
Под ваши «Вира»
Пик росы
Немая майна
Проход ума
И тайно
В заоблачны миры
Мы мимо вас
Идём домой
Смотря в анфас
Сгребая вширь
И вдаль за шкирку
Но не замечены
По печени
И в глаз
Мы Мстим
Мы ветер
Дым
Мы всё на свете

Везде
Повсюду
Здесь
И там
Идём
Находим
Ну а потом
Сквозь годы
И на века
Оставим строчку
Как навигатор
Колену следующему
И без отсрочек
Слову моему
Внимай:
Иду в ва-банк
Через Любовь
И сотни битых лбов
Сквозь дождь —
Брикбит
Хардкор и панк
Пускай
В коленях дрожь
И в сердце тремор
Я буду бит
Но временно
Я Пан
Пропал или пропан
Но в сотнях ног
Я шёл. Иду
Сквозь дум
И в капле света —
Океан
И даже если я не смог
Со мной мой сердца зной
Других сердец
И значит я не одинок
И значит это
.Не конец
17.-19.
21.26.25.8.19.

МАРСЕЛЬЕЗА

Стоит хорошая погода
И птицы где-то наготове
Ведут трансляцию извне
Прядут вечерние остовы
Себя в ночеющей природе
И прячут в небе В сне
Давай спроси о что ты?
Меж атомов пустоты
В пространстве гулкий всплеск
И белый стих
И брызги волны дождь
И рябь по лицам
Тех
кто вызывает смех
Стих
дрожь. Приходится молиться
Не лезь. Прошу тебя
Один за всех здесь
И на всех
О,
Если нужно будет
Я на перепутье
Пьяный завтра утром
С обратной стороны
В газе тормозе запутался
Наряд в гирляндах весь
И датчиках вины
Опять исправно
Не сработавших
Кто этот поставщик?
Спроси же
кто ты!
В глазах протёртых
До жирных смачных
Равных чёрных дыр
Туда уходят мачты
Мечты и паруса вчерашних
Торговых кораблей
И лезут смотровые башни
Из окуляров без наличья жизни

Да
Тут Теплей
И заедает кнопку плей
И лето сена стогу
В траву велит расти
А я застёгнут
ремнями безопасности
Навстречу смерти
мчащейся машины
Ты прикажи с них
Мерки снять
Размера ок
Чтоб холод не впустить
Из приоткрытых окн
И по стеклу подтёком
Спадает тая вниз
Слеза ветвями Ивы
Себе кладя дорогу
А я несусь
По руку левую Река
И косы так красивы
Речные спицами блестят
Заколотых морщин
Вот справа Бог. Исус
Возможно И кругом
Через плечо ты оглянись
Держась за восприятие
Приборную панель
Того что ты и я и есть
Лишь синус и парабола
Одной единственной волны
И выбирать мы не вольны
Давя колёсами следы
Четырёхпалых лап
И вынырнет из пустоты
Так каравелла Баринель
Сломав обшивку
О вылезшую вышку
И крылья в небе улыбнутся
Что всем свой путь
Один на всех

Ответ
Что все за всех в ответе
И миллион вопросов
Матросы в панике ведут
И в руки ружья
Последнего на свете
Для штурма зимнего берут
А штурман ставлен к стенке
И капитану деньги
Забывшего на судне
Военном сёдня
Вернувшемся вчера
Матросы вслед кричат
И с ртов их сорвана печать
Матросов миллионы
Тонны сургуча и глаз неон
— Зачем так поздно?!
Не время выбирать!
Из тысячи ответов
Всё розданы! Давно.
И с палубы корвета
Визжит он: будет следующий!!! И
Не как главнокомандующий,
Но как простой моряк
Солдатиком ныряет
Параболу деля и синус
Как гильотина
Сомкнувшуюся в миг в едино.
Да, будет следующий
Но ты уж точно сгинешь...

*

И волны плещутся как не бывало мерно
Что делать нам теперь? Наверно
Лишь браться за штурвал наверняка
Посудины вчера несущей груз товарняка
Сегодня боевого корабля что только воевал
И завтра экспедиции
плывущей прямиком в девятый вал
21.16.7.5.19.
(0.43.1.9.20.)

© Идея, концепция, отбор: **Альтеры Лалангамены (Братья по Воде), 2000-2020.**
© Электронная версия: **«Лалангамена» (Литературный Альманах Народа Звезды),** http://lalanga.ru/, **2014-2020.**
© Творческая база: **«Аделаида» (клуб поэзии и авторской песни),** https://vk.com/adelaida39, **2003-2020.**
Руководитель — Нэлла (Ольга Арофикина).
© Макет и оформление: **Элиас О. Ф. Отис (Роман Адрианов),** 93in39@gmail.com, **2020.**
При оформлении обложки использована графика Бориса Вальехо.

Редакционная группа:
Элиас Отис (Роман Адрианов) — редактор-составитель
Нэлла (Ольга Арофикина)

Приём работ завершён в 2020 г.

НАУКА ⊕ РЕЛИГИЯ = МАГИЯ

Апокриф

Литературный альманах Народа Звезды

На пути мудрости, возможно, нет опасности более смертельной, нет яда более губительного, нет соблазна более тонкого, чем духовная гордыня; будучи солнечной, она действует в самом сердце, кроме того, она раздувает и обостряет эго, поэтому её жертва подвергается опасности попасть в Чёрную ложу и остаться там навсегда.

Эту опасность могут отвратить два несомненных противоядия:

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЧУВСТВО ЮМОРА.

Когда ты лежишь истощённым после достижения Вишварупадаршана, ни в коем случае нельзя думать, что «теперь я стал самым святым человеком на свете, конечно, за исключением Джона М. Уоткинса». Лучше вспомнить слова крайне скептического судьи в «Священном тупике» А.П. Герберта, он сделал из них мантру:

«Говорю вам —
говорю вам —
говорю вам —
остудите свою голову».

Алистер Кроули, «Магия без слёз», глава 44

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (vk.com/obezjanki), 2003
Издатель: Орден Белой Обезьяны
Адрес: 236022, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11
Электронные версии журнала: apokrif93.com, vk.com/apokrif93